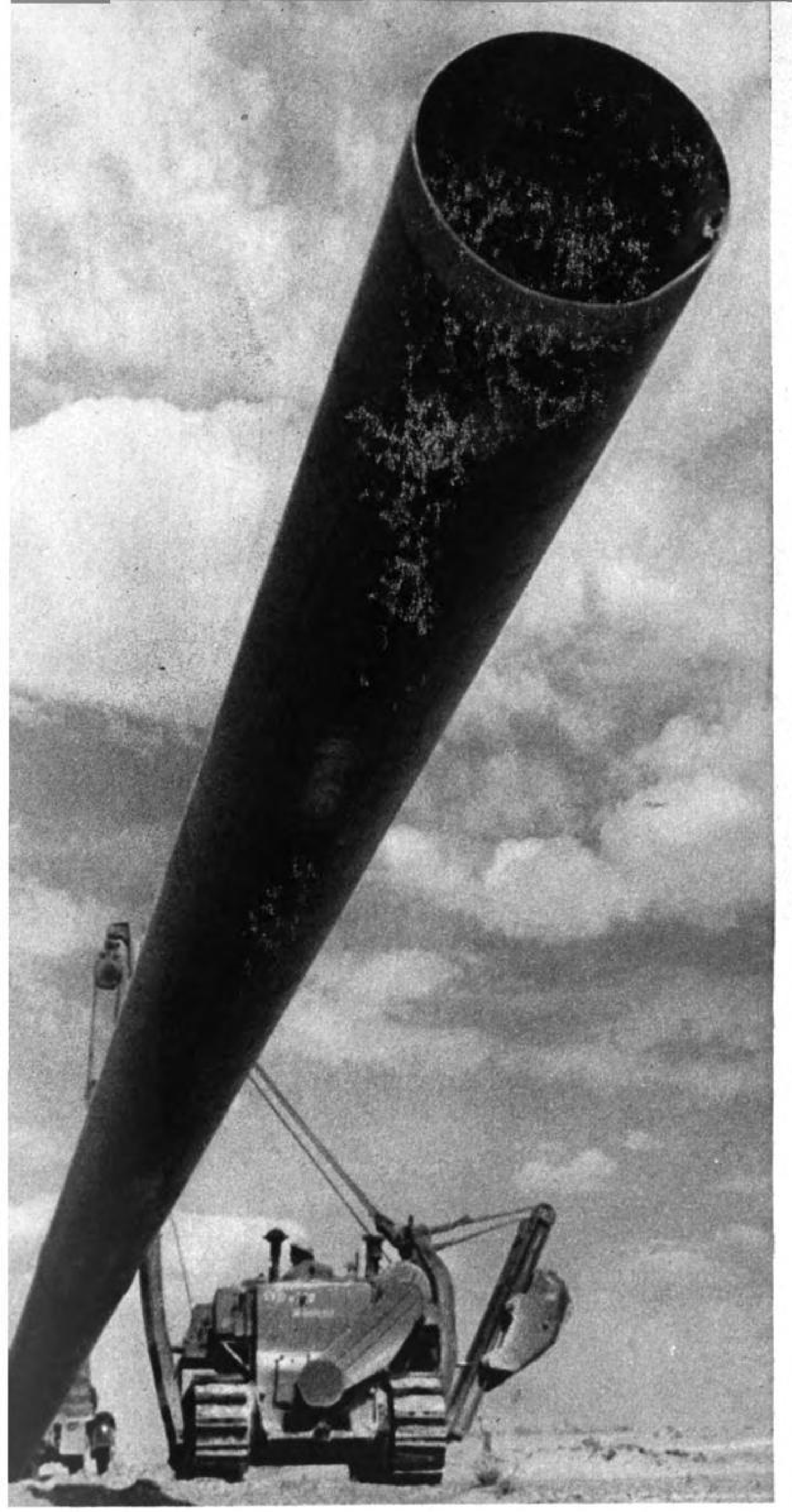
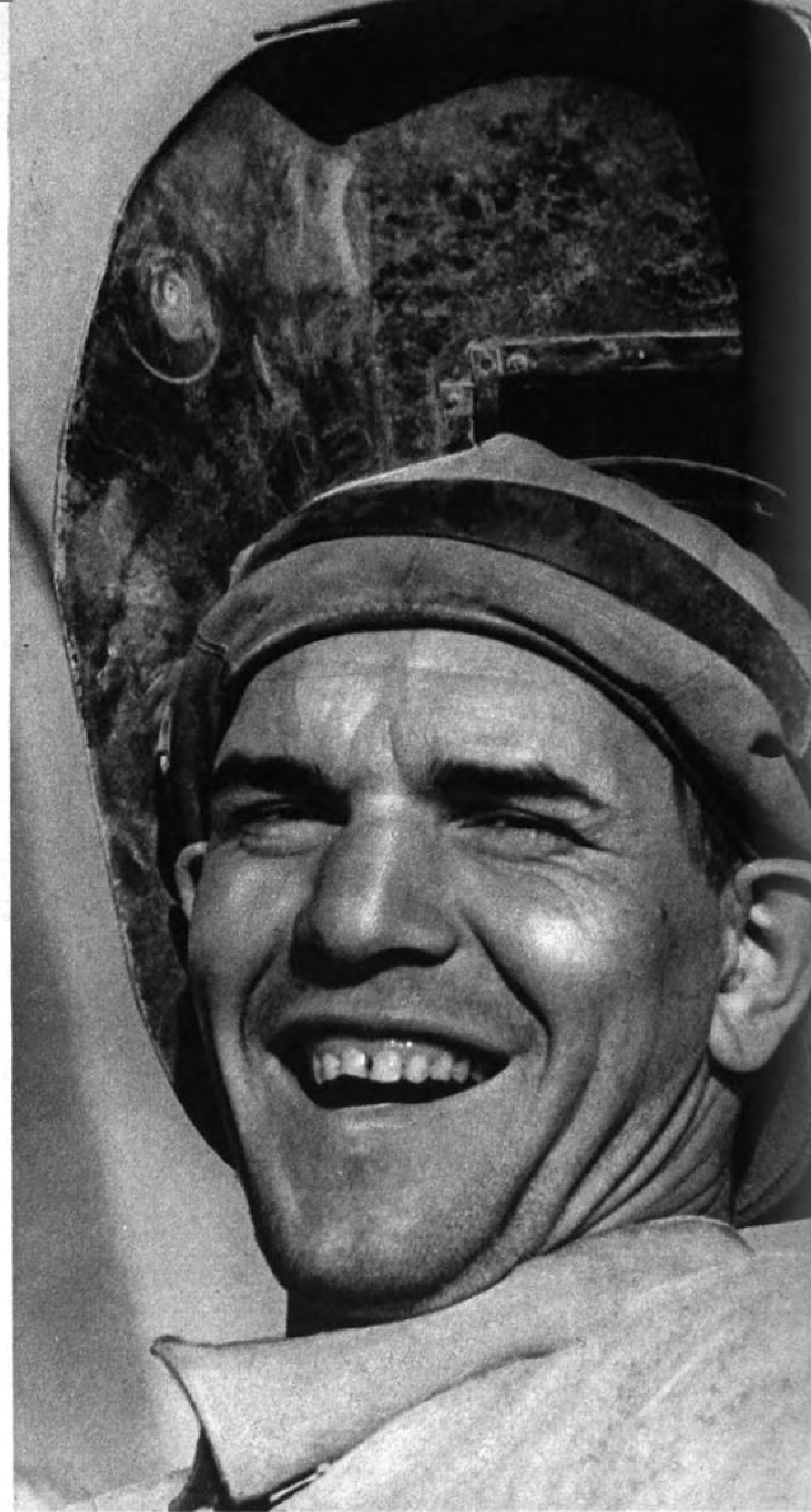

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ТЫСЯЧЕРУКАЯ МАШИНА
Девять суток в одном вагоне
Вас. Федоров. ЗЕМЛЯ И ВЕГА
Фельетон: «ЖАДНОСТЬ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (1781)
6 АВГУСТА 1961
39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕРЕЗ ПЕСКИ

В Кзылкуме поднялись буровые вышки. А там, где возникают вышки, появляется и вода, и приходят сюда скотоводы со своими отарами. Побежали по пескам и первые звенья грандиозного трубопровода Газли — Свердловск. Оживил унылый пейзаж пустыни передвижной городок для строителей — с магазином, столовой, походной электростанцией.

Первые десятки километров газопровода будут сданы к открытию XXII съезда. А в 1965 году, протянувшись не на одну тысячу километров, магистраль дойдет до Свердловска. И небо там очистится от угольного дыма, Урал получит вдоволь дешевого топлива и ценного химического сырья.

На снимках:
Одну за другой разгружает плети трубоукладчик.
Николай Жаров из бригады коммунистического труда.
Появляются здесь и скотоводы со своими отарами.

Фото В. Сучкова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Год издания 50-й № 211 (15701) | Воскресенье, 30 июля 1961 года | Цена 3 коп.

Сегодня публикуется проект Программы Коммунистической партии Советского Союза.

Проект Программы единодушно одобрен июньским Пленумом ЦК КПСС. В соответствии с решением Пленума проект Программы выносится на широкое обсуждение всех коммунистов, всех трудящихся СССР. Итоги обсуждения будут учтены при окончательном рассмотрении проекта Программы.

Новая Программа партии вносится на рассмотрение и утверждение XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

ПРОЕКТ

ПРОГРАММА

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ

30 ИЮЛЯ. ЭЛЕКТРОСТАЛЬСКИЙ ЗАВОД ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ. Пришли газеты с проектом Программы КПСС.

Фото Г. Надеждина и К Толстикова.

ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА!

Опубликован документ величайшего исторического значения — проект третьей Программы Коммунистической партии Советского Союза. Этот документ с нетерпением ожидали миллионы коммунистов всех стран мира, десятки миллионов советских людей, все прогрессивное человечество.

Великая партия Ленина — единственная партия, которая всегда твердо знала свою цель, шла к ней по компасу марксистско-ленинской науки и, преодолевая все трудности и преграды, все козни, происки и сопротивление врагов, приходила к поставленной цели.

В 1917 году Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила ненавистный народу капиталистический строй, заложив основы нового мира, в котором нет эксплуататоров и эксплуатируемых, в котором люди труда получили право на жизнь и счастье. В жесточайшей борьбе, терпя невиданные лишения и страдания, наш народ под знаменем партии Ленина разгромил врагов нового строя и приступил к строительству социализма. Нелегок был наш путь, он изобиловал трудностями, он проходил по неизведанному. Но,

(Окончание на стр. 4—5).

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ ПОБЫВАЛ В СОВХОЗАХ И КОЛХОЗАХ КУБАНИ, ДОНА И УКРАИНЫ.

28 июля было знаменательным днем для Владимира Светличного и его товарищей, работников Кубанского научно-исследовательского института испытаний тракторов и сельскохозяйственных машин: на полях института побывал Никита Сергеевич Хрущев. Вместе с Н. С. Хрущевым приехали товарищи Д. С. Полянский, Г. И. Воронов, Н. В. Подгорный, министр сельского хозяйства СССР М. А. Ольшанский.

Владимир Светличный был рад сообщить гостям об отличном урожае, собранном на участке его звена. Никита Сергеевич вместе со всеми от души аплодировал Светличному.

Фото С. Смирнова.

СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

31 июля партийно-правительственная делегация РНР нанесла визит в Кремле Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.

Тепло и сердечно встретила Советская страна партийно-правительственную делегацию Румынской Народной Республики во главе с первым секретарем Центрального Комитета Румынской рабочей партии, председателем Государственного совета РНР Георге Георгиу-Деж.

Визит румынской партийно-правительственной делегации — еще одно свидетельство неразрывной дружбы наших стран. Отношения Румынии и Советского Союза подтверждают то, что записано в проекте Программы КПСС: «От всестороннего братского сотрудничества выигрывают каждая социалистическая страна, мировая система социализма в целом».

Фото А. Ляпина.

Во время визита румынских гостей Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

ПАРТИЯ ТОРЖЕСТ… СОВЕТСКИ…

Народ…

ПЕРВЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Александра МАКЕЕВА, ударник коммунистического труда, линотипистка типографии издательства «Правда»

29 июля в типографии шла работа над воскресным номером «Правды», в котором печатался проект новой Программы.

— Я набирала «Введение». Обычно, когда набираешь, не очень-то вникаешь в текст, а тут каждая строчка врезается в память. Работает нас здесь много, и каждый набирал часть Программы, а в перерыве только и было вопросов: «А что у тебя?» И у всех было что-то очень важное и очень интересное.

Фото О. Борисова.

Почетная обязанность

Макар КОЦЕРУБА, заслуженный учитель Украины, преподаватель математики школы № 117 Киева

Ответственные и почетные обязанности возлагает Программа партии на советскую школу: воспитывать подрастающее поколение в духе коммунистической сознательности, растить высокообразованных людей, воспитывать активных участников общественной и государственной жизни.

Фото Н. Козловского.

ДЛЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Паша КАНЮКА, чабан колхоза имени ВКП(б) Черкасской области

«Колхоз — это школа коммунизма для крестьянства». Так сказала наша партия в проекте своей новой Программы. Значит, будем учиться коммунизму. Придется учиться со всем усердием. Подумать только, ведь не внуки наши и даже не дети, а мы сами будем жить в том светлом будущем, о котором столько мечтали и за которое сражались, не жалея жизни, наши отцы!

Фото Н. Федорова.

Завтрашний день начинается сегодня

...В цехах завода «Серп и молот» идет горячее обсуждение грандиозного плана строительства коммунизма — проекта Программы КПСС. Коллектив прокатного стана «750» решил один месяц каждого года работать сверх плана в счет семилетки.

Фото Майи Скурихиной.

30 июля. На полях Тучковского совхоза, Московской области.

Секретарь партийного бюро Пореченского отделения совхоза С. Г. Волков не стал мешкать: как только прибыла почта, отправился в поле, чтобы порадовать тружеников совхоза великим документом — проектом новой Программы КПСС.

Фото О. Кнорринга.

ВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ Х ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

—решающая сила строительства коммунизма!

КОММУНИЗМ—НАШЕ СКОРОЕ БУДУЩЕЕ

Василий Николаевич **КУЛАЕВ**, дежурный по Белорусскому вокзалу

Мы, железнодорожники, привыкли очень бережно обращаться со временем. Ведь самое важное у нас — график, а график — это точнейшее время.

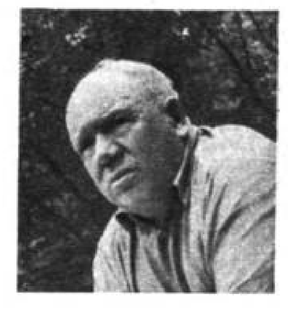
И я скажу так: с опубликованием проекта Программы КПСС строительство коммунизма в нашей стране получает четкий график.

Партия твердо заявляет, что уже к 1980 году в Советском Союзе «будет в основном построено коммунистическое общество».

Фото Б. ЛЬВОВА.

Партии

Александр **ПРОКОФЬЕВ**

Мы твои солдаты, солдаты, солдаты,
Мы грозы Октябрьской слышали раскаты.

Мы с тобой в походы ходили и в бои —
Сыновья твои
И дочери твои!

Мы с тобою бурю разнесли по свету,
Огненные стяги взвили над планетой.

Мы твое слыхали пламенное Слово,
Ты ведешь нас к битвам и к победам новым:

Больше хлеба! — битва,
Больше стали! — битва,
Мы твои солдаты, мы в колоннах слитных.

Мы твои солдаты, мы с тобою вместе,
Мы иной не знаем доблести и чести!

Фото Г. Копосова.

Мы гагаринцы

Роберт **МАМУЧИШВИЛИ**, бригадир бригады коммунистического труда имени Юрия Гагарина Тбилисской шелкоткацкой фабрики

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» — торжественно провозгласила партия.

Мы гагаринцы. Мы чувствуем себя на старте. Мы знаем: в октябре с трибуны XXII съезда КПСС прозвучит сигнал: «Вперед!», — и мы, подобно нашему Юрию, на одном дыхании со всеми советскими людьми воскликнем: «Вперед!». Это будет славный путь!

Фото В. Джейранова.

Горжусь

Ф. Г. **УГЛОВ**, член-корреспондент Академии медицинских наук, лауреат Ленинской премии

С огромным волнением читал проект Программы Коммунистической партии. Горжусь родной партией. Под ее руководством мы построили социализм, под ее водительством построим и коммунизм. Величественные, захватывающие своей перспективой планы! Рост материального благополучия народа, создание новой техники непременно благотворно скажутся на медицинской науке. Мы сделаем все, чтобы жизнь советских людей была долговечной!

Фото Г. Копосова.

ПУСТЬ СТАНЕТ ЗЕМЛЯ ЦВЕТУЩИМ САДОМ

Ризамат **МУСАМУХАММЕДОВ**, депутат Верховного Совета Узбекистана, виноградарь

Я беспартийный, но каждое новое слово партии находит в моей душе горячий отклик. И теперь, когда прочитал проект Программы, сколько ответных дум возникло у меня — создать изобилие, увеличить долю потребления высококачественных продуктов питания: молока, овощей, фруктов! Ведь я всю жизнь посвятил этому делу.

Мне уже девятый десяток. Вряд ли доживу до того дня, когда будет осуществлена нынешняя Программа партии, но не огорчаюсь: этот день увидят мои одиннадцать внуков, до него доживут деревья, посаженные мной. В Голодной Степи есть район, до последнего времени называвшийся Мирзачульским. Мирзачуль означает Голодная Степь. Отсюда партия и народ начинали наступление на суровые пустынные земли, здесь я посадил собственными руками почти 500 гектаров садов-виноградников. Раньше в Мирзачуль фрукты завозили из Ташкента, ныне ташкентцы покупают голодностепский виноград, персики. Недавно Мирзачульский район переименован в Гулистан. Цветущий сад — называется он теперь. Это не просто перемена названия. Таковы перемены на самой земле, в самой действительности.

Фото В. Крупина.

НОВАЯ ПРОГРАММА КПСС—ВЕЛИЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Говорят жители Праги

Наши друзья из чехословацкого журнала «Кветы», которых редакция журнала «Огонек» попросила рассказать о том, как встретили проект Программы КПСС в Праге, сообщают:

Мы зашли в квартал Браник к Алоизии Трейбаловой. Ей 82 года. Она вступила в Коммунистическую партию Чехословакии еще в 1921 году и с тех пор боролась в ее рядах. Она сказала нам: «Это — будущее. Завидую молодежи, которая будет жить уже в коммунистическом обществе».

Водителя грузовика Иозефа Колечко мы встретили перед его отъездом в Остраву. Вот его мнение: «Программа КПСС — прекрасная вещь. Это программа и нашей жизни. Мой сын сейчас поступает учиться на факультет журналистики. Я напутствовал его такими словами: «Мальчик, тебе будет легко писать. Ведь это жизнь, какая нам и не снилась».

Товарищ Иосиф Пучан из Словакии сейчас проходит практику на металлургическом комбинате имени К. Готвальда в Остраве. Он будет работать в Кошицах, на металлургическом комбинате, который станет одним из крупнейших предприятий в Чехословацкой Социалистической Республике. Он говорит: «Кто бы я был без Коммунистической партии? Я должен был скитаться и ждать, где я мог бы получить работу. Во время буржуазной республики рабочие из Кошиц ездили очень далеко за работой, даже в Америку. Сегодня мы строим в Кошицах огромный металлургический комбинат. Советский Союз будет поставлять нам железную руду. Мы хотим прийти на новый комбинат новыми людьми. В нашем отделе организована бригада социалистического труда. Я — ее бригадир. Мы внимательно прочли проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. Мы представляем теперь наше будущее, и нам здесь хочется для него работать. Мы будем трудиться, чтобы построить коммунизм, в котором расцветают способности и таланты, развиваются высокие моральные качества свободного человека, как говорится в Программе. Это наша цель, это цель всего человечества».

Великое счастье

Трудно передать чувства огромного волнения и радости, которые испытал я, впервые прочитав сообщение о проекте новой Программы Коммунистической партии Советского Союза. Я необыкновенно счастлив, я горд, что буду современником XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, на котором будет принят этот великий документ. Съезд и принятие Программы явятся огромной вехой во всемирно-историческом развитии человечества, огромным историческим шагом к окончательному построению коммунизма в СССР. Программа КПСС послужит на благо не только советскому народу, но и народам всех стран. Ведь в ней с необыкновенной убедительностью, точностью и конкретностью изложены пути к окончательному, неизбежному уничтожению повсюду на земле эксплуатации человека человеком.

Мы благодарны Коммунистической партии Советского Союза, ее Центральному Комитету и народам Советского Союза за этот волнующий документ, которому суждено на много лет вперед определять пути развития человеческого общества.

Зепп ХААН,
ветеран немецкого революционного движения

Москва — Лондон

В редакции газеты английских коммунистов «Дейли уоркер» к телефону подошел ее главный редактор Джордж Мэтьюз.

— Проект Программы КПСС — это главная тема газеты сегодня,— сказал он.— Мы печатаем пространное изложение Программы — пять тысяч слов — и редакционные комментарии.

Опубликование проекта Программы произвело здесь очень большое впечатление. Он появился тогда, когда в Великобритании стало известно о новых мерах правительства, ведущих к снижению заработной платы, понижению жизненного уровня, к росту безработицы.

Новая Программа — это одно из величайших событий в истории человечества. Она указывает советскому народу путь вперед. В других странах, где существуют другие условия, она тоже будит мысль и энергию народов. Она показывает, как в условиях социализма могут быть решены все проблемы человечества. Она вдохновляет нас в Англии на работу во имя укрепления мира и победы социализма.

Контраст между тем, что происходит здесь, и величественными перспективами, открывающимися перед народом Советской страны, огромен. Здесь царят неуверенность и страх перед будущим. Советские люди могут смотреть вперед с уверенностью, зная, что их жизнь будет становиться все ярче и радостней и счастливое коммунистическое будущее обязательно наступит.

МОСКВА — ПАРИЖ

По телефону мы связались с газетой «Юманите» и задали ее главному редактору Рене Андрие несколько вопросов.

«ОГОНЕК». Как откликнулась Ваша газета на опубликование в Москве проекта Программы КПСС?

ОТВЕТ. Проект Программы — первая половина — опубликован в сегодняшнем номере нашей газеты. Вторая часть появится завтра утром. Мы напечатали полный текст и дали его на первой полосе под крупным заголовком на 8 колонок: «Основа мирного сосуществования, план строительства коммунизма (на 20 лет) даст советским людям невиданное в мире процветание и обеспечит широкое развитие культуры и свободы».

Мы напечатали также редакционную статью Жака Дюкло.

«ОГОНЕК». Как реагировали на проект Программы Ваши читатели, вообще французский народ?

ОТВЕТ. Пока еще рано, и поэтому трудно узнать реакцию наших читателей, ибо, как я уже сказал, проект Программы опубликован только сегодня утром. Но уже теперь можно сказать, что каждого, кто прочел Программу или хотя бы ее краткое изложение, глубоко взволновал этот документ. Люди могут сравнить, что происходит во Франции и что происходит в Советском Союзе. Если говорить об экономике, то это рост покупательной способности в Советском Союзе и падение ее во Франции.

Еще одно интересное сравнение: французская демократия поражена не только тем фактом, что план построения коммунизма принесет советским людям богатство и процветание, но также тем, что он открывает широкие перспективы для развития демократии и культуры. Как Вы знаете, во Франции демократия подавлена личной властью генерала. У нас демократия лишена слова.

«ОГОНЕК». Каково Ваше личное мнение о проекте Программы, товарищ Андрие?

ОТВЕТ. Строительство коммунизма означает не только процветание, но также свободу и мир, потому что планы такого размаха нельзя реализовать, если будет ядерная война. Это блестяще доказывает, что Советский Союз основывает свою политику на мире, на мирном сосуществовании.

ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА!

(Начало на стр. 1.)

несмотря ни на что, ленинский план построения социализма был осуществлен. Социализм победил в Советском Союзе полностью, окончательно и бесповоротно. Происки капиталистов, маловеров и оппортунистов всех мастей были развеяны в прах. Нападения внешних врагов получили сокрушительный отпор. Разгром фашизма привел к образованию могучего социалистического лагеря. Мир, в котором господствовал капитал — этот всепожирающий кровавый Молох, — дал зияющую трещину. Отныне перед трудовым человечеством возникли светлые перспективы коммунизма, возникли зримо, в практическом их свершении.

Когда читаешь проект третьей Программы Коммунистической партии Советского Союза, то невольно испытываешь чувство гордости оттого, что ты член советского общества, сын советского народа. Ты, советский человек, стоишь в первых рядах борьбы за счастье людей всей земли, за коммунизм! Слава тебе и честь!

О чем мечтали передовые люди всех времен и народов? О свободе, равенстве, о мирном, счастливом труде, о такой жизни, когда богатства земли будут принадлежать тем, кто их создает и добывает. Об этом мечтал Спартак, когда вел своих восставших гладиаторов на штурм рабовладельческого Рима; об этом мечтал Кампанелла в темницах «святой инквизиции»; об этом думали Томас Мор, Сен-Симон и Фурье — творцы утопического социализма; об этом рассуждали русские декабристы и петрашевцы. Маркс, Энгельс, Ленин разработали и начертали стратегический и тактический план борьбы, и этот план принес желанную победу.

Проект третьей Программы КПСС гласит: «В результате самоотверженного труда советского народа, теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза **человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма. Столбовая дорога к социализму проложена.** По ней идут уже многие народы, по ней рано или поздно пойдут все народы».

Советский народ всемерно поддерживал и поддерживает Коммунистическую партию потому, что на ее знаменах его чаяния, надежды и стремления, потому, что она никогда не отрывалась от народа, а всегда шла вместе с ним, неся на своих плечах основную тяжесть борьбы. Диктатура пролетариата, лежавшая в основе советской государственности, привела к превращению Советского Союза в государство общенародное, отражающее интересы и волю всего народа. В этом сейчас сила советской нации и залог успешного осуществления дальнейшего строительства коммунизма. Такой сплоченности народа не знает ни одна капиталистическая страна, где все подчинено интересам правящих классов и монополий, где царит насилие эксплуататоров над эксплуатируемыми, богатых над бедными, сильных над слабыми, где человек человеку — волк.

Мы были нищим народом на богатейшей земле. Старую Россию презрительно именовали «колоссом на глиняных ногах». Цепи вековой отсталости тормозили наше движение вперед, сковывали производственные силы народа.

Победивший социалистический строй смел все преграды на пути нашего развития, мы в исторически кратчайший срок ликвидировали свою отсталость и двинулись вперед с такой силой, с таким всесокрушающим устремлением, что быстро оставили позади многие передовые капиталистические страны, повергнув в изумление весь мир. И самое главное: мы идем вперед безостановочно, из года в год усиливая темпы, наращивая силы, умножая свои богатства.

Коммунизм немыслим без этого неостановимого движения вперед, без постоянного укрепления и развития материально-технической базы. За двадцать лет, говорится в проекте третьей Программы Коммунистической партии Советского Союза, национальный доход увеличится примерно в 5 раз, а реальные доходы на душу населения — более чем в 3,5 раза. Это означает, что всем слоям населения будет обеспечен материальный достаток, что все люди нашей страны будут жить хорошо.

Н. П. РАСТОПЧИН,
член КПСС с 1903 года

Три программы

Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что прожил жизнь, полную борьбы и испытаний.

Мне 77 лет, из которых 58 я в рядах партии. Членом РСДРП я стал в тот год, когда собрался II съезд нашей партии, принявший ее первую программу.

В то время я жил в Нижнем Новгороде, был студентом механико-технического училища, участвовал в подпольном марксистском кружке. Занятия с нами вел замечательный пропагандист Яков Михайлович Свердлов, который и содействовал моему вступлению в партию. Вместе с Яковом Михайловичем мы печатали на каучуковом шрифте Коммунистический Манифест, для того чтобы распространить его среди нелегальных организаций Поволжья. Свердлов был арестован, а затем взяли и меня вместе со шрифтом и первыми оттисками Манифеста.

Это произошло как раз в дни работы II съезда. И материалы его, принятую им программу я изучал уже в «романовском университете», как мы называли тогда царские тюрьмы. Я сидел в Москве в одиночной камере «Таганки». Окно камеры было, конечно, зарешечено, но ставни разрешалось открывать. Лежа на подоконнике, я переговаривался с моими товарищами, сидевшими в соседних одиночках. Вот в таких своеобразных условиях мы и обсуждали материалы II съезда. Говорили о ленинской программе партии. Всей душой приветствовали ее. Клялись друг другу не щадить сил и самой жизни в борьбе за осуществление этой программы...

И мы боролись под ее знаменем почти шестнадцать лет. Были баррикады Пятого года, был февраль Семнадцатого, был Октябрь! Рухнул царизм, восторжествовала революция. Все эти годы, как солдат партии, я выполнял ее поручения. После Февраля я был выбран членом ревкома, а после Октября — председателем ревкома в Костроме, из Костромы меня и делегировали на VIII съезд РКП(б), которому предстояло принять новую, вторую программу партии.

Молодой Советской власти шел лишь второй год, а уже сколько испытаний она выдержала, сколько боев! Незабываемый 19-й начинался трудно. Колчак, Деникин, Юденич готовили к весне наступление по всему фронту. В грозовую пору собрались в Москве 403 посланца партии. Многие приехали прямо с фронта.

Съезд открыл Ленин. Первое его слово было посвящено скончавшемуся накануне Якову Михайловичу Свердлову. Это была тяжкая потеря для всей партии, для всей страны. Мы, знавшие его лично, горевали неутешно. Для меня он был партийный «крестный», учитель, старший товарищ...

Владимир Ильич несколько раз выступал на съезде. Он делал отчетный доклад ЦК, доклады о работе в деревне и о новой программе партии.

Я помню, как Ленин сказал, что программа должна заключать «абсолютно непререкаемое, фактически установленное». А фактически установленным, непререкаемым была победа социалистической революции, диктатура пролетариата! И новая программа определяла наши задачи на весь переходный период от капитализма к социализму. А насколько она была мудра и дальновидна, эта программа, показали все 42 года нашей жизни и борьбы под ее знаменем!

Я помню речь Ленина на заключительном заседании съезда. К этому времени Антанта и белогвардейцы развернули уже новый поход против Советской власти. Ильич сказал: «...в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции».

После съезда почти все делегаты разъехались по фронтам. Мы с товарищами отправились под Петроград, где Юденич начал уже наступление.

Потом я работал в Ярославле, в губкоме партии. Мы выполняли решения VIII съезда, новую партийную программу. Кое-что нам удалось сделать. Владимир Ильич говорил на съезде о привлечении широких крестьянских масс к активной деятельности. И вот мы у себя в губернии провели беспартийные крестьянские конференции. Они помогли нам лучше выполнить правительственную директиву — дать пополнение Красной Армии, снабдить продовольствием Москву и Петроград. Это было нашим небольшим вкладом в выполнение новой программы партии. Ленин узнал о нашем опыте и высоко оценил его. На VIII Всероссийской партийной конференции он говорил о связи партии с массами. «Недавно в «Правде»,— сказал Ильич,— была напечатана статья о беспартийных конференциях. Эта статья, статья тов. Растопчина, заслуживает особенного внимания. Я не знаю иного средства, которое решало бы эту задачу глубочайшей исторической важности».

Прошло много лет. Ордена и медали я в особо торжественные дни ношу на груди, а слова товарища Ленина — высшая моя награда — всегда в моем сердце...

И снова повторяю, что я счастливый человек. Дожил до великих свершений. Дожил до того дня, когда мы собираемся принимать новую, третью программу партии. Ленин говорил на VIII съезде партии, что придет время и «...мы создадим другую программу. Но тогда мы будем жить уже в социалистическом обществе».

Я слышал тогда Ильича и дожил до осуществления великой его мечты.

Враги нашей Родины—империалисты, капиталисты и колонизаторы, погрязшие в крови и войнах, потеряв стыд, совесть и разум, нагло говорят об «агрессивности Советов». Нет более мирной страны, чем наша! В своей Программе партия подтверждает, что Советский Союз последовательно отстаивал и будет отстаивать политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Коммунизм не предмет вооруженного экспорта. Коммунизм — это мир, это благо для всех людей.

А если мы держим свой порох сухим и укрепляем свои вооруженные силы, то только потому, что нам противостоит хищный лагерь империализма, заправилы которого спят и видят гибель надежды человечества — социалистического, коммунистического строя на земле.

Проект Программы КПСС опубликован. Документ грандиозной силы, он привлекает к себе внимание всех людей мира. Коммунисты и все советские граждане с огромным интересом читают и обсуждают его. Это и есть подлинный демократизм нашей жизни. Идеи и мысли партии становятся идеями миллионов.

В проекте Программы выражается уверенность, что советские люди воспримут ее «как свое родное, кровное дело, как величайшую цель своей жизни и знамя всенародной борьбы за построение коммунизма».

В Программе говорится: **«Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»**

Нам есть во имя чего жить, трудиться, бороться: яркое солнце коммунизма встает над нашей страной!

Лучи его будут греть всю землю!

2 августа в Москву с официальным визитом прибыл Председатель Совета Министров Итальянской республики Аминторе Фанфани. На Внуковском аэродроме гостя встречали Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие официальные лица.

Фото Я. Рюмкина.

На снимке: встреча на аэродроме.

Стр

24 тонны зерна в смену — такое задание установлено для комбайнеров в совхозе «Марьино» на период уборки. И это немало. Но Иван Григорьевич Проценко считает по-другому: он намолачивает за смену 37 тонн!

Бригадир производственного участка И. П. Белан и рабочий совхоза П. Ф. Макаров, осматривая кукурузу, решили: не меньше 600 центнеров зеленой массы с гектара соберет в этом году совхоз.

Русская равнина... Наливается зерном гречиха, выбрасывает метелку просо, поднимается кукуруза. Страдная пора в Курской области в полном разгаре: убирают ранние зерновые, а в некоторых колхозах принялись и за гречиху. В этом году хороший урожай. Колхозы и совхозы стремятся в самый короткий срок без потерь убрать урожай и досрочно выполнить план продажи хлеба государству.

В совхозе «Марьино» идет комплексная обработка земли, а это значит, что сразу же как снимут урожай, на поле появляются навозоразбрасыватели, а за ними — тракторы, которые вспахивают землю для озимых культур. Эта работа — залог хорошего урожая в 1962 году.

В этом году страна получит от хлеборобов Курской области более 10 тысяч тонн гороха — ценной продовольственной культуры, много гречихи и проса.

Быстро собрать обильный урожай, перевыполнить обязательства по продаже государству хлеба, достойно встретить XXII съезд Коммунистической партии — дело чести тружеников земли.

Как сообщил редакции секретарь Курского обкома КПСС И. Ф. Смирнов, уже к 1 августа половина плана хлебозаготовок выполнена.

адная пора

Фото Я. РЮМКИНА.

Комплексная обработка земли. На поле вышли навозоразбрасыватели и тракторы.

ЛИКУЮЩАЯ ЖИВОПИСЬ

В. ВОРОНОВ

Они любили работать вместе — три художника. Серов, способный часами искать нужный тон, ругал себя «лошадью», когда ему что-то не давалось, огорчался, «что не может взять цвета», и продолжал искать. Тут же, в мастерской, спиной к другу сидел у мольберта Левитан, задумчивый, с мягкой, рассеянной улыбкой. Он расстраивался из-за малейшей неудачи, обвязывал голову мокрым полотенцем и говорил: «Я крокодил; что я делаю, я гасну...» Третий— Константин Коровин — балагур, шутник и острослов. Работал он легко, хотя и не меньше, чем его друзья. Признавал живопись только с натуры. Много лет спустя он расскажет о друзьях в воспоминаниях...

Все трое больше всего в жизни любили искусство, и каждый любил по-своему. Для Серова эта любовь оборачивалась нескончаемой работой; и если мы сейчас любуемся изящной линией в карандашном портрете балерины Карсавиной, то художник достиг этого ценой неимоверного труда. Всю жизнь Серов искал ответа на труднейшие вопросы времени. В любви Левитана к искусству было что-то нежное; мечтательный, он больше всего на свете хотел выразить в пейзаже поэтическое чувство родной природы, переполнявшее его.

Совсем иначе любил искусство Константин Коровин. Для него оно связывалось прежде всего с радостью — радостью творчества, радостью бытия. Искусство для Коровина — ликующая, рвущаяся из груди песня. «Да, рай — здесь, на земле,— восклицал художник,— и жизнь — рай, и любовь — рай, и дружба — рай, и труд — рай».

Таким он и жил — веселым, красивым, удачливым. Он рос общим баловнем, и в Училище живописи, ваяния и зодчества, куда поступил четырнадцатилетним подростком, и в московских и петербургских театрах, где работал позже декоратором. М. В. Нестеров вспоминал, что Коровина баловали все «профессора-художники, баловали учителя по наукам, коими он не любил заниматься, сдавая экзамены походя, где-нибудь на площадке лестницы, причем всегда кто-нибудь за него просил: «Поставьте ему три, он так талантлив!» Баловали его товарищи и училищные барышни, души не чаявшие в этом... как его тогда звали, в «Демоне из Докучаева переулка».

В саврасовской мастерской Коровин был младшим, но пользовался репутацией самого талантливого. Вместе с ним учились Светославский, Левитан и брат Коровина — Сергей.

Саврасов приходил в мастерскую и возвещал как самую большую новость: «Ступайте в Сокольники, фиалки уже распустились»... И они шли, с этюдниками, с пятачком в кармане, и писали едва выдавленными красками: надо экономить!

Первого своего учителя Коровин помнил всю жизнь. Однажды Саврасов навестил его во время болезни в небольшой комнате, где Коровин жил с матерью. Позже Коровин вспоминал, как Саврасов тогда говорил ему: «Ты не печалься,— все пройдет, знай, что главное есть созерцание, чувство мотива природы. Искусство и ландшафты не нужны, где нет чувства. Молодость счастлива потому, что она молодость... Надо быть всегда влюбленным, если это дано,— хорошо, нет,— что делать, душа вынута...»

...Первые картины Коровина появились в 80-е годы, когда на выставках восхищались «Утром стрелецкой казни» и «Боярыней Морозовой» Сурикова, «Крестным ходом» Репина, «Ночью на Днепре» Куинджи, батальными полотнами Верещагина. Соперничать с ними было трудно. И все-таки старшие товарищи и сверстники Коровина определяли его талант словами: «огромный, крупнейший, замечательный, редкий...» Что же привлекало в Коровине его современников? Ведь он не создал картины, которая по своему значению могла бы встать рядом с «Боярыней Морозовой» или «Крестным ходом в Курской губернии».

Есть счастливые художники, которые сумели в одной-двух картинах выразить важнейшие идеи времени. У Коровина нет такой «главной картины». Что обычно вспоминается при имени Константина Коровина? Его ранняя жемчужина «Испанки»? Или северные пейзажи?

Живописные пристрастия молодого художника определились в северной поездке, которую Коровин совершил с Серовым. Русский Север покорил друзей. Их встретила неоглядная холмистая равнина, могучая Северная Двина, ровный, несильный ветер с моря. Двухэтажные пятистенные избы привольно расположились по холмам. Будто остекленевший, прохладный воздух, и тишина, оглушающая, звенящая. Только изредка слышался птичий грай, и, вспугнутые кем-то, сотни грачей поднимались над деревянной церковкой, рубленной топором, без единого гвоздя, слаженной русскими мастерами два-три столетия назад. И опять тишина... Свет северных летних ночей очаровал художников. Они увидели здесь ту серебристую гамму, которую так упорно искал Коровин. Работали бок о бок. Вернувшись из поездки, они продолжали работать вместе. Но уже определилось различие между целеустремленным, волевым Серовым и увлекающимся, экспансивным Коровиным.

В конце 1884 года Коровин, рекомендованный В. Д. Поленовым, поступил декоратором в Частную оперу известного всей Москве Саввы Мамонтова — немного художника, немного скульптора, немного драматурга,— завидно даровитого человека, по словам Горького. Вскоре Коровин стал общим любимцем и здесь, в кружке Мамонтова, где бывали братья Васнецовы, Репин, Антокольский, Остроухов, Суриков, Неврев, Головин, Шаляпин...

Зимой на Садовой-Спасской, в доме Мамонтова, а летом в абрамцевском его имении Коровин пропадал днями и ночами, захваченный бурной жизнью. Он делал костюмы и парики, писал декорации, заполняя многометровые холсты волшебной живописью. Слава русского балета, русской оперы полетела по всему свету в роскошной, живописной оправе коровинских декораций. Талант Коровина — «чародея света» — удивительно соответствовал условиям театральной сцены, где свет может творить чудеса.

Почти сорок лет отдал Коровин театру. Времени на живопись не оставалось. Все чаще задумывался Коровин о своей «главной картине». Порой ему казалось, что он разменивается на пустяки. «Жаль одно,— писал художник,— что я разбил свою жизнь на ненужное, не на то, что я любил...» Но подобные мысли приходили к Коровину редко. Театр захватил его целиком.

Изумительны коровинские декорации к «Золотому петушку», «Сказанию о невидимом граде Китеже», «Коньку-Горбунку», «Демону», «Дон-Кихоту», к десяткам других постановок. По окончании сезона расписанные художником холсты складывались на чердаке и там пылились годами; многие из них пропали, значительная часть сгорела во время пожара. Сейчас мы можем любоваться только эскизами.

Друзья уговаривали художника бросить театр, заняться живописью. Коровин со слезами клялся, что «не пойдет к Савве на декорации, в случае нужды возьмет денег, будет серьезно работать, осенью продаст и воротит долг».

У него возникали серьезные замыслы, друзья этому искренне радовались, но вдруг опять являлся Савва Мамонтов и увлекал Коровина каким-нибудь новым грандиозным замыслом... И опять Коровин опаздывал к очередной выставке, занимаясь живописью лишь урывками. Он мог забыть послать свою картину на конкурс или на выставку. Так было с его «Охотниками»: «вдруг вспомнил накануне последнего дня приема и поставил...»

И все же сделанное Коровиным поражает: он успевал и в театре и в станковой живописи. Он побывал в Средней Азии и на Севере, в Крыму и на Волге. Начиная с 1888 года художник несколько раз выезжал за границу. И отовсюду привозил десятки блестяще написанных этюдов, картин, больших и малых.

С годами характер его мало изменился. На похоронах Баумана в 1905 году Коровин, взволнованный массовыми демонстрациями, пожертвовал сто рублей в кассу революционеров, а на следующий день его видели заискивающим в канцелярии императорских театров. Вот эта общественная бесхарактерность в конце концов помешала Коровину полностью отдать свои силы родному народу. В двадцатых годах он поехал в Париж, да так и не вернулся.

...На одной парижской выставке в 30-х годах Е. Лансере видел Коровина. Он стоял перед скромным пейзажем, изображавшим березки, и расстроенным голосом твердил: «Милые, родные русские березки, увижу ли я вас, красавицы мои...»

Сохранилась одна из последних коровинских фотографий: где-то в мансарде у простого деревянного стола сидит художник, обняв собаку. В усталом, изможденном лице трудно узнать прежнего «юного бога» Константина Коровина.

В неопубликованных письмах художника к Б. Красину, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, почти в каждом возникает, как наваждение, вопрос о возвращении на родину. «...Если заработаю пару тысяч золотых, то приеду весной обязательно...»

Он хотел уехать в Москву, закончив оформление балета «Дон-Кихот» в лондонском Ковент-гардене, но, опутанный долгами и обязательствами, контрактами и договорами, не смог вернуться на любимую Оку. «Трудно описать последовательно всю петлю, затянувшую здесь постепенно мою жизнь, всю надежду, потерянную вследствие неудач, как бы рока: болезней, бессредствия, обязательств и долгов».

«Я живу воспоминаниями о друзьях,— признавался художник.— Они были — умерли: Левитан, Врубель, Серов...» Он пережил их всех. Ослепший Врубель скончался в больнице в возрасте 54 лет, Серов умер 46 лет, Левитан не дожил и до сорока... Коровин прожил почти восемьдесят лет. Умер он 11 сентября 1939 года.

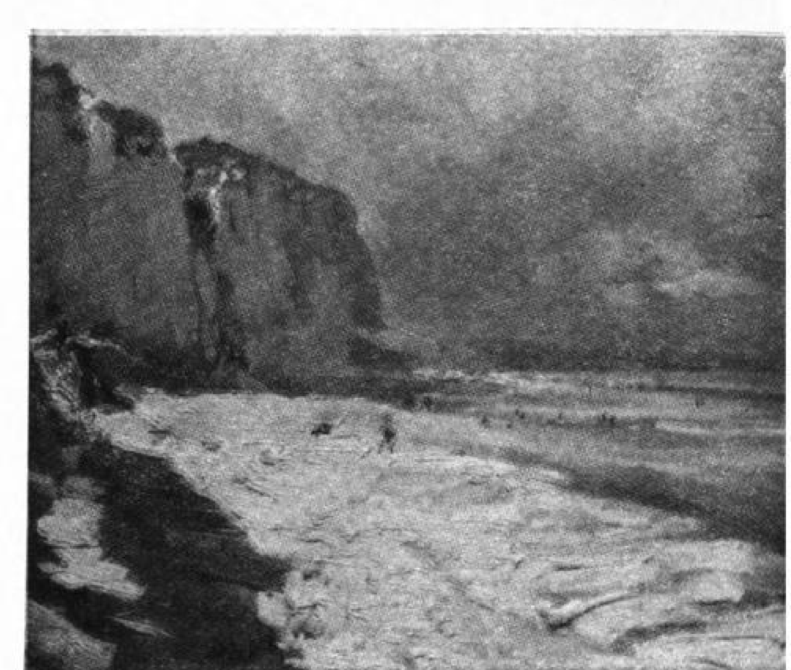
...Нельзя словами передать чувство утренней свежести, благоухание букета роз на окне, выходящем в цветущий сад. Или мерцание разноцветных огней большого города. Или гулкую тишину северных вечеров... Коровин мог передать это своей кистью, в тончайших оттенках и переливах цвета и света. Пожалуй, это и есть подлинный язык живописи, непереводимый ни на какой другой язык, неподвластный никакому другому виду искусства.

Он был прирожденным колористом. Одним из первых он почувствовал, что надо двигаться, говоря словами Крамского, «к свету, краскам и воздуху». На полотнах Коровина предметы окутаны подлинным светом, контуры словно зыблются в воздушной среде, яркие блики и рефлексы играют на поверхности вещей...

Такое чувство переполняет каждого на выставке произведений Константина Коровина в Академии художеств в Москве. Выставка громадная: более семисот живописных, акварельных и графических работ. Она приурочена к столетию со дня рождения художника. Константин Коровин — неугомонный жизнелюбец,— как всегда, радует свой народ.

К. Коровин. В ЛОДКЕ. Автопортрет и портрет художницы Марии Васильевны Якунчиковой. Жуковка, близ Мытищ, на Клязьме. 1887—1888.

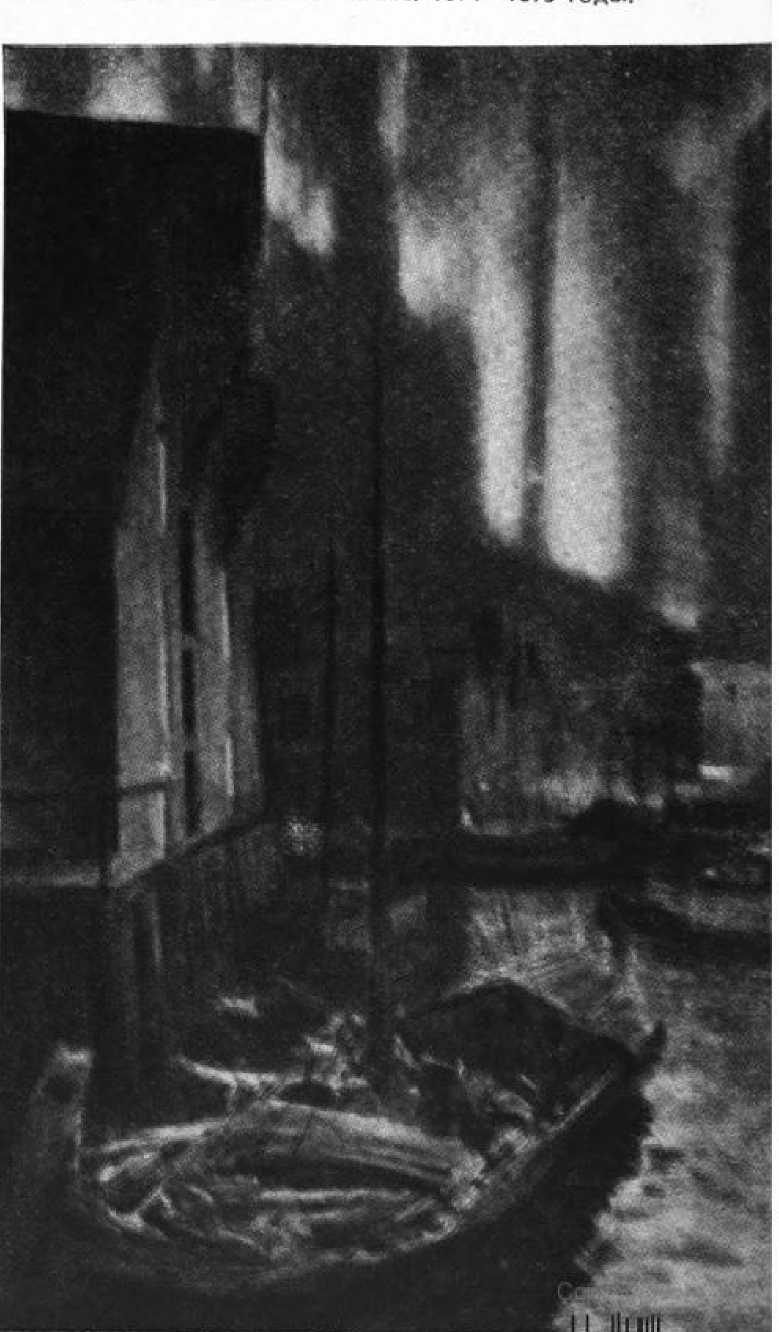

МОРСКОЙ БЕРЕГ. Этюд.

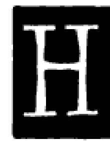
К. Коровин. БУМАЖНЫЕ ФОНАРИ. 1898 год.

ГАММЕРФЕСТ. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. 1894—1895 годы.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Плюс 500

есколько лет назад, приехав в Ленинград, я заглянул к приятелю. Он торопился в поликлинику на рентгеноскопию:

— Пойдем вместе. Пока дождусь своей очереди, наговоримся вдоволь. Ручаюсь!

В коридорах поликлиники № 37 царила сутолока. Нет-нет да вспыхивала перебранка: то историю болезни затеряли, то анализы не готовы. Старая женщина устало попрекала врача:

— Здоровая к вам походит и то занеможет, а уж хворая...

Стоявший рядом инвалид ехидно протянул:

— Лекарня...

Врач отмалчивался...

И вот я снова в Ленинграде. Встретившись с тем же приятелем, поинтересовался, как «лекарня». Он оживился:

— Даже трудно поверить, до чего все там переменилось!

Признаться, я не очень-то и поверил ему. Но в Ленгорздраве услышал рассказ об интересных новшествах в здешних поликлиниках, и запевалой оказалась именно она — № 37.

У Демидова

До революции богатая семья обычно имела своего домашнего врача. Но подавляющему большинству населения это было не по карману. В советское время бесплатное лечение стало доступно у нас любому человеку. И зачастую терапевт из районной поликлиники — поистине домашний врач, бескорыстный друг каждой семьи на своем участке.

Зачастую, но не всегда и не везде. Справедливых жалоб, нареканий на плохую работу поликлиник, увы, хоть отбавляй. Почему? Обычно на этот вопрос отвечают: врачи перегружены, их не хватает.

Вопрос этот встал и перед Владимиром Александровичем Демидовым, когда его назначили главным врачом 37-й поликлиники. Но он по-своему ответил на него.

И вот мы беседуем с Демидовым. Он предупредил, что не избежать «предисловия».

— Год от года богатеют медсанчасти — фабрично-заводские поликлиники. А за воротами фабрик и заводов? Поблизости появляются все новые поликлиники, больницы. Есть «Скорая помощь». Налажена круглосуточная «Неотложная помощь». Поэтому на здравпунктах работы стало куда меньше. Да и упростилась она. Недаром иные врачи из здравпунктов жалуются, что тяготятся своей должностью, теряют квалификацию... Короче, мы сочли, что некоторые врачебные здравпункты надо перевести в фельдшерские, а кое-какие вовсе ликвидировать и их работников перевести к нам. Посоветовались с общественностью. На кондитерской фабрике имени Крупской, и парфюмерной «Северное сияние», и на других предприятиях с нами согласились. Было очевидно: рабочие и служащие только выиграют от такой разумной перестановки медицинских сил.

Нашлись резервы и в самой поликлинике. К чему, скажем, нам маляриолог? Больных малярией немного, и квалифицированно лечить их должны уметь все участковые терапевты. То же и с ревматологом. Ни к чему и должность врача по санитарному просвещению. От таких должностей отказались, чтобы побольше врачей было на участках. А это значит, что и сами участки можно разукрупнить. Теперь на долю терапевта приходится вдвое меньше жителей, чем прежде. И постепенно исчезает та самая перегруженность, которая мешает доктору стать по-настоящему домашним врачом.

Но и на этом не остановились. Тысячи людей приходят в поликлинику не потому, что они захворали. Одним нужна справка о состоянии здоровья: идет работать шофером, поваром. Другие собираются на курорт. И все идут к своему терапевту. А ведь прием больного порой сводится к немудрящему делу — выписать талончики в лабораторию, на рентген или к узким специалистам — невропатологу, ларингологу, хирургу, стоматологу. Сейчас эту полумедицинскую-полуканцелярскую работу в 37-й поликлинике выполняет созданный здесь кабинет дообследования, где дежурят опытные сестры. С первого взгляда — мелочь. Но и она отрывала врача от настоящего дела на полчаса — час в день!

— Цели своей мы, конечно, еще не достигли,— говорит Демидов,— но упорно идем к ней. Здоровье человека оберегаем лучше прежнего. Есть тому веские доказательства. Например, вот одно из них. Наш коллектив провел своеобразную перепись населения с позиции медицинской. Обнаружились сотни людей, которые никогда к нам не обращались. Всех их мы приглашаем в поликлинику, тщательно обследуем. И подчас удается в ранней стадии распознать недуг, о котором сам больной еще не знал. А ведь совсем недавно это были лишь благие намерения.

Самое отрадное

«Демидовские эксперименты» вышли за стены поликлиники № 37.

На Васильевском острове, при больнице имени Ленина, есть две поликлиники — первая и четвертая. Обе они оказались в трудном положении: кругом строили огромные дома, население быстро росло, врачи сбивались с ног. Но в последнее время произошли серьезные перемены к лучшему.

— Выручила разумная перестановка сил, а она, без прикрас, разумна,— рассказывает главный врач больницы Клавдия Александровна Шеломенцева.— Заводы «Красный металлист» и имени Котлякова слились. Зачем же иметь два здравпункта? Оказалось, что легко обойтись без некоторых специалистов и в здравпункте фабрики-кухни. До нас — рукой подать, одна лишь трамвайная остановка. И, если нужно, поспеваем в любой цех, немедленно. А то, что мы укрепили обе поликлиники, рабочие ощущают и непосредственно на производстве. Возьмите фабрику имени Веры Слуцкой. Там два наших врача, стоматолог и гинеколог, проводят половину своего времени. На этой фабрике открыли рентгеновский кабинет для профилактических осмотров. Кстати, им пользуются и коллективы седьмой ГЭС, «Электроаппарата», расположенных поблизости.

«Демидовские эксперименты» нашли своих поклонников во многих поликлиниках города. Все нововведения сводятся к одному, главному — так разгрузить участкового терапевта, чтобы он мог стать по-настоящему домашним врачом, другом семьи. И оказалось, есть для этого возможности.

— Мы богаче, чем полагали,— говорит заведующий Ленгорздравом Владимир Алексеевич Миняев.— Изучили почти все здравпункты. И выяснили, что часть врачей, фельдшеров, медицинских сестер целесообразно перевести оттуда в поликлиники. В иных стационарах, институтских клиниках на каждого больного приходилось чуть ли не по два врача. И к больницам пригляделись, укрупнили некоторые отделения. За два года удалось высвободить и направить в районные поликлиники примерно пятьсот медицинских работников, главным образом врачей. Теперь здесь создалась совсем иная обстановка: в среднем по городу нагрузка участкового терапевта сократилась наполовину. О результатах нововведения можно судить и по числу посетителей поликлиники.

— Их теперь меньше?

— Гораздо больше!

— ?!

— Загадки тут нет. Заболеваемость снижается. Но в поликлиники зачастили люди, которые не хворают, а заботятся о своем здоровье. Особенно пенсионеры. Раньше они сторонились врача: кому охота без острой нужды стоять в очереди к нему или в процедурный кабинет. А теперь обращаются за советом, просят наметить индивидуальный курс лечебной физкультуры, назначить хвойные ванны. Приходят и люди средних лет: как бы отодвинуть старость подальше. И мы их визитам рады...

— У нас еще нехватка узких специалистов,— продолжает свой рассказ Миняев,— а в шестьдесят втором году их будет достаточно: переобучаем терапевтов. Тогда, кроме всего прочего, шире распространится в поликлиниках «бригадный метод». В бригаду входят семь-восемь участковых терапевтов и по одному врачу разных специальностей. Они сообща заботятся о жителях своего микрорайона. Для больного это очень важно. Сейчас ведь как? Вот он у терапевта. Допустим, выяснилось, что не в порядке нервы. Больной записывается к невропатологу. И попадает сегодня к тому, завтра — к другому, а на следующей неделе — к третьему. Плохо! В бригаде иначе. Все врачи принимают в одни и те же часы. Пациента без дополнительных хлопот проведут от терапевта к специалисту, который и будет заниматься лечением, сколько бы оно ни длилось...

Если нужно показать больного нескольким врачам, это тоже делается в один присест. Любого узкого специалиста можно вызвать и на дом. Врачи, контактируясь в бригаде, хорошо узнав пациента, лучше лечат его. У больного, выходит, есть не только свой домашний врач — участковый терапевт, но еще и коллективный домашний врач — все узкие специалисты бригады.

☆ ☆ ☆

Вероятно, нет пока в Ленинграде поликлиник, где полностью сбылась мечта о домашнем враче-друге. Не перевелись и такие, которым предстоит тянуться и тянуться, догоняя передовые. Но и они не стоят на месте. Все — в пути. А шаг у них теперь широкий.

Доброго пути им!

О. КНОРРИНГ

Дорогие товарищи пассажиры, вы даже представить себе не можете, как вы мусорите в вагоне. Целый день вы только и делаете, что едите, курите, бросаете на пол бумажки и окурки. Неужели вам так трудно бывает бросить в мусорный ящик остатки съеденной курицы и отряхнуть обувь в тамбуре?

Признаться, я сам был таким, как вы. Но вот когда я прошелся по составу с веничком, то сразу понял, какой это тяжелый труд — убирать за вами, уважаемые граждане пассажиры.

Наш поезд № 42/41 Москва — Владивосток, в котором я еду по заданию редакции в качестве проводника, состоит из одного общего вагона, четырех плацкартных, трех купированных, одного мягкого и вагона-ресторана. Кроме них, в составе идут еще почтовый и багажный вагоны, но это уже другая «держава», и мы имеем к ним лишь косвенное отношение.

Подготовка к рейсу начинается часов за пятнадцать до отправления поезда. Принимаются комплекты чистого белья, грузится уголь, заправляются водой баки, чистятся дымоходы.

Как пассажир я, наверно, уже несколько раз объехал земной шар, но теперь мое представление о работе проводника рушилось, как карточный домик. Раньше я думал так: подмети вагон, напои чайком пассажиров да и ложись спать. Как бы не так!

Вагон оказался сложнейшим механизмом с радиотрансляционной сетью, центральным отоплением, вентиляцией и даже собственной электростанцией.

Чего стоит один проклятый титан, «атомное» устройство которого я так и не постиг до сих пор! А сколько мук доставляет ремень привода динамомашины, тот, что находится под вагоном и имеет скверную привычку слетать на ходу!

Народ в нашем поезде простой, без претензий. У кого дела более срочные, те едут в скорых поездах или летают на самолетах. Чтобы добраться до Владивостока, нам требуется девять суток, а «ТУ-104» доставит вас туда же за девять часов лёта.

Большинство пассажиров — возвращающиеся из отпуска дальневосточники: рыбаки, строители, моряки дальнего плавания, шахтеры и, конечно, геологи.

Отпуск уже у всех позади, до дома теперь недалеко, и поэтому все спешат истратить остаток взятых с собой денег. Гулять так гулять! Пассажиры, едущие в сторону Москвы, всегда более расчетливы: мало ли что может случиться! Все это мне разъяснил многоопытный директор нашего вагона-ресторана. Уж кому-кому, а ему это известно лучше всех!

Настоящая жизнь в нашем поезде начинается на второй день пути. Все неполадки уже утряслись, пассажиры перезнакомились друг с другом, продукты, взятые на дорогу, съедены. Начинаются дорожные будни.

Как-то днем я прошел вдоль всего состава. Шел и считал. Чем же занимались пассажиры? Спали 52 человека, закусывали — 86, играли в преферанс — 8, в подкидного дурака — 32, в домино — 20, в шахматы — 8, читали — 21, шили и вязали — 4, сидели в ресторане — 25, возились с ребятишками — 17, курили — 22, пели под аккордеон и гитару — 18, целовались в тамбуре — 2.

В эту статистическую таблицу не вошли разговаривавшие и слушавшие радио.

Считать-то пассажиров легко, а вот снимать... Все удивляются проводнику с фотоаппаратом. Хорошо, что находчивый бригадир, единственный человек, знающий, что я проводник липовый, распространяет версию, будто я снимаю для стенгазеты.

В общем вагоне вокруг хорошенькой блондинки сосредоточилось большое количество военных, в основном сержантов. Мне хочется снять ее одну, но номер не удается. Товарищи военные тут же делают каменные лица и пристраиваются около. Это бывшая десятиклассница из Москвы, едет в Сибирь работать маляром.

...Очень приятная пара — муж и жена из Петропавловска-на-Камчатке. Он матрос — колхозник рыболовецкой артели. Она работает в детском садике. Сезон был удачный, заработали хорошо. Ездили «на материк» к родственникам. Видимо, очень любят друг друга. По секрету каждый из них отдельно сообщил мне, что они ждут ребенка. Он, конечно, сына — Андрюшку, ей все равно, пожалуй, лучше, если будет девочка. Разговор идет о будущем. Она хочет, чтобы он работал в городе.

— Ведь я так за него беспокоюсь, когда он в море.

Он мило улыбается в ответ.

— Ну, пойми ты, глупышка, не могу, тесно мне на берегу, а вот как выйдешь в океан...

В другом конце вагона играет аккордеон. Здесь тоже едет супружеская чета. Она машинистка из порта Находка, он шофер из Ташкента.

Что и как, толком я не понял (это журналисту хорошо расспрашивать, а какое дело до всего этого проводнику?), но с Ташкентом все покончено, и он тоже едет работать на Дальний Восток. Аккордеон, конечно, взят с собой.

* * *

Готовлю сведения о наличии свободных мест. Как много, однако, может рассказать обыкновенная клеенчатая сумка, в которой хранятся отобранные у пассажиров билеты.

Вначале это только цифры. На такой-то станции сойдет столько-то пассажиров — и все. Но вот проходят день-два, и цифры постепенно превращаются в живых людей, и я уже знаю, кто они, куда и зачем едут.

Я знаю, что два билета до Петропавловска принадлежат зоотехникам из целинных совхозов — возвращаются из Москвы, где учились на курсах повышения квалификации. Хозяева пяти билетов до Омска — это четверо бакинских инженеров, едущих обмениваться опытом на нефтеперерабатывающий завод, и студентка-медичка — возвращается с каникул.

За билетом до Новосибирска я уже вижу молодого биолога из Сибирского отделения Академии наук. А шестеро парней, делающих пересадку в Тайшете,— строители Братской ГЭС.

В Красноярске у нас никто не сходит. Туда есть специальный поезд. Зато, видимо, там сядет много новых пассажиров.

В Ангарске мы простимся с нашим общим любимцем — маленьким Борькой, которого мать возила в Москву показывать бабушке. Его, наверно, будет встречать отец — технолог одного из заводов нового города.

А в Иркутске останется едущая туда на гастроли группа артистов филармонии и бородатый искатель алмазов из Мирного.

...Одни выходят, другие садятся. И так до самого Владивостока.

Со многими я успел подружиться. И, видимо, какое-то время мне их будет не хватать, но ничего не поделаешь, вся жизнь состоит из приобретений и потерь.

В этом сходятся профессии проводников и журналистов.

* * *

Всем хороша электрифицированная железная дорога, но для радио это смерть, сплошные помехи от электровозов.

Выручает магнитофон. У нас в запасе штук пятнадцать роликов, каждый по сорок минут звучания.

К концу второго дня уже все перекручено и пассажирам репертуар известен. Вот тут-то и начинаются трения.

Не успеешь поставить симфонический концерт, как приходит делегация и просит прекратить «это безобразие» и поставить Воронежский хор. Поставишь Воронежский хор — является другая делегация и требует прекратить «это безобразие» и транслировать серьезную музыку.

Правда, к концу поездки все всем надоедает, и пассажиры покорно слушают, что ни поставишь.

* * *

Наша бригада состоит из двадцати одного человека: один бригадир и двадцать проводников. Народ все опытный, с большим стажем. Я двадцать второй — «молодой, необученный».

Профорг Вася Юрченко командует третьим вагоном. Вагон общий, пассажиры в нем так называемые трамвайные, едущие на короткие расстояния. Управляться с этой вольницей довольно сложно. Вася внешне грубоват и, что греха таить, любит иной раз крепкое словцо (не на людях, конечно), но с пассажирами ладит хорошо, хотя и держит их в ежовых рукавицах. Грубость у проводников, к сожалению, есть. Не хватает им еще элементарной служебной вежливости. Все тебе сделает, но вначале обязательно нагрубит. Зачем?..

В шестом вагоне едет крохотная, как воробей, проводница Сысоева. Саша — голуба душа. Добрейшее существо, отчаянная хлопотунья, безотказно выполняющая любую работу — свою или чужую, для нее безразлично.

Четвертый вагон у нас детский. Это уже настоящий детский сад. Мужчин мало, и чувствуют они себя здесь не в своей тарелке. Бедные ребятишки устают от длительного пути. Им тесно, побегать негде. На второй, третий день они начинают томиться и капризничать. Здорово достается мамам.

У проводника этого вагона Тихона Ивановича Голубых с детворой полный контакт. Он создал при себе детский актив, назначил ребят старшими по купе и даже организовал между ними что-то вроде соревнования за чистоту.

От него я узнал любопытную историю. Молоденькая женщина везет грудного ребенка. Молока у мамы не хватает, а ничего другого малыш есть еще не может.

И вот летят вперед служебные телеграммы: в вагоне грудной ребенок, доставьте к приходу поезда молоко из детской консультации... И молоко аккуратно доставлялось на каждой крупной станции. Оказывается, это уже традиция. Хорошая традиция!

Седьмой — купированный вагон. Здесь хозяин Иван Иванович Латчихин, молодой, вечно улыбающийся парень. Пассажиры прозвали его Ваня-побегун. Прозвище — самая точная для него характеристика. Все время бегает то с пылесосом, то с тряпкой; что-то моет, метет, вытирает. Вагон у него блестит. Кончил убирать, хватает пачку журналов и бежит продавать ее по вагонам.

О литературе стоит поговорить особо. Я тоже продавал в поезде журналы, выданные нам в Москве для распространения в пути. Что же это были за журналы? Доисторический «Молодой колхозник», «Костер» и маленький сборник стихов.

Мое профессиональное чувство корреспондента «Огонька» было оскорблено. Моего журнала в продажу нам не дали. Правда, если бы я был корреспондентом «Кро-

АЛЬНЯЯ

кодила» или «Недели», мне было бы не легче. Этих журналов тоже не было. (Говорят, если они иногда и бывают, то годичной давности.) А вот именно их-то все время и спрашивают. Нам стыдно было предлагать пассажирам печатные неликвиды. А вам, товарищи из «Союзпечати»?

Правда, наша бригада взяла на себя обязательство покупать для пассажиров свежие газеты. Это, конечно, хорошо.

Но неплохо было бы ввести такой порядок: снабжать поезда на крупных станциях газетами так же, как водой и углем.

Впрочем, пожалуй, не как углем. Проводники рассказывали мне, что угля дают им очень мало. Когда большие морозы, его не хватает, и проводники вынуждены совершать ночами лихие налеты на стоящие на путях эшелоны с углем. Насколько мне известно, причина здесь не в ограничении. Нет. Дело, видимо, в том, что станционные заправщики просто ленятся положить на тележку несколько лишних банок с углем. Ведь не берут же проводники этот уголь себе домой!

А вообще «берут»?

Когда я вернулся в Москву, мне мои друзья задавали один и тот же вопрос: ну как, много заработал на чаевых? Что привез для продажи?

Да, всякое бывает. За дорогу мои товарищи проводники много говорили об овцах, которые портят стадо. Тут был и «импорт» — вторичная выдача уже бывшего в употреблении постельного белья, взятки за безбилетный проезд, пьянство, спекуляция.

Но ведь проводников-то десятки тысяч, целая армия, а паршивых овец единицы. И дело их товарищей — самим избавиться от них. В нашем рейсе был случай, когда один проводник напился пьяным и устроил скандал в вагоне. Тогда бригада сама вынесла решение просить руководство больше не допускать его к работе в пассажирских поездах.

☆ ☆ ☆

Уже на следующее после отъезда утро по вагону начинают бродить фигуры в полосатых пижамах и заглядывать в соседние купе.

— В преферанс не играете? Требуется четвертый партнер.

Желающий быстро находится, и священнодействие начинается.

Через несколько часов в купе накурено так, что за дымом почти не видно игроков, они не выходят на станциях, не читают газет, кажется, перестают даже есть: некогда. Склонившись над положенным между полок чемоданом с расчерченным листом бумаги, они ворчливо поучают друг друга:

— Дорогой товарищ, ну кто же так играет? У вас вистами и не пахнет, а вы вистуете. Да разве голый король — это вист?..

...Другое дело «подкидной дурак». В отличие от преферансистов, играющих обычно новыми картами, карты здесь дешевые, засаленные, распухшие от долгого употребления. За спиной у каждого игрока не меньше двух болельщиков. Игра идет весело и оживленно.

— Семерки? А я их девятками!

— А девяточки не хотите?

— А я ее дамой!

— А я вам дамочку!..

Шахматистов меньше, и накал игры уже не тот. Они сидят, уткнувшись носами в доску. Мрачно курят и вяло отбиваются от пытающихся подсказать консультантов.

А из соседнего купе среди грохота прорывается:

— Дави его азами! Так! Хорошо!.. А я прокачу их на тройке. Не по вкусу? Теперь отдай им конец. Отрубили!

Мощный удар, и купе оглашает торжествующий рев: «Рыба-а-аа!»

И затем уже притворно ласковым голосом:

— Товарищ проводник, нельзя ли капустки раздобыть? Козлы едут, покормить надо.

У окна на столике тоже разложены карты, над которыми кружком склонились женские головки. Говорят шепотом, и до меня доносятся лишь обрывки фраз:

— Трефовый интерес, дальняя дорога и какой-то блондин, червонный король на сердце.

Подхожу ближе, женщины смутились и смешали карты.

— Это мы так, в шутку... ворожим.

☆ ☆ ☆

Высшая власть в пассажирском поезде принадлежит бригадиру. Наш бригадир Николай Васильевич Бубнов, или, как его за глаза называют, «кипятильник непрерывного действия»,— еще молодой, но уже полноватый мужчина.

С неукротимой энергией целыми днями он носится по составу, разбирает всякие недоразумения, лазит под вагоны, воюет с безбилетниками, ремонтирует электричество и успокаивает пассажиров. Делает он все это очень быстро и как-то весело.

— Ну что, мой лучший друг? — обращается он к приунывшему проводнику.— Не дает динамо зарядки? Посмотрим, посмотрим.

И вот уже, глядишь, стрелка амперметра стала показывать, что аккумулятор заряжается.

Глаз у него до того наметан, что, проходя по поезду, замечает все до мелочей. На безбилетников какое-то особое чутье.

— Прошу вас, покажите билет,— обращается он к проходящему по вагону человеку. Точно, билета нет.

— Ну, мой лучший друг, что же мне теперь с вами делать?

Что делать — это уже целая проблема.

Конечно, проще всего взять штраф и заставить купить билет на ближайшей станции или просто высадить безбилетника с поезда.

Ну, а если у человека нет ни копейки денег и он попал в трудное положение, что тогда?

Я сам с легкой душой высаживал с поезда всякую шпану, болтающуюся по железной дороге: пьяниц, попрошаек, всякого рода «глухонемых», торгующих пошлыми фотооткрытками. С ними вопрос ясен. Но вот как же все-таки быть в исключительных случаях?

Раньше такие вопросы решались начальником станции и транспортной милицией. Писался акт, на основании которого и везли пассажира. Причем можно было взыскать с него впоследствии стоимость проезда. Это почему-то отменили. Почему?

Этих людей, конечно, везут. Везут на свой страх и риск проводники. Не оставлять же человека в беде.

В тамбуре мнутся два парня лет по восемнадцати. Едут из Гомеля. Окончили школу и, взяв по маленькому чемоданчику, махнули в Сибирь. Билеты у них есть, но не прокомпостированные. А это все равно, что их нет. Бригадир делает пометку для кассы: прокомпостировать. Стоянка три минуты — успеть нельзя. Совершенно непонятно, почему не дать бригадиру право компостировать билет непосредственно в вагоне. Ведь все равно место-то кассе дает он. Нет, пассажира гоняют на станцию, он прорывается сквозь очередь к кассе, потом бежит за поездом и вскакивает на ходу. Неужели нельзя это упростить?

Или захотел пассажир перейти из общего вагона в плацкартный или купированный. Та же история. А почему не снабдить бригадира соответствующими квитанциями для оплаты разницы стоимости билета прямо в вагоне?

☆ ☆ ☆

Ревизоры... Имя им — легион. Мне кажется, что на линии их столько же, сколько телеграфных столбов.

Их обязанность — проверять всю деятельность поездной бригады, следить за санитарным состоянием, обслуживанием пассажиров, порядком выдачи постельного белья, температурой в вагоне и за многим другим. Но, к сожалению, обычно вся деятельность ревизоров сводится к охоте на «зайцев». Секрет прост. С каждого штрафа они получают проценты. Кроме того, зачастую их работа оценивается по количеству наложенных штрафов. Если их мало, значит, плохо работал.

А не пора ли сократить число ревизоров? Какое есть основание не доверять бригадирам поездов?

☆ ☆ ☆

Постепенно вхожу в курс дела. И хотя я уже бодро откликаюсь на обращение пассажиров: «Папаша, нельзя ли чайку организовать?» — и несколько раз меня посылали в ресторан за водкой, за

...Сотая партия.

Молодожены.

Маринка.

что получил гривенник на чай, я все еще только стажер, и самостоятельное дежурство мне не доверяют.

Я дежурю вместе с проводницей Мариной Макаровой, худенькой женщиной лет двадцати пяти, которую все зовут «злая Маринка». Мы сидим в служебном купе. Уже поздно. Ресторан закрыт, и пассажиры постепенно угомонились. Маринка вышивает на пяльцах какие-то цветы на белом фоне, замазанном угольной пылью от ее рук. Для нее я демобилизованный офицер, поступивший работать на железную дорогу.

— Вот будете работать,— учит меня она,— никогда не жалейте людей. Запомните мои слова. Пожалеешь — хуже будет. Особенно пассажиров. Я никого не жалею.

Я слушаю, а она мне рассказывает свою историю, короткую и простую. Мать умерла, когда ей было три года, отец-офицер женился на другой. С мачехой Маринке не повезло. Воспользовавшись отъездом мужа, она отдала падчерицу в детский дом, а ему сказала, что отправила к своей сестре. Та писала, что девочка у нее, здорова и хорошо себя чувствует. Кто-то из соседей сообщил отцу правду. Тот приехал, выгнал жену и разыскал Маринку в детдоме, но взять ее оттуда не успел: началась война. Он ушел на фронт и в 1942 году погиб, а девочка так и осталась в детском доме.

Вагон спит. Мерно стучат колеса. А Марина продолжает рассказ:

— Голодно было. Помню, все время хотелось есть. Бывало, наловим сусликов, шкурки выменяем на хлеб, а мясо сварим и едим. Всем было не до нас. Война. Убежала из детдома к сестре. Ехала «зайцем». Холодно. Ляжешь на пол, прижмешься к отопительным трубам и едешь. Я тогда эту технику изучила. Сестра жила плохо. Устроила меня работать в клуб на должность «кто куда пошлет». Школу все-таки кончила. Теперь вот работаю проводницей.

Не легко, ох, не легко сложилась жизнь у Марины! И в поезде всякое бывало... Даже как-то раз ее «проиграли» в карты отбывшие срок уголовники.

— Хорошо, что один из них,— вздыхает она,— предупредил бригадира и тот тайком снял меня с поезда. За что же мне жалеть людей? Злая я.

Работник Марина прекрасный. Все время что-то делает, скребет, чистит. Если что испортится, обязательно хочет понять и исправить сама. Как-то в ее вагоне испортилось отопление, и она в сибирский мороз шестнадцать часов простояла в холодном тамбуре у топки.

С пассажирами она резка, порой даже грубовата, а те, странное дело, ее любят. За что?

Смотрю, на станции она подсадила какую-то старушку, помогла ей втащить в вагон чемодан. Устыдила молодого человека, и он покорно уступил нижнюю полку пожилому мужчине. Между делом рассказала что-то вроде сказки маленькой девочке, принесла кому-то из буфета папиросы и принялась успокаивать сержанта, у которого заболела в дороге жена.

Все это, однако, не помешало ей одновременно накричать на пассажира, не закрывшего за собой дверь, и разогнать кучу молодых людей, собравшихся у служебного купе.

Как-то, уже на обратном пути, на станции Залари под Иркутском, к вагону подошел бледный, небритый человек и попросил его посадить. Билета нет, денег тоже. Ехать ему в Киров — это трое суток. Читаю справку, которую он мне дает. Два дня как из больницы. Был снят с гнойным плевритом, пролежал около двух месяцев. Что делать?

Интересно, как поступит Марина. Передаю бумажку ей.

— Разберитесь, а я послежу за посадкой.

Отошел в сторону. Наблюдаю. Марина нахмурилась:

— Уходи, уходи! Куда я тебя буду сажать без билета?

И вдруг человек заплакал. Марина отвернулась. Резким движением вытерла рукавицей глаза, покосилась, не заметил ли я этого, и сердито закричала плачущему человеку:

— Ну, какого черта ты здесь торчишь, лезь в вагон! Видишь, поезд отправляется! Сиди в тамбуре. Неприятностей из-за тебя не оберешься. Вот придет ревизор, по головке не погладит.

Едем. Смотрю, уже через десять минут Марина перевела парня в коридор и накормила картошкой. А вскоре устроила на полку в общем вагоне. Мало того, попросила бригадира дать в Киров телеграмму, чтобы больного встретил врач.

Вот тебе и злая Маринка!

* * *

В пути мы все очень подружились. Ели вечерами вареную картошку с тихоокеанской селедкой, вместе волновались, когда к нам садилась бригада ревизоров. А что касается санитарных врачей, приходивших проверять чистоту вагонов, то я боялся их больше, чем все проводники: как бы чего не записали в путевой журнал. И хотя на мне форма железнодорожника с техническими значками на петлицах, настоящий проводник все-таки из меня так и не вышел. Правда, я частично освоил веник и полностью овладел техникой извлечения окурков из настенных пепельниц при помощи железного крючка, но титан так и остался для меня покрытым вечной тайной.

Но все приходит к концу. Кончается и наш рейс. За окном промелькнули Загорск и Мытищи. Под колесами вагона застучали станционные стрелки. Ставлю в магнитофон последний ролик, и из репродукторов несется торжественный голос диктора:

— Граждане пассажиры, наш поезд номер сорок один прибывает в столицу нашей Родины — город Москву!

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ОТ СТРАВИНСКОГО

Тихон Хренников, Игорь Стравинский и К. А. Кара-Караев.

Тихон ХРЕННИКОВ

Мы направлялись в США, на Международный музыкальный фестиваль. Мы — это композитор К. Кара-Караев, скрипач Игорь Безродный, музыковед Б. М. Ярустовский и я. Нам предстояло встретиться в Лос-Анжелосе с известнейшими музыкантами.

Догоняя «вчерашний день», мы летели на Запад, наши сутки растянулись благодаря этому до 34 часов: самолет прибыл в Лос-Анжелос действительно вчерашним числом по нашему понятию. Был теплый вечер, и едва мы вышли из самолета, как нас окружили шумные, веселые люди — журналисты, фоторепортеры, музыканты... Организаторы фестиваля сделали все, чтобы с первых же минут мы почувствовали себя среди друзей. Так оно и было. Количество приглашений просто не поддавалось описанию: по подсчетам переводчика, нам пришлось бы прожить в Лос-Анжелосе не меньше двух лет, если бы мы вздумали побывать всюду, куда нас звали.

В программу фестиваля было включено шесть концертов. Специальный фестивальный оркестр исполнял по одному сочинению приехавших в Лос-Анжелос композиторов. Перед началом каждого концерта публике очень торжественно представляли участников фестиваля. Среди них были наши старые друзья — американские композиторы У. Пистон и Р. Гаррис, немец Вернер Эгк, большой знаток и поклонник русской культуры, автор оперы «Ревизор», которая очень успешно идет в театрах Западной Германии и ГДР. Мы были рады познакомиться с Дариусом Мийо, музыку которого хорошо знают в нашей стране; интересным мексиканским композитором Б. Галиндо и, наконец, шведом Бломдалем, представителем «левого» направления, автором нашумевшей «Космической оперы»...

В день закрытия фестиваля состоялся концерт советской музыки. Всех нас без конца вызывали на сцену; автографов мы подписали несть числа. Сколько души было вложено во все это!..

Очень волнующей в нашей поездке была встреча с замечательным композитором Игорем Федоровичем Стравинским.

Сразу же по приезде в Лос-Анжелос мы узнали, что в фестивале примет участие Игорь Стравинский: под его управлением исполнялись Симфония Псалмов и Концерт для скрипки с оркестром. Нас известили, что после концерта Игорь Федорович хотел бы встретиться с нами. Мы, взволнованные, пошли в артистическую. Навстречу нам поднялся с кресел невысокий, худощавый человек с очень подвижным лицом и внимательными, острыми глазами. Это и был Стравинский. Он сразу же сказал нам, что счастлив видеть своих соотечественников. Ведь в продолжение почти сорока лет Стравинский ни разу не встречался ни с кем из советских музыкантов.

Игорь Федорович пригласил нас к себе домой. И вот в один прекрасный вечер мы отправились в гости к «живому классику», к «живой легенде» — Игорю Стравинскому.

Этот вечер был действительно прекрасен! Этот вечер принес огромную радость и нам и нашему хозяину. Собравшись все вместе, мы очень скоро разрешили печальное недоразумение, которое в течение десятков лет всячески раздували враги дружбы Стравинского с Советским Союзом. Стравинскому все годы упорно внушали, что у него на родине, в России, не признают и не исполняют его музыку. И только от нас узнал Игорь Федорович правду.

Мы рассказали ему, что в СССР в концертах играют произведения Стравинского, в Малом оперном театре в Ленинграде ставятся его балеты — «Петрушка» и «Жар-птица», в консерваториях студенты досконально изучают его творчество. В свою очередь, и мы спросили, зачем же Стравинский в своих интервью так нелестно и несправедливо высказывался о нашей музыке и о советских музыкантах. Ответ композитора столько же удивил, сколько обрадовал нас.

— Я никогда не говорил ничего плохого ни о советской музыке, ни о советских музыкантах,— заявил Стравинский.— Все эти высказывания приписывались в интервью со мной недобросовестными журналистами. У меня же не было ни сил, ни времени опровергать их...

Игорь Федорович несколько раз повторил, что счастлив начать дружбу с советскими людьми.

— Ведь эмигрировал-то я из царской России,— заметил он.

На мое приглашение посетить Советский Союз Игорь Федорович ответил, что он и сам мечтает поехать на родину. Он надеется, что ему удастся отмечать в Москве свое 80-летие, которое состоится 17 июня 1962 года.

К этому хочется добавить, что в день рождения Стравинского, 17 июня нынешнего года, мы, уже находясь в Москве, послали ему поздравительные телеграммы. Вот что ответил нам Стравинский:

«Хренникову, Шостаковичу, Хачатуряну, Шапорину, Кабалевскому. Многоуважаемые коллеги, глубоко тронут вашим добрым приветствием и пожеланием. Думаю с радостью быть в Москве с вами через год и шлю сердечный поклон всем советским музыкантам. Игорь Стравинский».

Мы получили и вторую телеграмму. Она была адресована нам, его гостям в Лос-Анжелосе: «Сердечно тронут вашим поздравлением. Радуюсь увидеть вас в будущем году в Москве. Дружески ваш Игорь Стравинский».

СЛОВО УЧЕНОГО

Новый роман Натана Рыбака «Пора надежд и свершений» примечателен прежде всего тем, что он поднимает проблему науки в современном обществе и ответственности ученых перед человечеством. Поэтому я взял на себя смелость судить о книге с точки зрения читателя, причастного к науке, хотя ни литературой, ни литературной критикой я никогда не занимался.

Еще недавно было распространено представление, что большую науку творят в тиши лабораторий наивные чудаки, отрешенные от мирских сует. Но в один летний день 1945 года, когда Германия была уже побеждена, а Япония была накануне капитуляции, мир с ужасом узнал о первой атомной бомбе, без какой-либо военной надобности сброшенной американским летчиком на Хиросиму.

Атомную бомбу в США создавали не только промышленники и военные, но главным образом сами ученые. Было бы примитивным думать, что все они продали капиталистам свою совесть и мозги. Были, конечно, и такие. Но когда группа крупнейших ученых во главе с Эйнштейном положила на Западе начало исследованиям по практическому использованию атомной энергии, то многими из них руководила гуманная цель опередить Гитлера и выбить у него из рук страшное оружие. Через несколько лет, когда атомная бомба была создана и перешла в руки американских военных, ученые увидели свою ошибку, но было уже поздно. Атомное оружие стало орудием борьбы с прогрессом. Тогда произошло то расслоение в среде ученых, которое правдиво описал Н. Рыбак.

В книге убедительно показано, как сложно происходит в капиталистическом мире процесс прозревания честных ученых. Вы видите живых людей с их противо-

речивыми взаимоотношениями и столкновениями.

Крупным планом в романе Н. Рыбака показана борьба нового со старым. Здесь автор не пошел по легкому пути литературных шаблонов, по которым в лабораторию или институт должен приходить молодой научный работник, полный энергии и знаний и прямо со школьной скамьи лихо зачеркивающий все прежнее, вступающий в борьбу с академиком, а иногда с целым научным коллективом и, конечно, рано или поздно торжествующий победу над ретроградами. Эта схема не имеет ничего общего с жизнью. В огромном большинстве наших научных учреждений старики дружно работают с молодыми, вместе с ними борются за новое.

Натан Рыбак — не профессиональный ученый, но он вдумчиво изучил научную среду. В его романе новое возглавляет и активно за него борется старый академик Ф. Шульга. Вместе с ним — молодой коллектив и главный герой романа Нерчин, прошедший трудный путь войны.

В книге много действующих лиц, исторических и вымышленных. В ней мы встречаем представителей разнообразных классов, профессий, национальностей, характеров и мировоззрений. О художественных достоинствах романа мне тоже хотелось бы сказать многое, но я думаю, что это было бы вторжением в область литературной критики, в которой я не компетентен. Мне представляется, что новая книга Н. Рыбака — творческая удача писателя, имеющая большое общественное значение.

А. БРОДСКИЙ,
действительный член Академии наук УССР

Натан Рыбак. Пора надежд и свершений. Роман. 1961.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

«Гренада»... Песня кипучей молодости нашей страны, боевой юности поколения революции. Романтические мотивы этой песни Михаила Светлова словно высекли в памяти писателя Георгия Холопова воспоминания тех уже не близких к нам по времени лет, окрасили собой образы его нового романа «Гренада».

Роман «Гренада» — произведение светлое, жизнелюбивое, хотя в нем рассказано и много горького, тяжелого, подчас даже мрачного.

Автор переносит нас в Баку той поры, когда из Азербайджана Красная Армия изгнала интервентов, задавивших Бакинскую Коммуну, и в крае снова установилась Советская власть. Это были трудные годы для всей молодой Республики, в том числе и для Азербайджана. Разруха, голод, неустроенность давали о себе знать на каждом шагу.

Партия вводила нэп, осуществляла сложный ленинский план превращения России нэповской в Россию социалистическую. Картины этого своеобразного превращения и запечатлены Г. Холоповым в «Гренаде».

События в романе увидены десяти — тринадцатилетним мальчиком, но рассказаны уже более взрослым человеком, способным не просто фиксировать явления, но и оценивать и даже объяснять их. Этот вот сплав почти детского видения мира и интерпретирования увиденного интеллектом, для такой цели достаточно зрелым, придает художественное своеобразие роману, делает манеру автора индивидуальной.

В «Гренаде» нет широкого разворота событий: маленькому рассказчику Гарегину вряд ли была ведома деятельность больших руководителей, большая политика. Все, что происходит в романе, происходит почти исключительно в одном доме, на одном дворе. Но какой это дом и какой это двор!

Люди разных профессий, интересов, привычек, устремлений, если применить определение синтетическое,— разных характеров нарисованы писателем. Это и Тимофей Миронович Павлов — рабочий нефтяных промыслов, новатор, которого ценит и уважает Киров; и антипод Павлова, прирожденный делец, воплощение частного предпринимательства Нерсес Сумбатович; и владелец дома Степан Степанович, прозванный за свою медоносную улыбку «Мармеладом»; и фразер «Философ» — человек с пышной шевелюрой, троцкист по политическим убеждениям, и многие другие персонажи.

Кроме взрослых героев, в романе живут и действуют дети и подростки: Гарегин, Маро, Виктор, Сашко — «Топорик», Федя — «Грубая сила»... И каждый из них — говорю это без преувеличений — живет и действует по-своему.

Роман полон интересных, точно подмеченных подробностей жизни тех лет. Он доносит неповторимый образ времени становления и победы Советской власти.

Победу нового в романе сильнее всего ощущаешь в образах детей и подростков, на развитии их характеров. На мой взгляд, это — самое примечательное в произведении Г. Холопова. Я отчетливо вижу, как росли, грезили, верили в победу нашей революции и революции мировой юные герои «Гренады» и как с этой верой входили они в свою большую жизнь.

И. КОЗЛОВ

Георгий Холопов. Гренада. Роман. Журнал «Звезда» № 3, 1961.

РАВНЫЙ С РАВНЫМИ

Тоненькая книжка, изданная в Перми, носит короткое название «Клад». Раскрываешь ее — и как бы вступаешь в среду наших ребят, маленьких советских граждан. Вместе с ними участвуешь во всевозможных событиях, радуешься и огорчаешься заодно с ними, видишь их дома и в школе, во дворе и на улице.

Писательница Н. Максимович рисует психологию детей, изображает их без прикрас, шаловливыми, ссорящимися между собой, но воистину хорошими ребятами, любознательными, готовыми подражать хорошему примеру. Их окружает наша современность, полная ежедневных открытий, новых знакомств.

Вот совсем маленький Ваня разбивает чайную чашку. Мать прощает ему, потому что мальчуган сам признается во всем. Но на другой день, когда мать уходит из дому, мальчик разбивает блюдце, аккуратно собирает осколки и выбрасывает их в мусорное ведро. Мать, конечно, узнала об этом, но она не бранит малыша, а лишь задает ему вопрос:

— Ты ничего не забыл мне сказать? — И услышав: «Нет»,— приказывает мальчику стать в угол и подумать.

Основное достоинство рассказов — немногословность и конкретность. В них чувствуется тактичность взрослого по отношению к ребенку. Перед нами проходят образы не только детей, но и взрослых; мы проникаемся уважением к дворничихе, знающей всех ребят двора, к учительнице Марии Гавриловне, умело разбирающейся в детских душах, нам определенно нравится душевный облик матери Вани и Гени. Она умеет находить общий язык со своими сорванцами, не прибегая к грозному родительскому персту.

Книжка Н. Максимович радует жизнелюбием, непосредственностью повествования и той атмосферой доверия, когда взрослый человек беседует со своими героями — детьми, не заигрывая с ними, а как равный с равными.

Сергей СМИРНОВ

За красоту людей живущих

В этой книге Вл. Немцов ведет с молодежью сердечный, доверительный разговор, делится своими мысля-

ми, спорит, советуется, как бы ждет ответа.

Книга заставляет читателя о многом задуматься, внимательно оглядеться вокруг, что-то пересмотреть в своих взглядах. Да и как же иначе? Миллионы юношей и девушек волнует вопрос, как найти свое место в жизни, выбрать профессию, какими быть в работе, в быту, в учебе, как помочь попавшему в беду товарищу, как уберечь его от пагубного влияния «чужих ветров».

Автор, несколько лет посвятивший изучению вопросов коммунистической морали, многое может подсказать, посоветовать. Статьи Вл. Немцова «Собственность и ее поклонники», «Об уважении к женщине», «Тихие девочки», «Женатые дети» и т. д. вызвали в свое время много откликов в печати. Встречи писателя с молодежью, выступления на читательских конференциях, обширная переписка с людьми разных возрастов, профессий — все это послужило материалом для книги. «Волнения, радости, надежды» — продолжение разговора, начатого писателем на газетной или журнальной полосе, в студенческой аудитории, на рабочей площадке, в общежитии, в кругу друзей, а также в его научно-фантастических повестях «Золотое дно», «Осколок солнца», «Счастливая звезда», «Последний полустанок».

С любовью пишет Вл. Немцов о людях, которые живут для того, чтобы построить новые города, украсить землю садами.

Книга «Волнения, радости, надежды» помогает бороться «за красоту людей живущих, за красоту времен грядущих».

А. ХАРИТОНОВА

Вл. Немцов. Волнения, радости, надежды. Москва. Госполитиздат. 1961. 319 стр.

Роза через тюремную решетку

Говори, пока голос твой
громко звучит.
Говори, непреклонною
правдой дыша.
Говори, пока смелое
сердце стучит.
Говори, пока в теле
трепещет душа!

Эти слова принадлежат пакистанскому поэту Фаизу Ахмаду Фаизу, одному из талантливейших поэтов современного Востока. Человек страстного темперамента и большой души, он соединяет служение музе с борьбой за свободу своего народа. Журналист и политический деятель, Фаиз является редактором двух прогрессивных газет Пакистана и с 1950 года — генеральным секретарем Пакистанского комитета в защиту мира.

Власти по подложному обвинению заточили поэта в тюрьму, где он провел свыше четырех лет. Но Фаиз выдержал муки одиночного заключения и, выйдя на волю, продолжает правдивым словом служить народу. Он издает «Тюремные стихи», третий свой поэтический сборник, и в 1958 году приезжает в Советский Союз на Ташкентскую конференцию писателей стран Азии и Африки.

Лучше всего может представить Фаиза советскому читателю выпущенная Гослитиздатом книжка стихов поэта. В ней с любовью отобраны стихи трех сборников, изданных на родине Фаиза, — «Печальные узоры». «Руки ветра» и «Тюремные стихи». На обложке роза через тюремную решетку раскрывает свою чашу навстречу солнцу и чистому воздуху — символический образ музы Фаиза.

Пакистан, страна, отделенная от нас не только высокими хребтами, но и иным укладом жизни, с ее болью, страданиями и надеждами, предстает в стихах Фаиза. Поэт словно вобрал в себя муки и скорбь своего народа, стал его певцом и трибуном. В поэзии Фаиза ощущаешь чарующий аромат южных ночей, и любовь поэта к возлюбленной, и его большое, мудрое сердце. К биению этого сердца прислушиваются народы Индии и Пакистана.

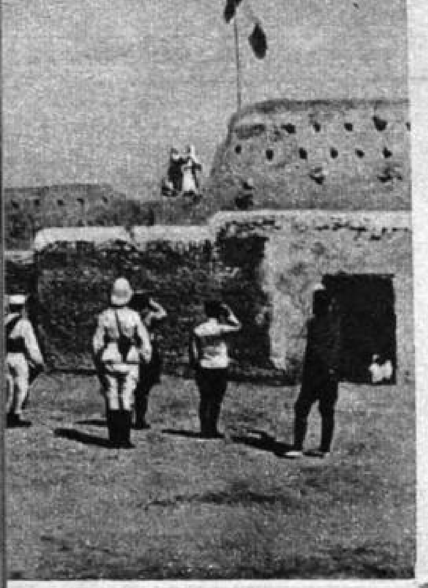
Инна АРАКЕЛЯН

Фаиз Ахмад Фаиз. Руки ветра. Стихотворения. Переводы с урду. Вступительная статья и редакция переводов А. Суркова. Гослитиздат. Москва. 163 стр.

НЕУМОЛИМЫЙ

В. ВЛАДИМИРОВ

Начало XX века. Еще расширяются границы колониальных владений, еще гремят военные барабаны захватчиков в Азии и в Африке. На всем африканском континенте только два номинально независимых государства: Эфиопия и Либерия. Остальное на карте Африки—пестрые пятна колониальных владений Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Португалии, Испании. Так же пестра карта Азии. Продолжается грубая и глубокая экспансия Соединенных Штатов в странах Латинской Америки. Многим политическим деятелям буржуазного мира кажется, что империализм незыблем, наступает эпоха господства крупнейших империалистических хищников.

Но история имеет свои законы, и главный из них — прогрессивное развитие человечества, неодолимое движение народов к свободе, к счастью.

Какими смешными и убогими кажутся нам теперь представления политиков и завоевателей, полагавших, что «они делают историю»! Людям, живущим во второй половине XX века, интересно и поучительно вспомнить некоторые эпизоды полувековой давности и сравнить их с событиями наших дней.

1911 год. Марокко. Еще один кусок африканской территории захвачен французскими колонизаторами. «Побежденных» заставляют поднять над крепостью чужой флаг. За признание Марокко французской добычей германский кайзер требует Конго. Как говорит восточная поговорка, «доля волка зависит от его аппетита».

1959 год. Один из крупнейших городов самостоятельного марокканского государства — Касабланка. Шахтеры Марокко проходят колонной по улицам города в праздник 1 Мая. →

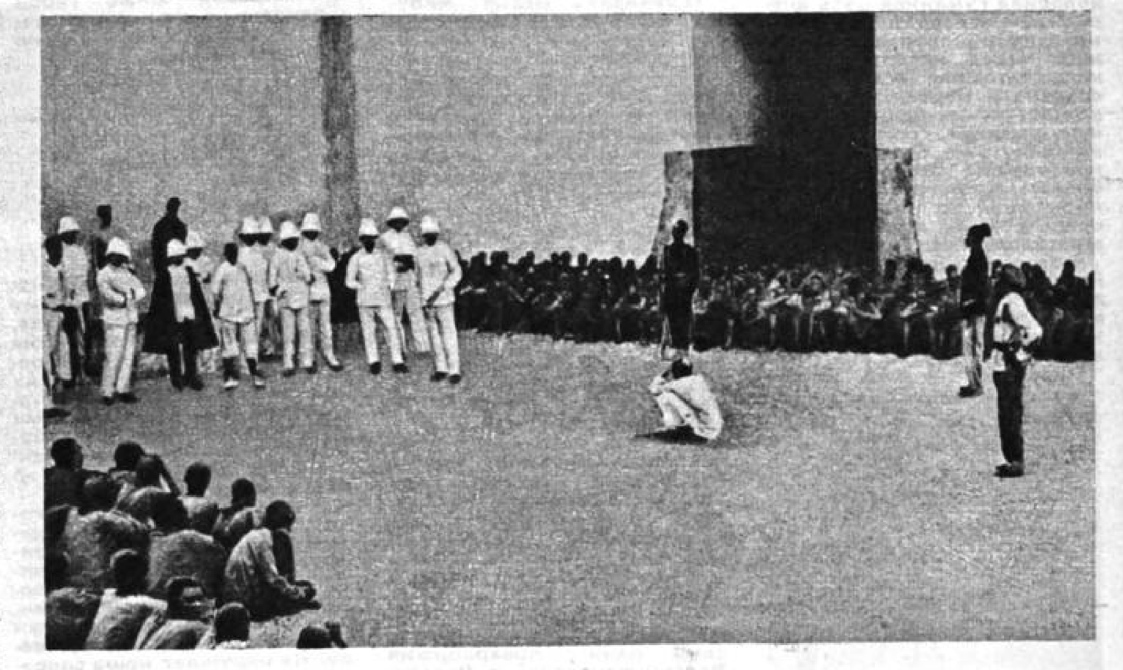

1911 год. Французские генералы горделиво позируют перед фотоаппаратом. Они думают, что Алжир покорен.

1961 год. Борьба продолжается. Алжирские патриоты вышли на улицы городов с плакатами: «Алжир будет независимым!» Горит земля под ногами французской военщины. Близится день свободы для народов Алжира.

В журнале «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» за 1910 год была напечатана таблица императоров. В центре—«король Великобритании и Ирландии, император Индии» Георг V. Китай представлен маленьким мальчиком Пу-И — последним маньчжурским императором, Россия — последним Романовым, Австрия — последним Габсбургом, Германия — последним Гогенцоллерном, Турция — последним султаном, Корея — последним королем. Прошло пятьдесят лет. Где «великие империи»? От блистательной плеяды императоров и королей, по саркастическому выражению бывшего египетского короля Фарука, скоро останется всего пять: король Англии, король пик, король бубен, король треф и король червей.

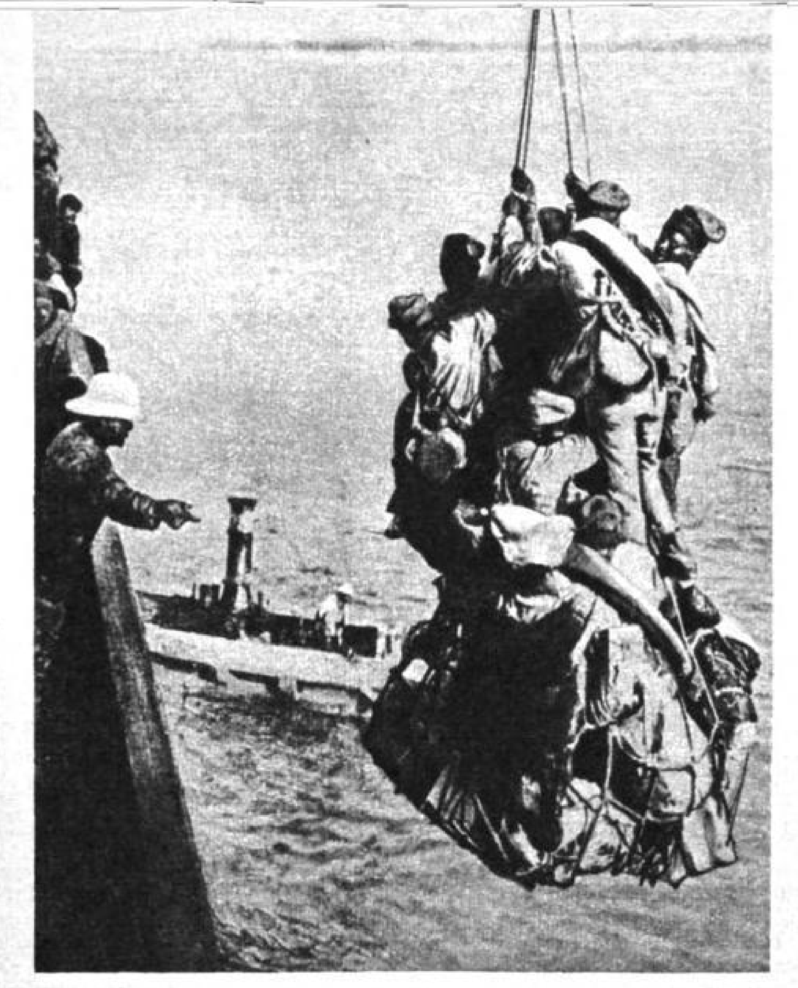
→

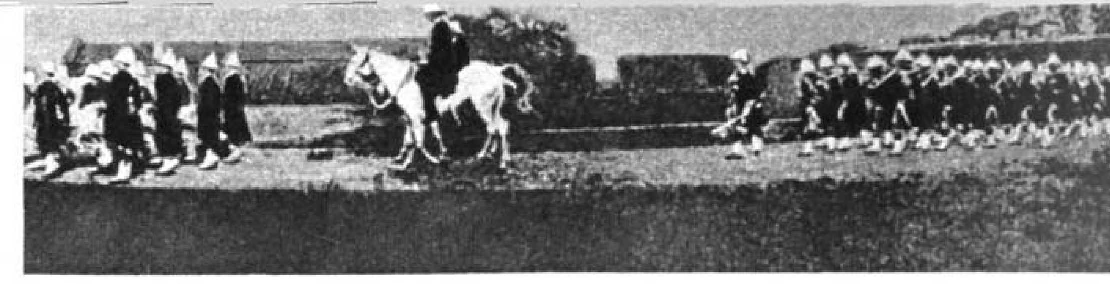
1911 год. Гвинея. Французский губернатор допрашивает пленного вождя повстанцев. Колониальные власти уверены, что они хозяева в Гвинее...

...2 октября 1958 года в Гвинее провозглашена республика. Счастливы лица молодежи, которая никогда не будет знать колониального угнетения.

1913 год. Как скот, грузят «цветных» стрелков на корабль. «Черное мясо — лучшее мясо для пушек»,—нагло заявляют захватчики. 1961 год. Десятки новых, независимых государств Африки строят свою счастливую жизнь.

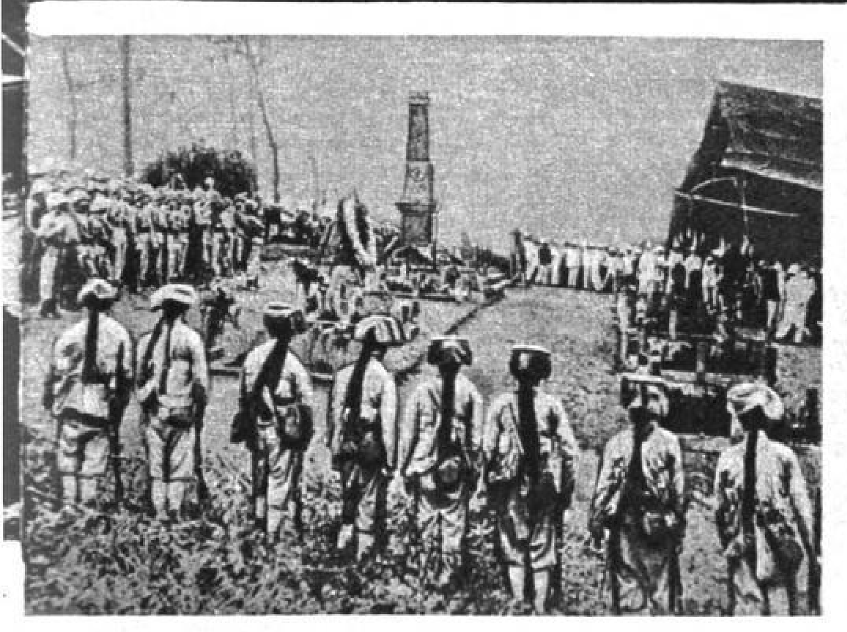

1910 год. С барабанным боем шотландские стрелки покидают Калькутту и отправляются в Динапур. По словам генерала, «поход имеет политическое значение»: надо показать индийцам военную силу Британии.

1959 год. Президент республики Индии Раджендра Прасад открывает металлургический завод Бхилаи, построенный с помощью Советского Союза. Своя тяжелая индустрия — залог счастливого будущего независимой страны.

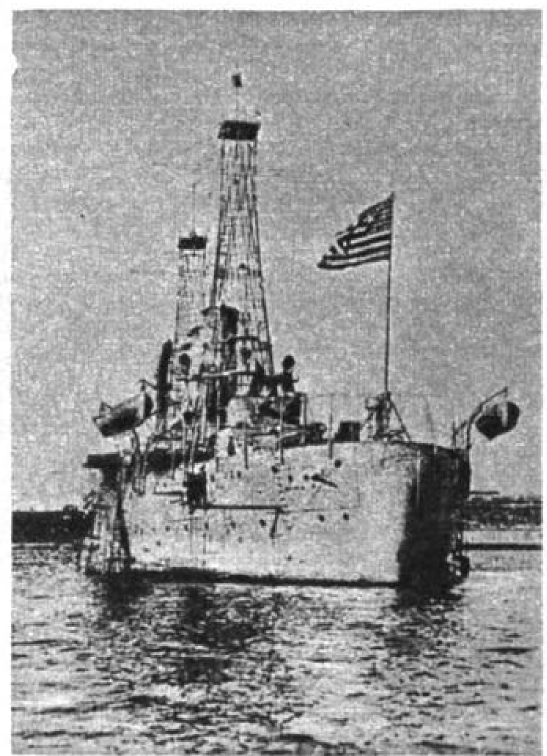
1910 год. Северный Вьетнам, который тогда назывался Тонкином. Церемония открытия памятника французским офицерам, убитым при подавлении восстания **1909 года. Французские военные власти пригнали сюда десятки нелепо одетых** местных солдат, чтобы продемонстрировать «верность туземцев Франции...»

Через пятьдесят лет: вьетнамская молодежь на **празднике Независимости своей демократической республики.**

1909 год. Куба оккупирована войсками США. До сих пор это время на острове называют «Трехлетьем ужасов». Американский крейсер «Джорджия» держит под прицелом кубинское побережье. Звездно-полосатое знамя вздернуто на фоне голубого тропического неба. Неужели так будет вечно?

1961 год. Звездно-полосатый флаг, дрогнув, медленно сползает с мачты. Персонал посольства США покидает Гавану. «Сейчас флагу США, который десятилетиями контролировал почти всю экономику Кубы, нет места на Кубе»,— отмечает агентство «Пренса Латина».

«Наш век — век борьбы за свободу, когда народы стряхивают со своих плеч чужеземное иго. Народы хотят достойной жизни и сражаются за нее»,— сказал Н. С. Хрущев на XV сессии ООН. «А когда народы поднимаются на борьбу за свою свободу, за лучшую жизнь, то никакая сила в мире не может остановить этого могучего движения»,— заявил глава Советского правительства на этой исторической сессии.

ИСТОРИИ

ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Алексей МАРКОВ

Рисунки П. ПУСТОВОГО.

АМУРСКИЕ БЫЛИ

Об Амурской области у меня были самые общие сведения — то, что можно почерпнуть из любой энциклопедии. Амурская область очень большая. Я знаю, что здесь много рек, озер, в них насчитывается более ста пород рыбы: есть и сазан, и налим, и толстолобик, и язь, и конек. А калуга — это особый разговор. Она водится только в Амуре и достигает тысячи килограммов.

Можно было бы назвать крупные предприятия столицы области — Благовещенска, вроде судоверфи или амурского угольного треста. Но разве главное дело в них? Я ездил по амурским землям и старался понять человеческие взаимоотношения, характер и поступки людей, в чем бы они ни проявлялись,— в общественной, в личной ли жизни.

Свет и тени

Мы в целинном совхозе. Его директор Руслан Александрович Вишневский не встречает нас у дверей, как полагается хозяину: он недавно попал в автомобильную катастрофу и находится в больнице. Но с хозяином можно познакомиться по хозяйству. И если оно без своей «головы» продолжает жить и здравствовать — значит, хозяин у него настоящий! К сожалению, мы не всегда это понимаем, и нередко можно слышать: «Вот если бы сам имярек был, тогда бы все шло, как по маслу!» Но что же это за налаженное хозяйство, если при насморке начальника начинает срываться производственный план?

...Знакомимся с достопримечательностями целинного совхоза. Заходим в благоустроенный механизированный коровник. Да, корове здесь действительно хорошо живется: тепло, сухо, мух не видно. Раздачей кормов занимаются механические приспособления. В доильном отделении — идеальный порядок. Доярки, как опрятные медицинские сестры, в белоснежных халатах. Одно слово— красота!

Неподалеку от совхоза есть искусственное озеро. В нем тысячи жирных, откормленных уток. Особенно выделяются пекинские — белые-белые и очень похожие на наших гусей. Птичницы беспрерывно — как они только успевают! — ведрами носят утиные зеленоватые яйца. Их тут же переправляют на другой берег озера в инкубатор. В воздухе стоит немолчный гомон.

Мы в конторе совхоза. Я держу в руках сводки сдачи государству хлеба, мяса, яиц,— по всем видам заготовок план выполнен с лихвой. У руководителей совхоза сияющие лица. Конечно, радостно!

Зажиточная жизнь рабочих совхоза встречает нас везде: и на овощных плантациях, на соевых полях, и на улицах, по которым то и дело проносятся мотоциклисты. Жилые дома тоже хороши.

Пора уезжать, но где-то подспудно живет еще неутоленная любознательность: не все еще видел.

Иду в магазин промышленных товаров. Довольно большая очередь.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствую я.

— Здравствуйте...— отвечают мне и добавляют: —...если хороший человек.

— Что это вы стоите и ничего не покупаете?

— А нечего покупать.

— Как это?

— А так. Обещали ситчику привезти, платки, кофточки простые. Да вот уже десятый день ходим, а их все не привозят. Лежат вот эти городские товары, и все. Нам они как-то не с руки.

Я пригляделся: действительно— капроновые кофточки, туфли на каблуках-шпильках, курортные очки... Там было все, кроме того, в чем нуждается житель села.

В очереди стоял, солидно помалкивая, как и полагается истинному мужчине, человек в железнодорожной фуражке. Я попытался заговорить с ним. По правде сказать, меня удивила эта форменная фуражка в местах, где не проходит железная дорога. Вместе с тем, чего не бывает: может быть, человек приехал в отпуск к родным или сын откуданибудь прислал подарочек. И каково же было мое изумление, когда на вопрос: «Вы железнодорожник?» — он стыдливо улыбнулся и ответил: «Нет, но что поделаешь, старая кепка сносилась, а пришел покупать новую — нету. Были только вот эти, ну и купил. Да у нас многие носят железнодорожные фуражки».

— Неужели директор совхоза не может позаботиться, чтобы его рабочих снабжали лучше? — спрашиваю на прощание.

— Он больше думает о планах,— был ответ. Но, не желая, видно, обидеть директора, снисходительно добавили: — У него ведь много забот, за всем не усмотришь.

Вера в сказки

Находясь в районе золотых приисков, вы встретитесь с бородачами, которые расскажут о вещих снах: де-мол, привиделось ему, что за такой-то рекой напал он на жилу... Вы услышите десятки легенд-сказок о богатых месторождениях редкого металла...

В 1914 году умирал старик таежник. Имя его осталось неизвестным. Перед самой смертью, когда он уже лишился дара речи, старик стал что-то показывать на пальцах своим близким. Нелегко было понять эти жесты. Но близкие — на то они и близкие — поняли его. В бедную, закопченную халупу был приглашен горняк Грибанов. Старик нацарапал на клочке бумаги рисунок: сопка, на ней три сосенки и далее болотистая топь... Грибанов знал эти места. Но не потому, что там предполагалось месторождение золота,— просто сопка с тремя соснами была приметной.

Проходили годы, а топь за сопкой с тремя соснами оставалась нетронутой. То ли Грибанов расценил рисунок старика как очередную легенду, то ли не изыскивалось средств для разработки. Сейчас трудно сказать. Следы Грибанова также исчезли, но не исчезают секреты, они всегда становятся известны кому-нибудь. И вот тайна сопки (а тайна ли это? Может быть, просто бред умирающего?) доходит до Раисы Петровны Борисовой. Вернее, в то время это была еще просто Рая, недавно окончившая Московский геологоразведочный институт. Она еще не хлебнула горького таежного ветра, не обила себе колени о горные уступы, не мучалась разочарованиями поисков. Рая была просто романтиком... Но в этом-то и было ее преимущество перед предшественником, владевшим завещанием уже всеми забытого старика. Грибанов был во многом разуверившимся человеком. А Рая, наоборот, доверчивой, влюбленной в свою мечту. Что ж, бывает: опытный путник умирает в пустыне от жажды, не достигнув воды, а наивный малыш выживает.

Показывает Благовещенск.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Хороши над Зеей закаты.

Первый махнул рукой на видение родника, не раз обманутый до этого миражем, а второй поверил, дошел, и это оказалось действительно водой.

— Это было давно,— рассказывает Раиса Петровна и поправляет привычным жестом свои русые волосы.— Я возглавляла геологическую партию. Возможно, меня сделали начальником только потому, что специалистов не так-то густо было,— говорит она, боясь приписать себе излишние достоинства.— Но раз назначили, надо дело делать. И вот я на свой страх и риск отправила геологов за сопку с тремя сосенками, с которой видна долина предполагаемых золотых ключей. Поиски были мучительными. Иногда рабочие не спали по нескольку суток. Лошади по колено увязали в болотной топи. Порой их, завязнувших, приходилось вытягивать арканом. Меня уже торопят сверху: пора, мол, или находить золото или кончать эту глупую затею. Знаете, наша беда — сроки. Ты обязательно должен уложиться в срок. Конечно, легче всего записать в разведывательной карте, что ничего не обнаружено, живи себе спокойно, и никто тебя не будет ругать, разве только посмеются: ищет, мол, и ничего не находит... Велика ли беда — смешок. Но если начнешь своевольничать, опираться на свою интуицию, вгрызаться и вгрызаться в землю, нарушая все сроки, тебя накажут как недисциплинированного работника.

На угольных разрезах Райчихинска.

Пионерский лагерь имени Павлика Морозова — дальневосточный «Артек». Несколько тысяч детей Амурской области и Дальнего Востока отдыхают здесь каждое лето.

Людмила Ярмишко — доярка из колхоза «Приамурье».

...И вот дошли мы со своим упрямством до того, что нашу партию перестали финансировать. Были рабочие, которые, невзирая на все невзгоды, продолжали искать, но были и другие, отказавшиеся наотрез работать. И они были правы по-своему: кто же бесплатно будет трудиться, ведь у каждого семья... Я и Павел Александрович Сушков, непосредственно руководивший разведкой в этой долине, вынуждены были лишиться всех своих отпускных,— да что там, последние личные сбережения, как в прорву, пошли в эти болотистые топи. Два года искали. И какая была радость, когда однажды в мае, в день, когда метель сбивала с ног, в мой домик вошли рабочие и, сияя, поставили мне на стол, как сейчас помню, флакон из-под тройного одеколона. А в пузырьке сияли золотые искорки. Мы целовались, обнимались и даже вышли покувыркаться на снег.

...Раиса Петровна сделала паузу, задумчиво улыбнулась, как бы что-то вспоминая.

— Да, давно это было,— вздыхает она.

Раиса Петровна работает сейчас на другом прииске, в Дамбуках. Она главный геолог, и мне хотелось бы пожелать ей никогда не утратить детской, веселой веры в сказки, приведшей ее к источникам золота.

Эти девушки из Благовещенска выиграли первенство Дальнего Востока и Сибири по баскетболу. Справа налево: капитан команды Галина Перевалова, Людмила Лушпай, Лариса Каширина, Татьяна Найденова, Ольга Растенберг.

Соревнуются спортсмены-конники Амурской области.

Не топчите цветы!

Откровенно говоря, я не понимаю тех городских властей, которые похваляются количеством организованных дружинников. Один руководитель — дело было не на Дальнем Востоке — с гордостью говорил мне, что город их лучший в республике, так как у них почти половина населения дружинников. Он вдохновенно рассказывал о десятках случаев героизма блюстителей порядка. «Под дебоширами, хулиганами, пьяницами земля горит!» — восклицал он. По всему видно было, что и сам «отец города» входил в многочисленную армию дружинников. Я пытался заикнуться, что вряд ли передовой тот город, где почти половина жителей находится под бдительным оком остальной половины, но он и слышать меня не хотел, убежденный в своей правоте.

Город Райчихинск мне понравился тем, что, пройдя его из конца в конец, я не встретил человека с красной повязкой на рукаве. Значит, живут здесь дружно, сплоченно, трудолюбиво.

Секретарь горкома партии идет рядом со мной, показывая город. Между делом узнаю некоторые детали ее биографии. Валентина Григорьевна родилась в Костроме. В семье их было восемь человек, жили в нужде и заботах. Не знали, что такое кровать, на печи спали и на сундуке. На Дальний Восток Валя приехала по путевке сердца. Начала с самой что ни на есть низовой работы, а теперь вот первый секретарь горкома партии.

Мы вошли в городской парк культуры и отдыха, и Валентина Григорьевна могла рассказать мне историю почти каждого дерева: это вот сразу принялось, а то долго болело... Здесь дерево засохло, и пришлось посадить другое. Она ощупывала молодые листочки и сокрушалась: мол, опять тля облепила, надо делать опрыскивание. Когда же мы шли по улице, она так же подробно рассказывала биографию каждого дома, называла по именам жильцов.

— Как же это вы все знаете? — спросил я.

— Как же не знать, когда все это сделано нашими руками. Я ведь здесь с сорок пятого года...

— А цветы у вас не топчут на клумбах? — полушутя-полусерьезно спросил я.

— Такого не бывает. Можно ли губить свой собственный труд? Получается — правой рукой сажаешь, а левой рвешь?! Нет, не бывает,— повторила она и, подумав: — Впрочем, бывает. Но это делают те, кто недавно живет у нас. Они же не знают, сколько сил мы положили, чтобы сделать поселок настоящим городом, который занесен на большую карту.

Мне хотелось сказать ей: «Валентина Григорьевна, никому не давайте топтать цветы!».

Шумит сосновый бор

За машиной-вездеходом — ее тут называют машиной на высоких каблуках — клубилась пыль: дождя не было давно. То там, то сям мелькали желтыми огоньками цветы саранки, белые маки, очень непривычные для глаза,— как-то с маком всегда ассоциируется алый цвет. Кстати, цветы здесь без запаха. Подпрыгивая на выемках и буграх, едем час, другой. И вдруг мой спутник, инструктор обкома партии Иван Афанасьевич Баранов, обращает внимание на огромнейший сосновый бор. И рассказывает следующую историю.

...Жил-был на свете директор Завитинского совхоза некто Никитенко — в памяти у здешних жителей осталась только одна его фамилия. Он был большим чудаком. Невзирая на то, что и разговоров не было о каких-то лесных заслонах, задержании талого снега, он на свой страх и риск засеял на нескольких гектарах земли сосновый лес. Конечно, в Амурской области пространства достаточные — на одного человека приходится... 46 гектаров земли! Но как это он, не посоветовавшись с кем надо, самовольно решил затеять это неслыханное дело?! Но все бы сошло ему с рук, если бы посев дал побеги. Да в том-то и загвоздка, что ничего не взошло. Проходит год, второй — никакой зелени. Убрали из совхоза Никитенко.

Но минул еще год. И взошел красавец сосновый бор, наполнился солнцем и птичьим гомоном... Каждая зеленая сосенка пошла набирать высоту, как живой памятник тому, кто задумал ее, и как тяжкий укор тем, кто поторопился уволить Никитенко.

Прошло время, а Никитенко на устах у всех. И, может быть, хорошо, что отпало имя и отчество,— долголетние понятия не бывают многословными. Дети дружно и весело идут с разноцветными сачками. Куда направилась детвора? «В Никитенковский бор»,— ответят они. Идет усталый путник, сядет в тенечке, отдохнет и про себя поблагодарит какого-то Никитенко, доброго человека. Зимой сюда приезжают походить на лыжах, а летом в Никитенковском бору устраиваются гулянья.

На полях возле соснового бора собирают хорошие урожаи, и их можно выразить процентами. Но скажите, какими процентами измерить красоту и радость, принесенную людям? Спасибо вам, Никитенко, большое спасибо!

Два гостеприимства

I

...О медведях в тайге говорят, что они настоящие обезьяны: во всем подражают человеку. Но, чур, не во всем: на человека они не охотятся, и если схватываются с ним иногда, то это потому, что и сами жить хотят.

Однажды, рассказывают очевидцы, бурый мишка подсмотрел, как люди тушили костер. А делалось это так. Деревце вырывалось с корнями, окуналось в родничок, а затем наподобие лохматой лапы колотили им красные угли. Может, это были рыбаки, может, охотники, а может, даже и старатели. Но, судя по огромной, чуть ли не в ведро размером банке, все-таки это были люди, связанные с какой-то изыскательской партией.

Люди ушли, не подозревая, что огонь потушен ими не до конца. И вот змейка дыма выползла из многослойной трухлявой листвы и стала разрастаться. Мишка, сознательно или несознательно, заметил это и вырвал деревце, по уже по своим силам, почти в целый обхват. Подражая людям, он стал макать его в родник и, трамбуя, грохать по тому месту, где возникал пожар. Поработал хорошо, до седьмого пота. И проголодался. Слышит запах мяса, находит консервную банку, на дне которой обнаруживает остатки пиршества. Не долго думая, всовывает туда морду, а скинуть банку уже никак не может. Лапы хоть и ловкие, все же не руки. Шея распухла, банка своими острыми краями врезалась в нее. Медведь бродит вслепую по тайге почти с неделю, стеная и ревя от обиды.

Делать нечего, приходится просить помощи у человека. Зверь понимает силу человека. Мишка приходит к пограничникам. Здесь каждый пограничник — охотник. Но когда к ним пришел сам медведь, и не просто в гости, а за помощью, пограничники забыли про то, что они охотники. Помогли: сняли банку, накормили мишку солдатским пайком и отпустили в лес: впредь, мол, не попадайся, косолапый! Это закон гостеприимства.

II

Нравы Восточной России как нельзя больше суровы, но и справедливы. Мы проезжали одно степное село. Остановились попить водицы. Среди всех изб выделялась одна, невзрачная, с заколоченными окнами. Двор зарос бурьяном. Высокий донник норовил шагнуть через порог на крыльцо. Видно было, что тут давно не ступала нога хозяина. Об этом доме мне рассказали соседи.

Владелец его был трактористом, и, кажется, неплохим. Но работать хорошо — не всегда значит быть хорошим человеком.

...За диким козлом и малышом-козленком гнался волк. Козел насмерть дрался с хищным зверем, защищая своего крошечного спутника, на боках у него клочьями висела окровавленная шерсть, один рог был сломан. Но когда у козла уже не хватало сил, он вместе с козленком вбежал на полевой стан и лег рядом с трактористом под машину: сюда волк не подойдет, человека он боится! Но тракторист неторопливо вытащил из-за голенища нож. Через некоторое время на рогульках были натянуты две шкурки — одна большая, другая поменьше.

Как узнали про это жители села, отвернулись от него с брезгливостью, руки ему никто не подавал, о нем детям рассказывали как о злодее, пугали его тенью; вот, дескать, придет тракторист и заберет тебя, плаксу, в мешок. И это край опытных, бывалых охотников!

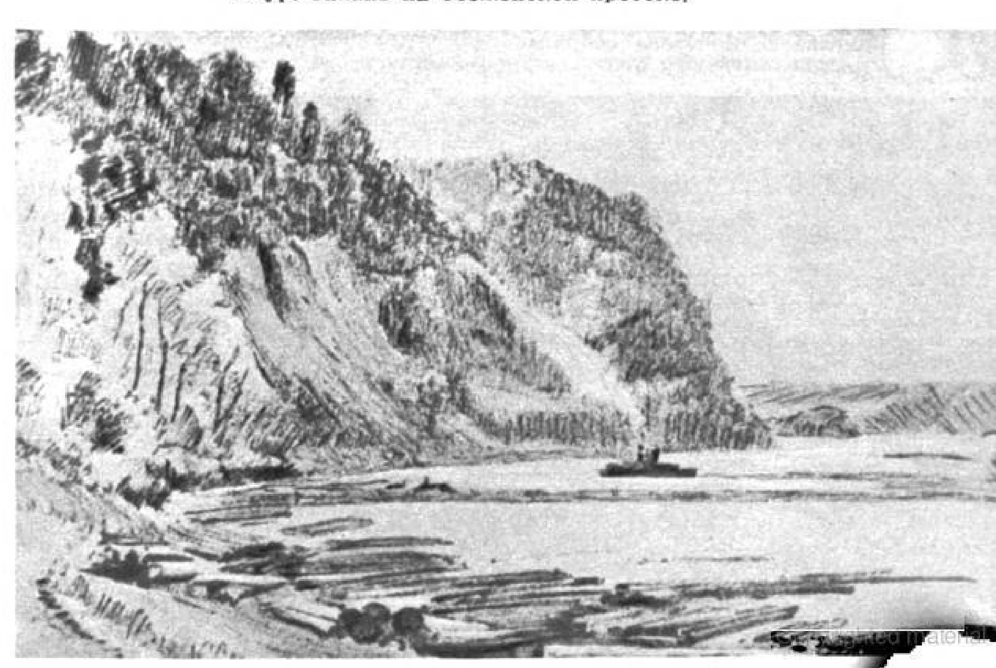
Пустует теперь полуразвалившаяся изба, и люди обходят ее стороной. А тракторист нашел себе пристанище где-то в другом краю, где его не знают и не указывают на него пальцами. Дурному человеку благодать, когда его никто не знает.

* * *

Моя командировка подходила к концу. И я с сожалением покидал дальневосточную красивую, нежную и суровую землю. Я успел подружиться здесь со многими людьми. Их горести и радости стали мне близкими и родными.

До свидания, Амур, до свидания, золотая земля!

Амур. Запань на Осеженской протоке.

Цели и свершения

Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны.

Программа, принятая на VIII съезде партии.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

О. КУПРИН

ТЫСЯЧЕРУ

Станки стоят ровными рядами, словно на параде. Любопытное солнце заглядывает в широкие окна цеха и, наверное, хочет понять, какую новую замысловатую машину смастерили люди. А люди, озабоченные и серьезные, рассыпались по большому цеху и колдуют над трубками, проволочками и хитрыми агрегатами, шелестят простынями чертежей и что-то доказывают друг другу.

Машину, что стоит в сборочном цехе московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе, наверное, с нетерпением ждут на ЗИЛе. Это уникальная автоматическая линия, которая будет участвовать в создании нового грузового автомобиля.

С уникальной знаменитостью нас знакомили в двух местах. Сначала в цехе, где вокруг тысячерукой машины вовсю хозяйничали наладчики. Она будет действительно тысячерукой: в автоматической, состоящей из 85 станков, линии будет 1 254 шпинделя, и каждый из них очень воспитанный. Затупится, предположим, инструмент — тотчас даст знать наладчику: «Иди ко мне. Меня пора сменить».

Хорошая, чуткая машина! Ходишь вдоль нее и проникаешься уважением к ней. А еще больше к людям, которые ее создали.

Они очень молодые, создатели этого уникального работяги. Большинство из них моложе завода, на котором они работают, хотя заводу только в будущем году исполнится тридцать. Зато ребята деловые и грамотные. Без среднего образования тут много не наработаешь. И все говорят, что здесь очень и очень интересно. Надо бы еще прибавить: здесь очень и очень красиво. И кажется, что красивая работа делает самих людей красивыми и симпатичными.

Второй раз автоматическую линию мы увидели в конструкторском бюро. Руководитель группы Михаил Иванович Корчин, который чуть-чуть старше завода, разложил чертеж. Да, точно, она — та самая линия, что стоит в цехе. Для конструктора это уже дело прошлое, он и его товарищи уже заняты другим.

— Эта линия,— говорит он, водя пальцем по хитросплетениям чертежа,— только часть сложной системы. Ее окружат другие автоматические линии.

Бригада В. Зачетова собралась у сложного узла.

Слесарь Д. Журов.

Наладчики В. Васильев, А. Кузнецов и Ю. Алексеев.

КАЯ МАШИНА

Наладчик В. Постников.

Руководитель группы конструкторов М. Корчин и конструктор Р. Константинова.

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Глава третья

Фургончик, взятый Розалин напрокат, несется по прямому бескрайнему шоссе за древним «пикапом» Гая. Не считая этих двух автомобилей, дорога совершенно пуста. По сторонам отрог за отрогом тянутся белые холмы Невады. Изредка среди них вьется тропка, и ты вдруг думаешь, что, если пойти по ней далеко-далеко, еще, чего доброго, доберешься до человеческого жилья. Домов не видно; кое-где попадается изгородь — там, наверно, загон для скота. Холмы грудью наступают на шоссе, как строй великанов; если смотреть на их волнистые ряды из быстро движущейся машины, они то поднимаются, то опускаются, словно это молчаливо дышит земля. Полуденное солнце бросает алые, как раны, блики на склоны; на одном цвет, густея, превращается в пурпур, нежно розовеет на другом и отливает старой ржавчиной на третьем. Несмотря на рокот моторов, ничто, кажется, не может нарушить эту тишину, которая, как бессловесный зов, все сильней звучит в ушах.

Розалин — она ведет машину, а рядом с ней сидит Изабелла — то и дело отрывает взгляд от дороги, чтобы полюбоваться на огромные округлые холмы по сторонам. Глаза ее задумчивы и широко открыты от охватившего ее благоговения.

Розалин. А что там за ними?

Изабелла. Другие холмы.

— Какой чудесный запах! Чем это пахнет? Будто какие-то особые зеленые духи.

— Это полынь, детка.

— Ну да! Я ее нюхала только в бутылке.— Смеется.— Ах, Изабелла, ну до чего же здесь красиво!

Продолжение. См. «Огонек» № 31.

Изабелла (чувствуя ее волнение). Давайте-ка лучше, дорогая, я вам кое-что расскажу о ковбоях.

Розалин ласково смеется:

— Вы, видно, в самом деле за меня беспокоитесь!

— Больно уж вы доверчивы, детка! Ковбои, правда, последние настоящие люди на земле, но ведь они шальные, как зайцы!

— Ну, а разве весь мир не шальной? Если подойти к нему всерьез, по большому счету?

— Как-то не хочется в это верить.

— Вы думаете, я не шальная? На меня можно положиться?

— Можно, если найдется такой, ради кого стоит себя блюсти.

— Я теперь уж ничего не понимаю. Может, и не надо верить тому, что тебе говорят? Может, это даже и несправедливо по отношению к ним?

— Что ж... не знаю. Честно говоря, я на этой земле прожила всю жизнь, как на чужбине.

Они молчат. Перед глазами Розалин проплывают холмы и вся гамма их цветов.

Впереди, за рулем грузовичка, сидит Гвидо. Рядом дремлет Гай, низко надвинув шляпу.

Гвидо. Я не слышал, что он ей говорил, но...— бросает взгляд на Гая, словно ищет сочувствия,— вид у них был такой, будто это она бросила его. Мужа.— Ждет, что на это скажет Гай, но тот молчит.— Ее сразу не раскусишь, верно? Иногда у нее вид, как у дурочки, только что со школьной скамьи. Совсем ребенок. Но, может, он ее застукал? Может, она шлялась, а? — Гай молчит.— Да, походка у нее что надо, заметил?

Гай. Ага. Первый сорт, ничего не скажешь.

Гвидо снова открывает рот, но, взглянув на Гая, решает дать ему поспать. Они едут молча. Проезжают мимо двух индейцев; они медленно следуют за небольшим стадом по правую сторону от шоссе. Гвидо замедляет ход и, высунув голову из окошка, машет Розалин. Он сворачивает с шоссе на грунтовую дорогу, поглядывая в зеркало.

Розалин едет за ним в облаке пыли, поднятой его грузовиком, по заросшей полынью степи, к подножию холмов. Вот они взбираются по склону. Потом объезжают холм вокруг, по дороге, которая лентой поднимается все выше; почва становится каменистой, а повороты все круче. Расколотые, раздробленные обломки скал загромождают путь. Машины спускаются в узкий проход, а потом карабкаются вверх по крутому ущелью,— его стены так высоки, что почти заслоняют небо. И вдруг в конце ущелья показывается какое-то строение; Розалин подводит машину к грузовику и выключает мотор.

Они с Изабеллой выходят из автомобиля и разглядывают дом. К ним присоединяются мужчины. Облачко красноватой пыли медленно уплывает вдаль. Внезапное появление этого пустого дома поражает их.

У этого современного ранчо какой-то странный, почти потусторонний вид. Окна выходят на крутой скат к невидимому отсюда шоссе далеко внизу и к новой цепи холмов за ним. В этом просторе дом кажется одиноким, как выброшенный на отмель корабль.

Дом не был достроен. Там, где его не успели обшить, видны черные полосы прессованных плит; рядом грудой навалены почерневшие от непогоды доски, а между ними пробиваются вьюнки. Остроконечная кровля наполовину крыта дранкой, другая половина только заложена толем. Кóзлы заросли сорняком и полынью. Одно крыло совсем недоделано, там торчат балки и косяки, а из фундамента тянутся кустики полыни. У постройки несбывшийся вид, словно ее вдруг прервала какая-то катастрофа или забросили люди, чей каприз толкнул их на другую забаву. Это не ферма; место для дома выбрано, очевидно, только потому, что отсюда открываются необозримые дали. Однако человек богатый, способный на такую прихоть, вряд ли стал бы строить этот стандартный и маленький дом. Его очевидная бесполезность кажется Розалин поэтичной, как наскоро сбитая, неосуществленная мечта.

Розалин. А почему его не достроили?

Гвидо (уклончиво). От непогоды он защищает. Входите.

Гвидо ведет их в дом через боковую дверь. Он останавливается, едва переступив порог, и оборачивается к Розалин, похлопывая по черной изоляционной прокладке между необшитыми стойками перегородки. «Теплоизоляция». Она кивает, не совсем понимая, что он

ПРИКАЯННЫЕ

хочет сказать, и он ведет их в комнату. Широко взмахнув рукой, он говорит «гостиная», и она снова кивает, рассматривая обстановку: тут есть все, что положено. Грязные окна ничем не завешены, часть стены обшита сучковатыми сосновыми досками, в другой еще видны голые стойки; пыльный диван покрыт индейскими одеялами. В доме не сыро, но воздух кажется затхлым. Мутные от пыли стекла плохо пропускают свет.

Гвидо отворяет дверь и, прижавшись к косяку, предлагает Розалин туда заглянуть.

— Тут должна быть еще одна спальня.

Розалин просовывает голову в другое крыло дома. В лицо ее бьют яркие лучи солнца и освещают землю под не зашитым досками полом.

— Здесь даже и так хорошо!

Довольный Гвидо бросается к трем прорезанным в передней стене окнам.

— Смотрите, какой вид! — Но, подойдя к окнам вплотную и заглянув в них, видит вместо пейзажа матовое от грязи стекло и спешит открыть дверь.— Вот отсюда!

Она стоит на пороге с Изабеллой и Гаем и смотрит вдаль на волнующийся океан гор под ногами.

— Господи, им нет ни конца, ни края!

— Посмотрите ванную комнату,— говорит Гвидо, дотрагиваясь до ее локтя, и она идет с ним через гостиную. Проходя мимо камина, он смотрит вверх на дымоход в потолке: — Камин.

Она кивает:

— Кирпичный.

— Кухня.

Она идет за ним туда, где должна быть кухня. Замечает паука в раковине и отсыревшую коробку с мыльными хлопьями на плите.

— Газовый холодильник.— Он открывает дверцу, и она туда заглядывает.

Он горд своими владениями. Это ее трогает. Закрыв дверь, он поспешно идет дальше, словно боясь ей надоесть.

— Керамическая плитка.

В ванной она разглядывает кафель. Он пересекает ванную и отворяет другую дверь; Розалин подходит к нему.

— А тут наша...— Он замолкает при виде свадебной фотографии в вычурной рамке, которая висит над кроватью. На рамке две нитки четок.— Моя жена. Она здесь умерла.

— Ах... какая жалость!..

Розалин оглядывает пустую комнату. Двуспальная кровать, комод, окно, некрашеная стена из прессованных опилок. Лица на фотографии — и его и жены — какие-то очень гладкие, нетронутые. Розалин охватывает тоска, и она смотрит на лицо Гвидо рядом, в первый раз замечая скрытую, ноющую боль у него в глазах.

Гвидо. Она ждала ребенка. Я клал верхние кирпичи дымохода... она закричала, и это началось.

Розалин. Почему вы не позвали доктора?

— Я не думал, что ей так плохо. Потом у меня лопнула камера и не было запасной. Все не клеилось, одно к одному. Так иногда бывает.

— Еще как! И вы больше не могли тут жить?

Гвидо удивлен ее сочувствием, и ему хочется им себя побаловать. Однако он боится насмешек, и в его тоне — неуверенность и опасение показаться навязчивым.

— Видите ли, мы с ней знали друг друга с семилетнего возраста...

— Вам надо найти другую.

Гвидо (снисходительно отнесясь к этой идее). Не знаю. Как же я буду жить с другой?.. Понимаете... Она ведь была не такая, как все. Стояла у меня за спиной, как скала, и никогда не жаловалась.

Розалин чувствует в его словах невольное сравнение и шутливо говорит:

— Может, это ее и убило.— Затем поспешно, боясь, что он обидится: — Я хочу сказать, что иногда стоит поныть — облегчает душу.— Но он не понял, и, стараясь развеселить его и заслужить прощение, она берет его под руку и выводит из комнаты.— Идем! Показывайте дальше. Какой чудный дом!

Они входят в гостиную. Гай развалился на тахте; Изабелла развернула индейское одеяло и его разглядывает.

Розалин. Как здесь чудно, Из, правда?

Изабелла. Замечательно. Вот если бы еще кто-нибудь достал из машины бутылку виски, которую я купила на свои кровные деньги!

Гвидо. Сию минуту! — Довольный такой разрядкой, прыгает с порога прямо на землю: снаружи нет ступенек.

Розалин бродит по комнате, трогая мебель.

Гай. Стаканы на кухне, Изабелла. Ей-богу, я очень устал.

Изабелла. Нет, милый, вы просто ковбой. Ваш брат и с места не тронется, пока дождь не промочит его до костей.

Гай смеется, а Изабелла идет на кухню. Он поворачивается и наблюдает за Розалин,—она остановилась возле грязного окна и старается разглядеть окрестности. Он окидывает взглядом ее спину и ноги.

— Трудно жить без удобств, а, Розалин?

В ней чувствуется какая-то неясная тревога.

— Да нет, это меня не пугает.

— Поглядели бы вы на его жену. Помогала ему заливать цемент, сколачивать доски. Вот это был настоящий товарищ.

Она обводит взглядом комнату, словно хочет прочесть воспоминания, которые хранят эти стены.

— А вот умерла... Потому что у него не было запасной шины.

— Да, так в жизни бывает.

Глаза их встречаются, она недовольна тем, что он перечит ее настроению.

— Но бывает и наоборот; об этом тоже нельзя забывать.

Его упрямая решимость притягивает ее взгляд к его лицу, и помимо воли она смягчается, испытывая к нему даже какую-то благодарность.

Гвидо вскакивает на порог, держа небольшой пакет с едой и бутылку. Смотрит на этих двоих и на Изабеллу, которая вытирает стаканы своей перевязью.

— Ну до чего же приятно, что здесь есть живые люди! — восклицает он.— Давайте, ребята, выпьем! — Идет к Изабелле на кухню.— Я включу холодильник. У нас скоро будет лед.

— Лед? — вопросительно повторяет Изабелла, глядя на Розалин сквозь стойки будущей стены.— А разве мы пробудем здесь так долго?

— Не знаю...

Она невольно смотрит на Гая, словно спрашивает его, и он решает за нее:

— Конечно! А чего же, лучшего места все равно не найдешь. Да и лучшей компании тоже!

— Ладно! — смеется Розалин.

— Вот это молодец! — Гай кричит на кухню: — Включай твой лед, парень!

Входит Изабелла, осторожно неся на подносе стаканы. Гай вскакивает, чтобы взять их у нее вместе с бутылкой, которую она заткнула себе за перевязь. Гай разливает виски.

Гай. Пусть льется рекой и да расцветет пустыня!

Изабелла. Лей, да не очень. У нас всего одна бутылка.

Гай берет руку Розалин и вкладывает в эту руку стакан.

— Ну вот вам! Потешьте душу, может, станет веселее!

Она улыбается, согретая его настойчивым участием.

Входит Гвидо и тоже берет стакан.

— Давайте сядем. Будем как дома.

Розалин садится на кушетку. Изабелла с ней рядом. Мужчины берут стулья.

Гвидо, окрыленный надеждой, говорит Розалин:

— А знаете, я очень рад, что вам здесь нравится.

Изабелла. Ну, выпьем за Неваду, за наш бросовый штат!

Розалин. Какой?

Остальные посмеиваются.

— Бросовый. Хочешь тут выбросить деньги — валяй, проигрывай! Избавиться от жены? Брось ее здесь. Есть лишняя атомная бомба? Давай кинь ее тут, никто и не пикнет. У Невады лозунг такой: бросай, что хочешь, но потом уж не плачь!

Гай. Вот это правда!

Гвидо. А как же случилось, что вы, Изабелла, так никогда и не вернулись домой? Вы ведь приехали сюда разводиться? Тогда, в свое время.

Изабелла пьет, смиренно поглядывая на Розалин.

— Говоря по чистой совести, я была недостаточно красива, чтобы вернуться домой.

Розалин. Ох, Изабелла!

— Это правда, девочка. Красота всюду помогает жить, а у нас, в Виргинии, она нужна, как воздух. Без нее шоферских прав, и тех не получишь. Я люблю Неваду. Ведь тут даже для еды нет положенного времени! Нигде не встречала столько людей, которые не знают, который сейчас час... У них, может, две жены сразу, но ни одной пары часов. Дай им бог здоровья!

Розалин повеселела; она откинула голову на спинку кушетки. Вся компания притихла. Им уж не хочется даже смеяться.

Розалин. Какая здесь тишина!

Развалившись, Гай произносит без всякой иронии:

— Больше всего на свете люблю ее слушать.

Они потягивают свое виски. В комнате и в самом деле звенящая тишина.

Гвидо. Тут милях в пяти отсюда есть индейская лавка...— Розалин насмешливо на него глядит.— ...Если вам нужно будет что-нибудь купить. Продовольствие и все прочее. На случай, если вы решите здесь пожить.

Гай просто, без всякой задней мысли:

— Буду рад к вам заехать и помочь по хозяйству. Если, конечно, хотите.

Розалин допивает виски и встает. Они следят, как, уйдя в себя, она разглядывает почти пустую книжную полку. Молчание становится ей в тягость, и она оборачивается к мужчинам:

— А можем мы затопить камин?

Гвидо. Конечно! Камин у меня на славу!

Он вскакивает и бросает в камин дрова. Смотрит на нее снизу, отваживается ей улыбнуться, довольный, что может ей услужить.

Она рассеянно ему улыбается и, отвернув-

шись, замечает, что Гай следил за этим молчаливым обменом улыбками. Она улыбается Гаю, и тот ей отвечает уже откровенно горячим взглядом. Она говорит Изабелле:

— Может, они знакомы с вашим другом?— Мужчинам: — Вам не попадался ковбой по имени Энди?

Гай. А фамилия?

Изабелла. Перестань, детка! Не буду же я за ним гоняться!

Гай. Он что, сбежал?

— Не совсем. Он не вернулся.— Изабелла смеется над собой.— Энди Пауэл. Вам никогда...

— Знаю! Такой однорукий. Его еще иногда звали Энди Ловкач.

Изабелла помимо своей воли немножко взволнована, она смеется:

— Это он!

Розалин с надеждой помочь Изабелле спрашивает Гая:

— А где он сейчас?

— Видел его на родео только месяц назад.

Розалин. А вы могли бы его отыскать, если бы...

Изабелла. Дорогая моя, перестаньте надеяться, что в жизни можно что-нибудь изменить.

Неожиданно краска возмущения заливает лицо Розалин.

— Но если можешь что-то сделать... Я, правда, не знаю, что́ именно, но если бы я знала, я бы непременно сделала!

Она вдруг видит, что остальные трое молча на нее смотрят так, словно она, сама того не понимая, бросила им какой-то вызов. Гай смотрит на нее с еще большим интересом. Изабелла чуть-чуть пристыжена, чувствуя свою слабость; Гвидо слегка испуган этим страстным протестом, Розалин ему нравится. Но так как никто из них, очевидно, не может ее понять, Розалин говорит шутливо:

— А нет ли тут патефона или радио? Хорошо бы послушать музыку.

Гвидо. Тут нет электричества.

Розалин. Но ведь в машине есть радио!

Гай. Как же мы о нем не вспомнили? А ну-ка, включи его, Гвидо.

Гвидо. Вы всегда что-нибудь придумаете! — Выбегает и спрыгивает на землю.

Гай. Может, выпьете еще, Розалин? Чтобы виски внутри не простыло.

Розалин. С удовольствием.

Снаружи слышно, как завелся мотор. Изабелла встает и с какой-то совсем молодой легкостью выходит на кухню:

— Пожалуй, сделаю себе бутербродик. А вам, ребятки?

Розалин. Давайте!

Изабелла уходит на кухню. Гай, стоя рядом с Розалин, наливает ей виски и говорит негромко, чтобы слышала только она:

— Я бы хотел, чтобы вы здесь остались. Можно надеяться?

Лицо ее становится грустным и каким-то до странности потерянным.

— Почему? Какая разница?

— Может, со временем окажется, что большая.

Она смотрит на него с нескрываемой жадностью человека, который хочет что-то понять, и он не опускает глаз. Из машины за домом доносятся звуки джаза. Гай прикасается к ее руке.

— Потанцуем?

— Давайте.

Он притягивает ее к себе. Танцует он хорошо. Входит Гвидо, он ошеломлен, видя их вместе.

Розалин говорит через плечо Гая:

— Спасибо, Гвидо! Из, налейте ему еще. У вас очень хороший дом, Гвидо!

Изабелла приходит из кухни. Гвидо обходит танцующих и делает вид, будто поглощен размешиванием углей в камине. По лицу, освещенному пламенем, видно, что в голову ему запала какая-то мысль.

Изабелла (намазывая здоровой рукой бутерброды). Совсем недурно танцуешь, ковбой!

Гай. Эй, что это вы там выделываете с моими ногами?

Розалин совсем захмелела; тело ее движется свободнее.

— Не напрягайтесь. Следуйте за партнером, не сопротивляйтесь.

— Я и не сопротивляюсь.

Она отходит и пытается заставить его сделать сложное па. Он прыгает довольно неуклюже и крайне удивлен.

Гвидо. Что это ты вытворяешь?

Гвидо и Изабелла следят за ними, раскрыв рот. Гвидо жадно пьет, в нем проснулся инстинкт соперничества. Изабелла с гордостью ему говорит:

— Она ведь, знаете, учила танцам, до того как вышла замуж.

— Ей-богу? В дансинге?

Это сообщение объясняет Гвидо, кто такая Розалин. Он внезапно становится между ней и Гаем:

— А не пора ли станцевать с хозяином? — шутливо говорит он Гаю.— Ну-ка, уступи место, парень!

— Смотри, не покалечь эти маленькие ножки.

Гвидо смотрит на Розалин, глаза его горят, губы растянуты в дурацкой фамильярной усмешке:

— Ну, она знает, как их вовремя убрать, чтобы не мешали. Пошли!

Хлопнув в ладоши, он, к удивлению зрителей, пускается танцевать буги-вуги. Розалин сразу же весело принимает его вызов. Они сходятся, расходятся, танцуют спина к спине, и он заставляет ее проявлять весь свой пыл.

Гай. Где же ты, черт возьми, обучился этому, Летчик? — Изабелле: — Вот не знал, что он вообще танцует! — Кричит: — Вы только поглядите на Летчика, кто бы мог подумать!

Танец кончается, и на последнем такте Гвидо крепко прижимает Розалин к себе, а она молча, ловко, решительно, хотя и улыбаясь, освобождается из его объятий; лицо ее говорит, что зря он радуется легкой победе.

Гай. Вам двоим впору выступать на сцене! Вот это дали жару, Розалин!

Розалин. Уф-ф...

Задыхаясь, чувствуя, что у нее совсем закружилась голова, нетвердой походкой идет к двери. По радио начинают передавать следующую запись. Гвидо подходит к ней, обхватывает ее за талию и фамильярно поворачивает к себе лицом:

— Пойдем, золотко, это хороший мотив. Я целый век не танцевал.

Они танцуют, уже совсем приноровившись друг к другу. Минуту спустя она спрашивает:

— А разве ваша жена не танцевала?

— Не так, как вы. У нее не было... такого изящества.

Розалин, не отодвигаясь от него, заглядывает ему в лицо.

— А почему вы не научили ее быть изящной?

— Этому не научишь.

— Почем вы знаете? Откуда вам это известно?

Гвидо раздражен скрытым смыслом ее слов. Он нахмурился от злости.

Розалин. Понимаете? Вот она умерла, и так и не узнала, как хорошо вы танцуете! Никто в этом не виноват, но в какой-то мере...— она отставила большой палец от указательного,— в какой-то мере вы, видно, были чужими.

Гвидо оскорблен, в голосе его звучит презрение.

— Я не намерен обсуждать с вами поступки моей жены.

Перестает танцевать.

Розалин берет его за руку. Джаз играет, голова у нее кружится, и лицо становится грустным.

— Не сердитесь! Я просто хотела сказать, что, если кого-нибудь любишь, его можно научить чему угодно! Потому что все мы должны умереть, мы ведь и сейчас умираем понемножку, правда? Все мужья и все жены умирают поминутно и не учат друг друга тому, что умеют.— Она видит, что он ничего не понял, и искренне хочет его убедить.— Вы ведь такой хороший, Гвидо.— Отбрасывает волосы, заслоняя ладонью глаза, чтобы не видеть его обиженного лица, и вдруг заявляет: — Хочу на воздух!

Быстро повернувшись к двери, делает шаг. Гай, соскочив с кушетки, подхватывает ее прежде, чем она успевает упасть,— ведь там нет ступенек. Изабелла бросается за ним.

Гай. Вы лучше прилягте.

Изабелла. Поедем домой. Положи ее сюда, ковбой.

Розалин. Нет, я не хочу... мне хорошо...

Она снова направляется к двери. Гвидо спрыгивает вниз, и она падает к нему на руки. Смотрит ему в лицо, смеясь над своим неожиданным падением; он прижимает губы к ее рту и с силой прижимается к ней. Она его отталкивает.

Сверху на пороге стоит Изабелла и кричит им со страхом:

— Помогите мне сойти! Садитесь в машину, Розалин!

Розалин отталкивает Гвидо и, шатаясь, отходит. На мгновение оставшись одна, она оглядывается вокруг. По радио все еще передают джаз. Она начинает медленно кружиться одна в высокой траве; наткнувшись на дерево, останавливается, обхватывает ствол руками и прижимается к нему щекой.

Гвидо, Изабелла и Гай столпились на пороге дома и с недоумением наблюдают за ней; Гвидо, все еще чувствуя обиду, делает к ней шаг, но Гай молча его останавливает. Гай пробирается по траве к дереву и мягко пытается повернуть Розалин за плечо, потому что лицо она закрыла согнутой рукой. Но стоит ему до нее дотронуться, как она оборачивается, и, как ни странно, лицо у нее веселое и смеющееся. Гай тоже улыбается, но он растерян.

Розалин. Вы за меня испугались? Как это мило!

Гай. Не хотел, чтобы от вас остались одни красивые черепки.

Он обнимает ее за плечи, и она дает себя отвести к своей машине, которая стоит рядом с видавшим виды «пикапом» Гая. У открытой дверцы Гай оборачивается к Гвидо и хочет ему что-то сказать, но Гвидо сразу же ему заявляет:

— Поезжай, отвези ее, я возьму твой «пикап».

Гай подсаживает Розалин в машину, и она говорит:

— Не надо, не оставляйте Гвидо одного. Идите, Из... Поезжайте с бедным Гвидо.— Чувствуя себя перед ним виноватой, протягивает ему руку.— У вас чудесный дом, Гвидо!

Гай садится рядом с ней в машину.

Оба автомобиля спускаются по каменистому грунту к шоссе, «пикап» идет впереди. Розалин сидит в кабине рядом с Гаем, подвернув ногу, ступня ее почти касается его бедра. После налетевшей бури в душе ее наступило затишье, слегка затуманенные глаза устремлены на пробегающие за окном холмы. Она поворачивается и рассматривает профиль Гая: от него как будто дышит покоем, в нем видна твердость, доброта, глубокая внимательность к ней, за которую она ему благодарна. Она говорит:

— Я не хотела его обижать. Я его обидела, правда?

Гай улыбается.

— Да уж разбудили в нем черта, я даже удивился.— Он смеется.— Ну и потешный же у него был вид, когда он отплясывал! — Хохочет.

Они доезжают до конца грунтовой дороги. «Пикап», съехав на шоссе, поворачивает и двигается дальше. Гай останавливается, глядит по сторонам, нет ли встречных машин, и взгляд его падает на Розалин; она испытующе на него смотрит, на губах ее застыла улыбка.

— Какая вы красивая... Рядом с вами для меня даже сидеть — большущая честь. И глядеть на вас глазам больно.— Она от удивления тихонько смеется.— Я вам от души это говорю, Розалин.— Он включает ручной тормоз и поворачивается к ней лицом.— Почему вы всегда такая грустная? Вы, по-моему, самая грустная женщина, каких я видел.

— Вы первый, кто мне это сказал. Мне обычно говорят, что я счастливая.

— Потому что вы людей делаете счастливыми, вот в чем дело.

Он хочет ее обнять, она ласково его отстраняет.

— Этого мне от вас не нужно, Гай...

Гай, чем-то довольный, приподнимает ее подбородок.

— Ничего, девушка, не расстраивайся, еще будет нужно! Послушай, почему бы тебе тут не пожить? Иногда ведь как бывает: если не знаешь, что с собой делать, самое лучшее постоять спокойно, никуда не торопясь. И ручаюсь, ты найдешь здесь то, что не валяется на каждом перекрестке.

Она вопросительно на него смотрит.

— Может, я в чем другом и немногого стою, но другом я быть умею.

Розалин, коснувшись его руки:

— Спасибо.

Гай, ободренный этим жестом, быстро включает скорость.

— Давайте, я отвезу вас назад, а вы потом заберете свои вещи...— Выезжает на шоссе. Теперь он словно куда-то торопится.— Попробуйте недельку, поглядите, что будет.— Минуту они едут молча.— Слыхали рассказ про горожанина, который попал в деревню? Вот он видит фермера — тот сидит у себя на крылечке — и говорит ему: «Голубчик, вы не знаете, как мне попасть обратно в город?» А тот парень ему отвечает: «Не». Горожанин ему опять: «Ну, а может, вы знаете, как мне попасть на почту?» А парень опять в ответ: «Не». «Тогда, может, вы знаете, как мне попасть на станцию?» «Не». «Голубчик,— говорит тогда тот,— не много же вы знаете, как я погляжу». А фермер ему отвечает с крылечка: «Не. Но зато и не я тут плутаю».

Они оба смеются. Розалин понемножку оттаивает. Она признательна ему за внимание, за чуткость. Даже тогда, когда он отворачивается, она чувствует, что глаза его неотрывно устремлены на нее.

Она его спрашивает:

— У вас разве нет своего дома?

— А как же! Лучшего дома не бывает.

— Где он?

— Тут.

Кивком головы он показывает на степь. Она смотрит в окно, ищет на залитой лунным светом земле какую-нибудь постройку, но видит только безлюдные холмы. Тогда она поворачивает голову и снова смотрит на его профиль — в нем удивительная душевная собранность и покой. Она опять смотрит в ночь, пытаясь и сама обрести душевную гармонию в этих просторах.

Глава четвертая

Ночь кончается. Звезды становятся мелкими и меркнут одна за другой, край солнца появляется над морем холмов, небо быстро загорается, притягивая взор к округлому горизонту и замершей во сне земле. Звонкое, как небесная синь, пение птиц призывает солнце вернуться на землю. Глаз, утонув в просторах, ищет, на чем бы ему остановиться; на добычу выходят хищники: из-под куста выскакивает заяц, и над ним появляется тень. Это, медленно сужая круги, парит ястреб. Птичий гомон становится резче и пронзительнее. Неизвестно откуда прилетают ласточки, они камнем падают на воздушного охотника, чтобы прогнать его подальше отсюда. На скалу присела погреться бабочка, но хамелеон метнул в нее своим язычком и тут же ее проглотил.

Солнце, двигаясь, заглядывает в спальню Гвидо, где спит Розалин. Сквозь сон она слышит отчаянный щебет птиц; лицо ее хмурится, и рука сжимается в кулак. Подушка рядом с ней еще хранит вмятину от головы.

Дверь в гостиную открывается — и на пороге Гай; он смотрит на спящую Розалин, скользя взглядом по ее телу, покрытому простыней. Над кроватью больше не висит фотография Гвидо с женой, остался только крюк. В глазах Гая желание, он еще ощущает запах ее тела, но взгляд его словно хочет проникнуть сквозь покров, которым она закрылась от него. В жизни его произошло чудо, оно еще наполняет все его существо. Бессознательно он приглаживает волосы, в этом жесте тревога — ведь он уже немолод.

Под его взглядом она шевельнулась, а потом открыла глаза; он подходит к ней и садится на корточки возле кровати. Когда она открывает глаза, он наклоняется и целует ее. Мгновение Розалин не понимает, где она. Потом улыбается, оглядывает взглядом комнату, потягивается:

— Господи, как я хочу есть!

— А ну-ка иди сюда, у меня для тебя сюрприз.

Он выходит из комнаты. Она садится, на лице у нее предвкушение удовольствия; встает с кровати.

Гай подходит к плите и переворачивает на сковородке яичницу. Рядом кухонный стол накрыт на двоих. Гай поворачивается и видит в дверях спальни Розалин в халате.

Она с удивлением осматривается:

— Ты убирал дом? — Идет дальше, видит накрытый стол, шипящую на сковородке яичницу, вазу с полевыми цветами. Что-то снаружи привлекает ее взгляд. Она видит в зарослях сорняка пустое ведро со шваброй. Теперь она поворачивается к нему. Ее трогает его хозяйственный пыл. Она бежит к плите, где он стоит:

— А ну-ка дай я приготовлю завтрак.

— Садись, все уже готово.

Он накладывает им обоим яичницу и садится за стол напротив нее. Она на него смотрит. Он начинает есть.

— Ты всегда это делаешь?

— Угу. Первый раз в жизни.

— Честное благородное?

Гай только кивает; он и так уж разоткровенничался.

Она принимается за еду.

— О-о-о! До чего же вкусно!

Розалин ест с завидным аппетитом. Он смотрит на нее с удовольствием.

— Ты все делаешь от души. Даже ешь. Мне это нравится. Женщины обычно только клюют еду, как птицы.

Она улыбается в ответ и снова принимается за яичницу, это создает между ними на миг какую-то удивительную близость. Она подняла на него глаза и говорит с полным ртом:

— На воздухе аппетит прямо волчий, да?

Он тихонько посмеивается. Отхлебывает кофе. Закуривает сигарету, все еще к ней приглядываясь.

Она ест, как человек, умирающий с голода. Наконец останавливается, чтобы перевести дух.

— Я ужасно люблю есть! — Весело оглядывает комнату.— Ни за что бы не сказала, что это тот же самый дом. Даже пахнет по-другому.—Внезапно встает, обходит стол и целует его в щеку.— Я тебе нравлюсь, а?

Он притягивает ее к себе, сажает на колени, целует в губы, прижимается к ней головой. Она похлопывает его по шее, лицо ее светится от счастья, но постепенно на него набегает тень. Он ее отпускает. Она встает, идет к двери, смотрит на безбрежный океан холмов, на пустое небо, на далекий горизонт.

— Какими смелыми должны быть птицы, чтобы здесь жить. Особенно ночью.— Оборачивается к нему и объясняет: — Ведь они такие маленькие, понимаешь?

— М-м-м...

Глаза у Розалин смеются:

— Ты думаешь, я сумасшедшая?

— Угу. У меня такой вид, потому что я тебя никак не пойму.

— Почему?

— Не знаю... У тебя есть дети?

Она качает головой. Вопрос почему-то ее смутил; она снова отворачивается и, увидев,

что на порог села бабочка, приседает на корточки и протягивает к ней палец, но бабочка улетает. Тогда она ложится на живот, головой в пролет двери. Поглядывая на него искоса, решает ему ответить:

— Я не хотела детей. От него.

— А он, небось, хотел, а?

— Дети, говорят, привязывают мужа и жену друг к другу. Ну, а если ничего нет, что тогда? Я знала такие семьи, их даже считали счастливыми, а как-то раз...— поворачивается на бок, к нему лицом,— жена лежала в родильном доме, а он был у меня. Понимаешь, был у меня. И до сих пор считают, что у них счастливый брак.

— Да ты, видно, хочешь постоянства в любви?

— Не знаю, но надо придумать что-то такое, чтобы люди не могли иметь детей, если они друг друга не любят. Потому что дети все понимают. Я понимала.— Вдруг повеселев: — Если ты хочешь куда-нибудь уехать, я могу быть одна.

Гай подходит, приседает на корточки рядом с ней, расчесывает пальцами ее волосы.

— Разве по мне видно, что я хочу уехать?

— Я просто хочу, чтобы ты ни в чем себя не принуждал.

— Ничего подобного в жизни не видывал!

— Чего?

— Ты говоришь то, что думаешь. Даже когда шутишь, и тогда говоришь то, что думаешь!

Она смеется.

— Большинству людей это не нравится.

— А у меня на душе спокойнее.— Садится на пол. Минуту оба молчат.— Понимаешь, все они приезжают сюда из Нью-Йорка, Чикаго, Сент-Луиса... и находят себе ковбоя. Ведь ковбои, говорят, болваны, поэтому им можно говорить что хочешь. И делать что хочешь, все, что не решаешься делать дома. А мне смотреть на них жалко.

— Почему жалко?

— Ковбои над ними смеются, а они этого не понимают. Поэтому так приятно хоть раз встретить женщину, которая уважает в тебе человека.

— А ты не подумывал еще раз жениться?

— Много раз, но только ночью.

Она весело смеется, понимая, что это за натура, а он улыбается без всякого стеснения, словно признаваясь в своей слабости.

Потом он умолкает совсем, и если за их вопросами и ответами была какая-то тайная хитрость, она теперь ушла. Его прямой, пристальный взгляд пробуждает в ней даже что-то вроде страха.

— Вот что я тебе скажу: с тобой мне было бы трудно распроститься. Я сам себе удивляюсь.

Молчание вдруг становится похожим на морской вал, который вот-вот ее поглотит. Она благодарно берет его за руку, но в глазах ее отчужденность: это ее защита.

Он осматривается.

— Тут много надо будет сделать, если ты решишь здесь пожить.

Но она уже на ногах и тянет его за руку.

— Пойдем на солнце!

Они спрыгивают с порога на землю и, взявшись за руки, бредут сквозь кустарник.

— Ты уважаешь в мужчине человека. Терпеть не могу женщин, которые все время рассуждают, что им можно делать и чего нельзя.

Она смеется.

— А ведь все равно делают то, что нельзя.

Они сидят на бревнах. Она смотрит в голубое, безоблачное небо.

— Тебе в самом деле со мной покойно?

Он кивает.

— Я и вправду хочу знать, остаешься ты или уезжаешь.

Она поднимает камешек и начинает его обтирать.

— Когда я сама буду знать, я тебе скажу. Ладно? Давай просто жить, помнишь, как ты говорил тогда в баре? — Виновато, со смешком: — Я еще не знаю, на каком я свете, понимаешь?

Поднимается с бревен, и взгляд ее падает на цементный блок в траве. Радуясь даже этой возможности уйти от разговора, она, чуть не танцуя, подбегает к нему.

— Смотри! А нельзя положить его вместо ступеньки?

Он подходит и поднимает блок.

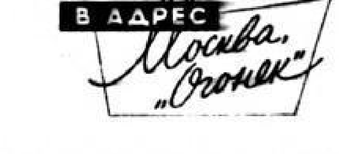
— Пожалуй, можно.— Проходит несколько шагов к двери и ставит блок под ней.— Вот.

— Дай-ка я его испробую.— Она бегом вскакивает на порог, а потом спрыгивает обратно.— Отлично! Могу войти и выйти.—Снова прыгает наверх в дом и обратно, ее радостное возбуждение заражает его; он молодо смеется. Почувствовав его простодушную радость, она вдруг восклицает благодарно, с надеждой:— Ах, какой же ты у меня хороший, Гай!

Он целует ее, не давая договорить, когда она, танцуя, снова выбегает из дома.

Продолжение следует.

Перевели с английского
Е. Голышева и Б. Изаков.

ИХ МНОГО—ДОБРЫХ СЕРДЕЦ

После опубликования в «Огоньке» № 5 очерка «Люди добрые» ко мне приходит много писем из разных уголков нашей страны и даже из стран народной демократии — Болгарии и Румынии.

Я благодарю всех, написавших мне. Но ответить на все письма просто невозможно, поэтому очень прошу: пусть не обижаются на меня за это мои новые друзья. Их письма сделали свое: еще более укрепили во мне веру в Человека.

«Огонек» познакомил меня с такими сильными людьми, как Зина Кундиренко из Полтавской области, Драгош Вакариук из Румынии. Несчастье не сломило их. Уже много лет лежа в постели, они получили профессию переводчиков художественной литературы; их работы печатаются. Но не успокаиваясь на этом, Зина еще продолжает учиться заочно в Киевском университете.

А вот еще одно письмо — Володи С. из Киева. Он пишет: «Какое бы несчастье ни пришло к человеку, он не должен отчаиваться».

Это не пустые слова. Володе тоже много пришлось пережить, но он не сдался. Когда Володя оказался в беде, его оставила любимая; моральная боль была страшнее физической, но рядом оказались товарищи, они поддержали его, и сейчас Володя снова стремится к своей мечте — написать серию картин об Украине.

Разве можно сказать о таких людях, что они несчастны? Человека ценят не по одной физической силе, а и по силе его души, по его труду, по тому, какую пользу он приносит.

Один парень с целины пишет мне: «Несколько раз собирался написать вам, и стыдно: вы оказались сильнее меня, хотя я и здоровый человек».

Да, иным трудно найти место в жизни. Некоторые не верят в доброту людей, в их сердечность. Хочу процитировать еще одно письмо — от Бориса Васильевича Соколовского из города Каменец-Подольского: «Я старше вас, Лиза, мне 48 лет. У меня семья, и я почти так же беспомощен. Но не буду вам писать о своей болезни: вам и своя-то надоела. Цель моего письма другая: я тоже хочу работать и могу еще быть полезным, но как добиться этого?

В начале болезни ко мне часто приходил один молодой инженер, делился мыслями, советовался. Я чувствовал, что все-таки нужен кому-то. Но и его посещения стали редкими, а потом и совсем прекратились. Вот вам и люди добрые! Может быть, я не прав, так напишите мне, верить ли в сердечность людей, в их доброту».

Ну, конечно, верить, Борис Васильевич! Просто вы столкнулись с несколькими черствыми, равнодушными людьми, которые, к сожалению, еще есть у нас. Но их не так уж много. Гораздо больше людей сердечных, отзывчивых. Встречи с ними не забываются, они остаются в памяти на всю жизнь, согревают в трудную минуту. И верьте мне, Борис Васильевич, в Каменец-Подольском люди нисколько не хуже, чем в Ленинграде, Советске, Фрунзе. Будут и у вас настоящие друзья, помогут вам встать в строй!

Но очень многое зависит и от самого человека, от его воли, стремлений. Как могут помогать люди, если сам человек покорился и уже ни к чему не стремится? Авторы некоторых писем называют себя «несчастными». Мне очень хочется сказать им, что нельзя замыкаться только в своем горе, в своих переживаниях. Это обрекает человека на одиночество.

Потерять здоровье — большое несчастье, но это еще не значит, что жизнь потеряла всякий смысл. Жить и трудиться, приносить пользу другим можно в любых обстоятельствах.

Мне не хочется повторять то, что уже было написано в очерке, поэтому я не буду рассказывать, как появились у меня телефон и телевизор, как я устроилась с работой. Добавлю только, что в очерке еще далеко не все написано о том, сколько хорошего сделали мне люди.

А теперь скажу о машине, которую подарили мне комсомольцы города. Но и тут я не могу сказать многого, потому что почти все делалось без моего ведома и выяснилось только тогда, когда надо было получить машину.

Нетрудно понять, что значит для меня такой подарок. Это свобода, движение, возможность больше включиться в общественную жизнь. У меня просто нет слов, чтобы выразить благодарность людям. Мне хочется очень много трудиться, стать лучше, приносить больше пользы, чтобы оправдать доверие добрых людей.

Л. ЗАЗИМКО

Этот автомобиль «Запорожец» — подарок Лизе Зазимко от алма-атинских комсомольцев.

Я ХОЧУ НАЙТИ АЛЕШУ

Уважаемые товарищи! Рассматривая свой архив, я нашел одну карточку 1945 года, на которой со мной сфотографирован советский солдат. Я был бы очень рад, если бы вы помогли мне найти его.

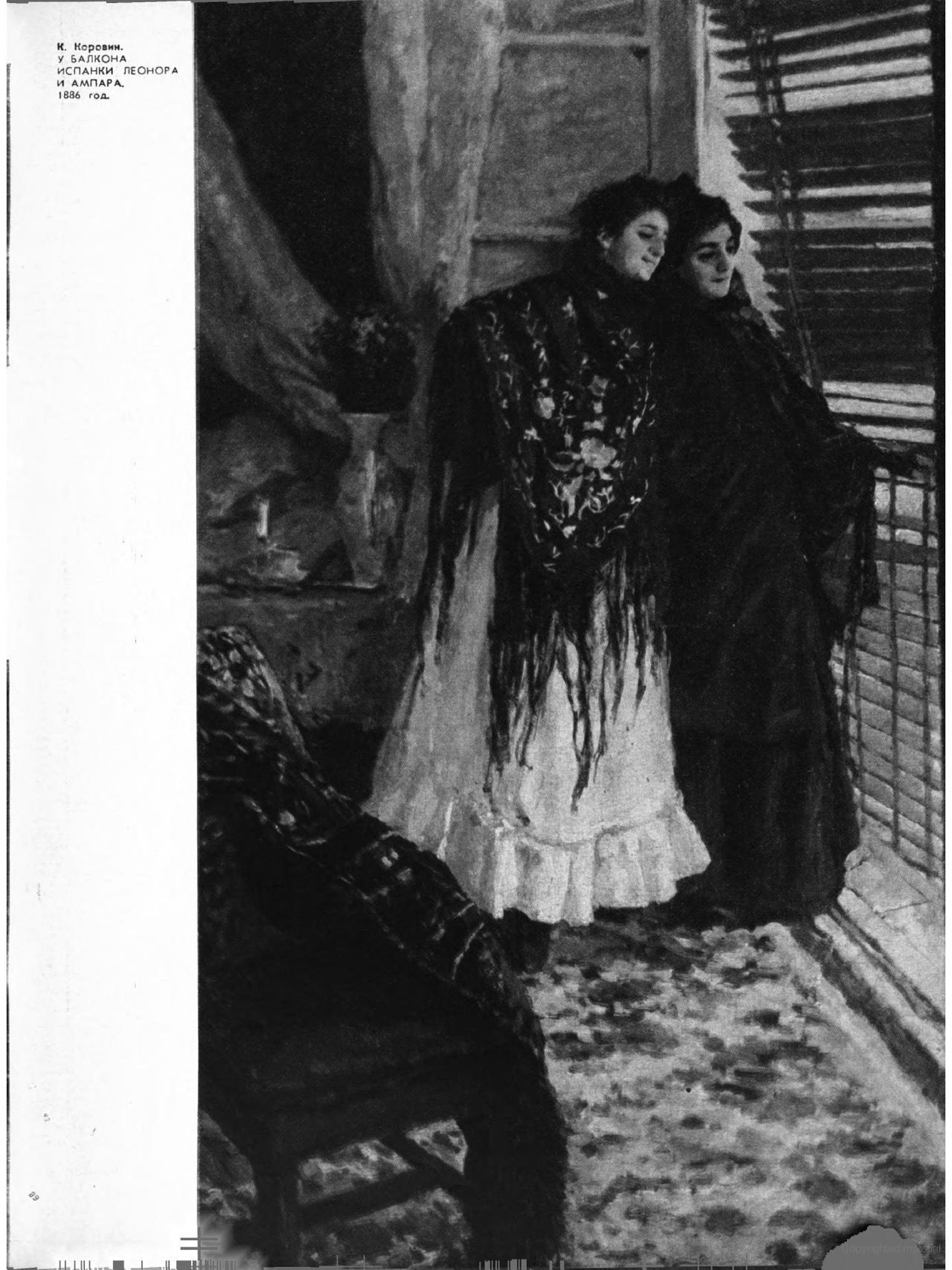
Я об этом солдате знаю только то, что его звали, как мне кажется, Алеша, что ему было тогда лет 17—18. Сам он откуда-то из Поволжья, где работал пастухом.

Алеша ходил к нам каждый день. Несколько раз приносил нам суп. Но больше о нем, к сожалению, не знаю.

Мне очень хочется узнать о солдате: что он теперь делает, где теперь живет.

Сейчас я занимаюсь в Праге, на естественнонаучном факультете Карлова университета.

Мартин ШИМА

К. Коровин.
У БАЛКОНА
ИСПАНКИ ЛЕОНОРА
И АМПАРА.
1886 год.

К. Коровин. РОЗЫ И ФИАЛКИ. 1912 год.

«Огонек».

Вас. **ФЕДОРОВ**

Земля и Вега

— Летим!
— Куда летим?
— Летим к далекой Веге.

Посадка.
Взрыв —
И мы в стальном ковчеге
Спешим в бреду
Космической езды
На праздник основания звезды.
Летим сквозь ужас
Темноты кромешной
В мир молодой,
Безбрежный и безгрешный,
Летим к полузабытым
детским снам...
Земные жены надоели нам.

Все позабудь.
Все связи оборви.
Кровь остуди.
Угомони смятенье.
Нет, все же тяготение любви
Всесильней,
Чем земное тяготенье.

Ночь.
Ночь.
И ночь.
Здесь не бывает дня.
Мы средь миров блуждающих
повисли.
Чем невесомей тело у меня,
Тем тяжелей,
Тем полновесней мысли.
О, эти мысли!
Как-то невзначай
Сказал «прощай» —
И стало вероломным,
И стало это самое «прощай»
Таким тяжелым
И таким огромным!

* * *

Земля!
Тревожно за нее порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал
И не припрятал спички.

Взгляну вперед —
И дивно для очей:
Бока планет
В космической пустыне
Шершавятся, как дыни
на бахче,
Клянусь Землей,
Как золотые дыни!

Все отошло.
И милую не жаль.
Ни перед кем не чувствую
вины я.
Обида,
Ненависть,
Тоска,
Печаль —
Понятья исключительно
земные.

Но нет.
И здесь любовь и боль
в ходу...
Где Млечный Путь
С другим сходился Млечным,
Я, ставший между звезд
Почти беспечным,
Подслушал стон
И подсмотрел беду.

Беда — везде беда,
И стон есть стон,
Земной ли наш, людской,
Или вселенский,
А стон все громче...
Ну, откуда он?!
И этот тихий плач,
Гортанный,
Женский.

И наконец,
Заняв экран большой,
Сначала смутной,
Легкой-легкой тенью
Из дальней
Из галактики чужой
До нас дошло
Печальное виденье.

Он умирал.
В скорлупке корабля
Их было двое.
Было только двое!
Он умирал,
Бог весть о чем моля,
Упав в ее колени головою.
Она шептала странные слова
И кудри гладила.
Глядел с экрана
Застывший страх,
Почти как у Марьяны
В момент паденья
Нашего «ПО-2»...

Что нужно вам
В холодных безднах тьмы,
Вам, любящим друг друга?
Как нелепо!
Инопланетцы, неужель и вы
Здесь ищете
Свое Седьмое Небо?!

И я ищу,
И у меня есть флаг
И страстных
И опасных путешествий...
А если умирать,
Я б умер так,
Да, только, только так:
С любимой вместе.
Сородичам
Земле нас не предать.
Нетленные, орбитою
туманной
Мы стали бы звездою
безымянной
Летать...
Летать...
Летать...
Века летать!

Но вот и Вега!
Описали круг,
Упали кошкой на стальные
лапы.
Долой ремни!
Распахиваем люк,
Бросаем трап,
Спускаемся по трапу.
Нисходим вниз,
Как на морское дно,
Где все синё:
И небо и полянки.

Под редакцией международного гроссмейстера С. ФЛОРА.

УСКОЛЬЗНУВШАЯ ПОБЕДА

Эта партия была сыграна на Московском международном турнире между Л. Пахманом (Чехословакия) и В. Смысловым. Л. Пахман — превосходный теоретик — получил по дебюту многообещающую позицию. Но во второй части партии В. Смыслов захватил инициативу. Произошли очень любопытные приключения, о которых хочется рассказать.

После 22-го хода черных (Kd7—c5) получилась следующая обоюдоострая позиция:

Чехословацкий гроссмейстер только что отклонил ничейное предложение экс-чемпиона мира и неосторожно сыграл:

23. Фd2 — c2 ....

Правильно было 22. Ла—b1. Пахман оставляет пешку f4 без защиты, чем тут же воспользуется Смыслов.

23... d6 — d5!
24. Cd4 : f6 g7 : f6
25. c4 : d5 Фc7 : f4
26. b3 — b4 ...

На это продвижение Пахман возлагал свои надежды, но его ждет неприятный сюрприз...

26... Лe8 — e3!

Теперь нельзя брать на c5, ибо после 27. b : c5 C : c5 28. Kph1 Cd6 черные выигрывают.

27. d5 : c6 Kc5 — d3

Атака Смыслова нарастает с каждым ходом. В этот момент Пахман уже пожалел, что отказался от ничьей.

28. Kc3 — d5 Лd8 : d5
29. c6 — c7 ...

У Пахмана появился кандидат в нового ферзя — пешка c7. Однако король белых расположен так неудачно, что они должны быстро проиграть. Но... чудеса продолжаются.

29... Фf4 — d4!
30. Kpg1 — f1 Фd4 — f4 +
31. Kpf1 — g1 Фf4 — d4

В этот момент оба гроссмейстера находились в цейтноте, и Смыслов принял решение: согласился на ничью.

Решение Смыслова было ошибочным. Удивление его было велико, когда ему показали, что в заключительной позиции черные выигрывают путем 32. Kpf1 Лd5 — e5! 33. c8Ф Ф : a1!

Не знающие горя вегианки
В больших цветах
Подносят нам вино.

И девушка,
Заметив, что кипучей
Не смею влагой губы
замочить,
Показывает что-то,
Видно, учит,
Как пить вино...
Меня ли ей учить!
Лепечет что-то.
Ласковым участьем
И нежностью не мог я
пренебречь.
Как только принял
Звездное причастье,
Понятной стала неземная речь.

Мой пышный чуб,
Служивший мне до срока
Подмогой в незавидной
красоте,
Стал станцией приема
биотоков,
Чтоб говорить
С живущей на звезде.
— Хорошая! —
И слышу, сердце бьется,
Мое ответным чувством
взвеселив.
Все понимает.
Радостно смеется
И отвечает:
— Милый сын Земли!

В саду гуляем тихо,
Птиц не будим,
Беседуем без слов:
Вопрос — ответ.
И в полумраке маленькие
груди
Дрожат
И излучают
Теплый свет.

...Вдруг я услышал крик
ее стыда,
Немой укор,
В меня успевший влиться:
— О сын Земли, я молодая
жрица
В ареопаге звездного суда.
Мы судим всех,
Забывших о прекрасном,
Мы судим многих,
Кто в земном краю
Не из большой любви,
А из соблазна
Любил,
Страдал
И тратил жизнь свою.
Она ушла.
Молю ее: постой!

Ответ доносит чувство мне
шестое:
— О сын Земли, мы судим
чистотой!
— О сын Земли, мы судим
красотою!

* * *

Земля!
Что может быть красивее!
Летел на праздник я... А тут!..
Ведут,
Ведут,
Ведут Василия
На непонятный
Звездный суд.
По синь-пескам,
По мхам распластанным
Сто юных жриц,
Красой светя,
Ведут меня, земного мастера
Штамповки,
Ковки
И литья.

Красиво,
Как на райской каторге.
Ведут.
Дороге нет конца.
Ведут.
Уже прошли три радуги,
Три арки судного дворца.
На этот раз
Пред хитрой карою, —
Должно быть, так заведено, —
В цветке подносит мне вино
Старуха старая-престарая.
— Испей!
И, тронутый поблажкою,
Пью — отливает кровь от щек.
— Что ощущаешь?
— Старость тяжкую.
Карга довольна.
— Пей еще.
И показала мне овальное,
Оправленное стеклецо.
И отразила гладь зеркальная
Мое потухшее лицо,
Глаза холодные,
Уставшие,
Под жалкой вывеской
бровей.
— Что жаль?
— Жалею дни пропавшие,
Любовь, не ставшую моей.
Все, все жалею,
Что непочатым
Оставил на земном пути...

Она раскрыла двери
створчаты,
Сказала:
— А теперь иди.

У молодого мало жалости.
Что юным приговор судьи!
Теперь ты старый,
А у старости
Сильней раскаянье.
Иди!

* * *

Земля!
Страшны суды вегейские!
Тебе ль, мудреющей в труде,
Передавать дела судейские
Чужой,
Неласковой звезде.
Меня обидели, ославили,
Меня до времени состарили.

Так вот зачем вино я пил!
В тяжелом
Непривычном шаге
Через порог переступил
И отступил
В невольном страхе.

В кругу,
Куда меня ввели,
Увенчанного сединою,
Сидели женщины Земли,
Когда-то встреченные мною.
Из всех,
Любивших допьяна,
Из всех, в любви
не опьяненных,
Из всех судивших
Лишь одна
Глядела на меня влюбленно.
Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в ту прощальную беседу:
— Когда ни позовешь —
приду,
Куда ни позовешь — приеду!
Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в пору клятвенного пыла.
Не звал.
Примчалась на звезду.
Обиды, горечь —
Все забыла.
Примчалась
И свою печаль
Переложила мне на плечи.
Тех, кто забыл меня, не жаль,
Им легче,
Той вон, рыжей, легче.

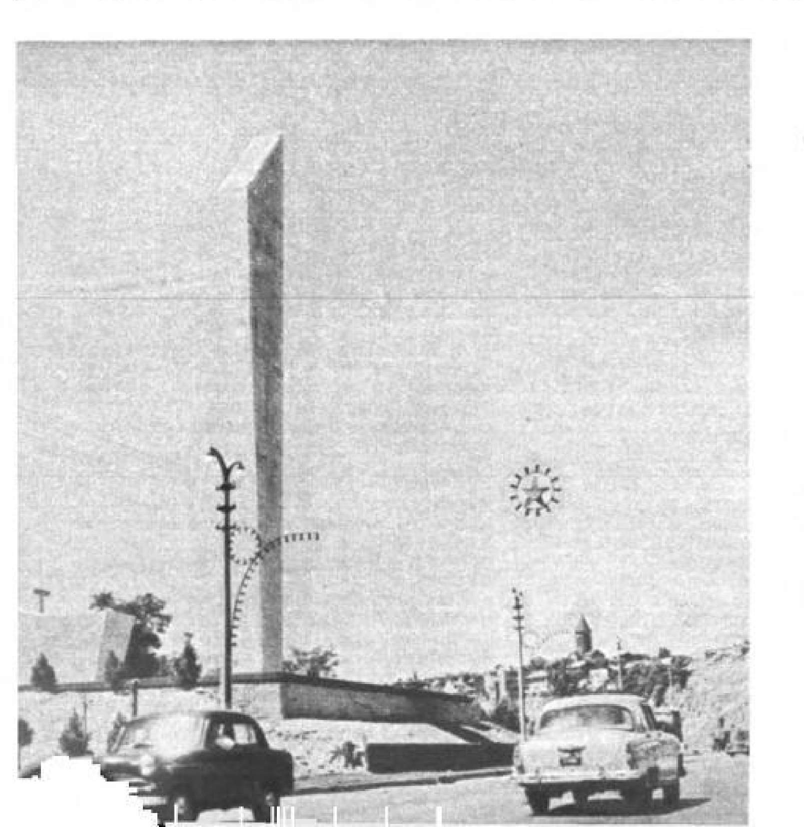
Не смейся.
На Земле ругай,
А здесь,
Убитому тоскою,
Усмешкою не намекай
На унижение мужское.
В ту ночь
К костру твоих волос,
Светивших искорками всеми,
Я муки робости принес
И нежности большое бремя.
В ту ночь не понимала ты,
Что счастью
Более, чем скупость,
Мешает легкая доступность
И постижимость красоты.
Минуты первой не порочь,
Я за нее стыжусь не очень,
Ведь судят не за эту ночь,
А судят за другие ночи.
За те,
Развеявшие страх,
Когда, укрывшись темнотою,
Все чистое и все святое
Сжигал я на твоих кострах.

Среди сидящих предо мной
В прохладе синего тумана
Ищу глазами:
Где Марьяна?
И слышу голос неземной:
— Сюда, чтоб суд тебя судил,
Могли явиться по условью
Лишь те,
Которым ты платил
Ненастоящею любовью.
В покои судного дворца,
Согласно правил, были вхожи
Лишь те, чьи юные сердца
Ты в лучших чувствах
обнадежил...

И все же я,
Какой ни есть,
Заспорил на звезде,
как дома:
— Но почему и Дина здесь,
Сама ушедшая к другому?
Она же счастлива, любя?
— Да, — отвечали мне
игривей, —
И все же, не познай тебя,
Была б она
Еще счастливей.

Сказала
В сумерках ветвей
Обиженная мною жрица:
— Ей память о любви твоей
Мешает счастьем
насладиться...
А та сидит,
Потупив взор,
Не веря в то, что я
преступен.
Ей наш эфирный разговор
Был совершенно недоступен.
Ах, Дина,
Дело не в словах!
Как быстро ты,
Меняя бусы,
Прическу,
Блузкой в кружевах
Приладилась к иному вкусу.

В ПАМЯТЬ МУЖЕСТВА

На улице Вахтанга Горгасала жители Тбилиси возвели обелиск.

В 1795 году, когда армия персидского шаха Ага-Мохаммеда напала на столицу Грузии, триста горцев пришли на помощь обороняющимся и пали в бою.

Теперь на месте исторического сражения высится обелиск, чтоб всегда напоминать о мужестве горцев из ущелья Арагви.

Фото В. Джейранова.

Город на пойме

— Приехали, — объявил водитель.— Вот он, наш овощеводческий агрогород.

Еще совсем недавно здесь была целина — глазом не окинешь! Теперь бывшая пойма преобразилась. Справа от шоссе — кварталы жилых зданий, общежития. В них поселились работники совхоза. Вот там — видите?—клуб на 450 мест, чуть подальше детский сад. Есть тут и средняя школа.

... Такой экскурсии не было, но город уже строится. Пройдет совсем немного времени, и старожилы Дмитровского района, Московской области, будут рассказывать людям его историю.

Полтора года назад в пойме Яхромы началась грандиозная работа. Гектар за гектаром отвоевывали мелиораторы у природы, осушая заболоченные земли. Вслед за ними шли строите-

Вином, испитым мной до дна,
Бедой и муками терпенья
Была способность мне дана
Ее подслушать откровенья:
— Как я обязана душой
Ему, несчастному такому,
Ведь от его любви большой
Зажглась моя любовь
К другому.
Слепой, мне хорошо жилось,
Но вскоре поняла его я.
Он был со мной,
Как добрый гость,
Даривший счастье гостевое.
И стали страсть во мне
гасить
Стыда и скованности муки,
Как будто в праздник
У подруги
Взяла я платье поносить...

Когда бы я не испугалась
Нечаянных житейских гроз,
Уже давно бы сын твой рос
И утешал бы твою старость.
Скажи мне, что ты приобрел,
Когда по снегу,
По бурану,
Пренебрегая мной,
Побрел
Искать какую-то Звездану?..

...О имя,
Сколько света в нем!
Перед зарею ли,
В ночи ли
Меня с ним, помню,
обручили
Еще в младенчестве моем.
Звезда на небе отгорит
И скроется среди тумана,
Мать скажет:
— Вон к тебе летит
Твоя красавица Звездана.

Летело время,
И с годами
Ее черты я подмечал
У девушки, что повстречал
За деревенскими холмами.
Другие
То лицом,
То станом,
То смехом —
Слышу этот смех! —
Похожи были на Звездану,
Зато Марьяна больше всех.

Звездана,
Слышишь ли, родная,
Как, принимая дерзкий вид
И о тебе напоминая,
Земная женщина мне мстит?
Умру,
Не встречу,
Не узнаю,
Бледнея, не прижму к груди.
Землей и Вегой заклинаю:
Приди ко мне!
Приди!
Приди!

* * *

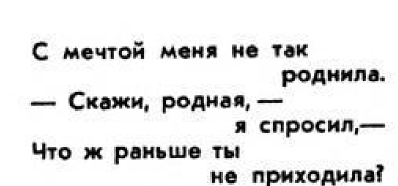
Вдруг лестница...
И с высоты
Спешит Звездана.
Ниже...
Ниже...
Уже близка,
Уже я вижу
Давно знакомые черты.
Вот туфельки сняла и к нам
По ступеня́м
Спешит спуститься —
Так к уходящим поездам
Спешат,
Чтоб ехать
Иль проститься.
Померкла красота земных,
Но нет обид и нареканий.
Все, все, что нравилось
мне в них,
Теперь слилось в одной
Звездане.

И вот она.
Конец погоне.
Я нежно взял в полукольцо
Своих натруженных ладоней
Ее небесное лицо.
Я взял его, чтоб надивиться
В награду за любовь и труд,
Как воду из ручья берут,
Когда хотят в пути напиться.

Любовно глядя мне в глаза,
Ресницы сизые смежала.
На девственных губах
дрожала
Скупая звездная роса.
И вдруг почувствовал
смущенье,
Как перед дочерью родной:
Да, грех любви ее со мной
Грехом бы стал
кровосмешенья!
А я ведь, гордый,
В дни страданья
Ее придумал для себя.
Она мечты моей созданье,
Душа моя
И плоть моя.

Я отдал годы.
С каждой тратой
Она мне делалась родней.
И вот все отданное ей
Теперь становится преградой.
Ах, раньше б!
Прежде трата сил

С мечтой меня не так
роднила.
— Скажи, родная, —
я спросил,—
Что ж раньше ты
не приходила?

Все поняла.
Затосковала.
— Пришла б, —
Призналась дочь звезды, —
Но у меня недоставало
Какой-то маленькой черты.
Была бы я чуть-чуть иная
Без этой черточки одной.
Ее искал, теперь я знаю,
Несчастный юноша земной...

Черты
Жемчужинками в море
Я для тебя искал, мечта.
Мне обошлась в громаду
горя
Твоя последняя черта.

ли. Здесь решено создать агрогород. Центр его — бывший пустырь между деревнями Лучинское и Синьково.

На территории трех совхозов — «Дмитровский». «Яхромский» и «Рогачевский» — появились хранилища для овощей, парники, жилые дома. На пойме стали прокладывать дороги, которые выведут машины на Рогачевское шоссе, а оттуда — в Москву.

Штаб строительства — в Рогачеве. Здесь, в управлении треста «Мособлстрой» № 2, обсуждают сейчас план генерального и решительного наступления на подмосковную целину. Составили его в Московском областном управлении сельского хозяйства.

Главный инженер Рогачевского СМУ Иван Павлович Малинин рассказывает:

— Наши строители очень спешат: ведь ко дню открытия XXII съезда на Яхромской пойме должны быть возведены все основные объекты.

В. ЩЕКАЧЕВ

Инженер Аткам Мансуров, сын узбекского плотника, окончил Среднеазиатский политехнический институт. Теперь он работает начальником смены в электроцехе Ангренской ГРЭС.

Фото Я. Рюмкина.

Электрических дел мастера

На востоке от Ташкента лежит цветущий оазис — долина Ангрена. За долгие тысячелетия река пропилила Чаткальский и Кураминский хребты, разделила их и обнажила скрытый в недрах бурый уголь. Говорят, что в глубокой древности здесь добывали железо. Наверное, так и было: железом славился когда-то Ангрен. Ведь само его название — искаженное Дарья-и-Ахангеран — означает река железных дел мастеров. А к новой жизни возродил эти места уголь. В годы Отечественной войны вырос социалистический Ангрен — узбекская кочегарка.

Молодому городу, как водится, потребовалась собственная энергетическая база. И в пятидесятых годах к многочисленным ангренским строителям прибавился еще один отряд. У раздвоенной скалы Тюя-Бугуз—Двугорбый верблюд—начали воздвигать Ангренскую ГРЭС—крупнейшую в Средней Азии, с проектной мощностью 600 тысяч киловатт. В 1957—1958 годах первая очередь ГРЭС — четыре турбогенератора по 50 тысяч киловатт — снабдила током здешнюю индустрию.

Но особый размах работы на Ангренской ГРЭС получили в годы семилетки. Строители и монтажники обязались пустить электростанцию на полную мощность уже в 1962 году.

Много новых заводов и фабрик должно быть пущено за семилетку в Ангрене. Всем им понадобится дешевая энергия ГРЭС: ведь когда станция обретет полную мощность, стоимость вырабатываемой ею энергии снизится в три раза. Но не только промышленность ждет окончания этого строительства. Жители города надеются, что будущая тепловая трасса, проложенная от ГРЭС, избавит их от пыли и дыма, которыми загрязняют Ангрен нынешние котельные.

Н. ВЕРИНА

Ошибся раз — и стан твой
гибок,
Ошибся два — и ты умна.
Ты из цепи моих ошибок
И заблуждений создана.
Найду любовь — и не поверю,
Несхожести не потерпя.
Что было для меня потерей —
Находкой было для тебя.
Пусть ошибался,
Не покаюсь,
Доволен трудною судьбой,
За все ошибки оправдаюсь,
Звездана милая,
Тобой...

Уже огни на Веге гаснут,
А мне неведомы пути.
Ты так светла,
Ты так прекрасна,
Пройди со мною,
Посвети!

Три зала...
Арки...
Сад...
В листве густой
Мы повстречались
С жрицей молодою.
— О сын Земли, мы судим
чистотой!
— О сын Земли, мы судим
красотою!

* * *

Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Мое земное сердце.
Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?
Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой,
И не прибрал,
И не припрятал спички.
И потому
На Небе на Седьмом
Тревожусь я делами
цеховыми,
Что мы
На самолете боевом
Клепали крылья
Слишком голубыми.

Истратив звезд
Запас словесный,
Я разговаривал с родной
И поверял душе небесной
Сомнения души земной.
Я говорил:
— Здесь вянет тело
Перестоявшею травой.
Летим домой.
Мне нужно дело.
Я человек мастеровой.
И даже в грусти безотрадной
Ее не тронула мольба.
— Будь счастлив, —
И рукой прохладной
Горячего коснулась лба.

— Прощай...
— Постой, моя краса.
— Нет, я не для судьбы
житейской. —
И скрылась,
И в ночи вегейской
Светили мне
Одни глаза.

Очнулся.
Цех гудел в горячке.
Еще во власти смутных
снов,
Я поднял голову от пачки
Дюралюминьевых листов.
Еще далекий голос слышал.
Был поздний час,
И, как всегда,
В пролете застекленной
крыши
Все та же виделась звезда.

* * *

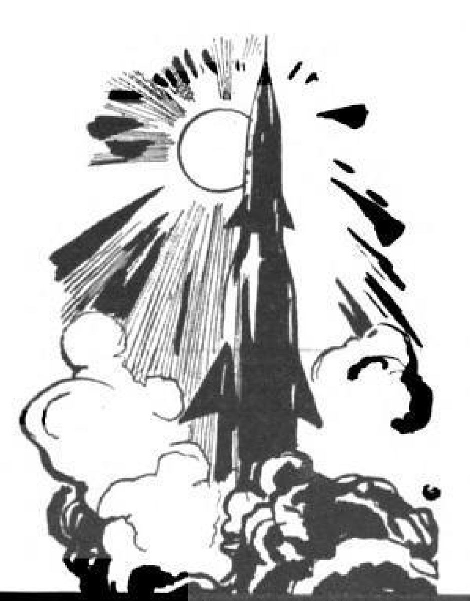
Что сон?!
Фантазия!
Наитье!
Но станет жизнь вдвойне
ясна,
Когда реальное событье
Ворвется продолженьем сна.
Гагарин!.. Юрий!..
Тихо плачу.
Как будто двадцать лет
спустя,
Отбросив тяжесть неудачи,
Взлетела молодость моя.
Все близко мне.
Ну, как планеты?
Когда орбитой пролетал,
Скажи, горячего привета
Мне там никто не передал?

И не стыжусь
И не краснею,
Что ты, свершая свой полет,
На двадцать лет пришел
позднее
И на сто лет уйдешь вперед.
Мы люди разных поколений,
Но для дороги голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.

Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой
взошли
От одного большого корня
Крестьянской матери-земли.
Деревня,
Школа,
Логарифмы,
Аэроклубная пора.
Все было схожим,
Даже рифмы
На остром кончике пера.
Мы жили словно в дружной
паре,
Хоть ты и шел за мной
вослед.
Я просто Горин, ты Гагарин.
Но двадцать лет
Есть двадцать лет!

Недаром же
По воле века,
Приход достойных торопя,
Меня испытывала Вега,
Чтоб не испытывать тебя.
Чтоб волю дать твоим
дерзаньям,
Еще когда ты рос, шаля,
Меня подвергла испытаньям
Всегда тревожная Земля.
Чтоб, дерзкий, ты взлетел
с рассветом
И возвратился в добрый час,
Мы все терпели, но об этом
Поведаю в другой я раз.

Я расскажу иными днями,
Задав нелегкое уму,
Какими трудными путями
Мы шли к полету твоему.

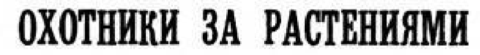
МАГНИТ И НАКИПЬ

Вам приходилось снимать внутри чайника накипь? А как часто ее приходится снимать с паровых котлов! На это уходят и время и средства.

Советские инженеры разработали специальные магнитные фильтры. Часть стальной трубы, идущей к котлу, удалили и заменили дюралевой. А вокруг нее поставили 12 магнитов. Под действием магнитного поля соли, содержащиеся в воде, видоизменяются и на котле образуется не твердая, а рыхлая накипь, которую можно легко удалить.

Выгоды этого изобретения уже налицо. Например, раньше на очистку котлов Иркутского городского водопровода тратили 3—4 недели. Магнитные фильтры сократили это время до 2—3 дней и дали годовую экономию приблизительно в 6 тысяч рублей. Стоимость же самого фильтра всего 75 рублей, к тому же он не требует никакого специального ухода.

Инженер В. ТЕРЕХОВ

ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ

С пышной красавицей розой, масло которой ценится на вес золота, осмелилось соревноваться совсем невзрачное растение — дикая морковь. Оказалось, что в родственнице огородного овоща гораздо больше душистого вещества — гераниола, чем в розе.

Это открыл доктор химических наук Георгий Васильевич Пигулевский, возглавляющий кафедру природных соединений Ленинградского университета и лабораторию химии растительных веществ Ботанического института имени В. Л. Комарова.

Еще в молодости, заинтересовавшись искусством парфюмерии, Георгий Васильевич стремился добыть из неприхотливых растений тонкие ароматические вещества, присущие дорогим, изнеженным цветам. Охотится за скрытыми богатствами нашей разнообразной флоры профессор Пигулевский вместе со своими сотрудниками и по сей день.

Опыты показали, что семена очень распространенного дикого поручейника выделяют чистый и стойкий запах ландыша, а сорняка-порезника — нежный запах фиалки. Эти душистые вещества уже перешагнули пороги парфюмерных фабрик. Но поиски химиков по-прежнему продолжаются.

Вот прангос — обитатель среднеазиатских республик; рядом с ним примостился дягиль, зонтичное растение, образующее сплошные заросли на берегах Аму-Дарьи. Ленинградские химики, обнаружив в корнях распространенного растения солодок (из семейства бобовых) тритерпены — вещества сложного и разнообразного строения, — первыми в нашей стране установили, что некоторые их виды схожи по свойствам с гормонами.

До сих пор единственным средством против Адиссоновой болезни (тяжелое заболевание почек) был дорогой и дефицитный продукт, выделяемый из коры надпочечников рогатого скота. А теперь выяснено, что глицерретовая кислота, находящаяся в корнях этих растений, способна заменить нужные гормоны. Правда, прежде чем применять, надо было повысить ее активность. Химики предполагают достигнуть этого, синтезируя на основе кислоты новые вещества.

Так ученые стали в лаборатории улучшать целебные качества растений, восполняя пробелы природы.

Например, уже давно йодистый крахмал (синий йод) применяется при дизентерии, паратифе и других инфекционных заболеваниях. Химики, взяв его за образец, создали йодовинил с более сильными целебными свойствами.

Ленинградские химики, открывая тайные богатства нашей флоры и на их основе синтезируя новые ценные вещества, оказывают большую помощь промышленности и медицине.

М. АНГАРСКАЯ

Загадки серебристых облаков

Случалось ли вам летом, в час прозрачных сумерек, когда солнце уже спустилось за горизонт, но еще не наступила полная темнота, или в час утренний, предрассветный, когда солнце только еще готовится к подъему, наблюдать на небе светящиеся облака?

Это — удивительное зрелище: облака появляются на фоне темнеющего неба, легкие, как тени, плотнеют, сгущаются и светятся феерическим мерцающим жемчужно-серебристым светом. Они медленно, почти незаметно для глаза идут по небу то мелкими, то крупными волнами, лишь слегка затеняя свет далеких звезд. Недаром один ученый, наблюдающий небо, был очарован их красотой и дал им название «серебристые облака»...

С недавних пор к этим облакам приковано внимание ученых.

Аэролог Николай Иванович Гришин, автор гипотезы, объясняющей важные стороны их метеорологической природы, рассказывает:

— Если бы мы могли наблюдать Землю с Марса, то прежде всего увидели бы серебристые облака в виде яркой, параллельной экватору полосы. Этим наша планета своим внешним обликом похожа на Юпитер и Сатурн. Серебристые облака находятся на большой высоте — в 80—85 километрах от земной поверхности, в том слое атмосферы, который геофизики называют мезопаузой. Здесь дуют сильные ветры, несущиеся со скоростью больше ста метров в секунду. Это в три-четыре раза быстрее, чем в самый злобный земной ураган. А температура — 150—160 градусов ниже нуля по Цельсию. Опасная зона. Но ее не миновать при подъеме в верхние слои атмосферы. Поэтому надо исследовать ее ветровой режим, изменение температуры в течение суток и года, наличие космических частиц и водяных паров.

Сделать это можно, изучив природу и свойства серебристых облаков — коренных обитателей мезопаузы. В течение Международного геофизического года в нашей стране множество станций наблюдало за ними. В результате этих работ были сделаны новые открытия. Но у серебристых облаков есть еще свои тайны.

Прежде всего из чего состоят эти облака? Существуют две гипотезы. Одна утверждает, что серебристые облака — это скопление космической пыли, возникшей в результате распада метеоров. Но большинство советских ученых придерживается другой, так называемой ледяной, гипотезы. Они считают, что серебристые облака — это скопление мелких частичек воды, возможно, в замерзшем состоянии.

Еще загадка. Никто и никогда не видел серебристые облака зимой. Они появляются только в связи с потеплением, с наступлением лета, в северном полушарии — в мае — сентябре, в южном — в октябре — феврале. Почему это происходит?

Исследователи серебристых облаков возлагают большие надежды на предстоящий Международный год спокойного Солнца (1964—1965), то есть на промежуток времени, когда спадет солнечная активность и можно будет с меньшими геомагнитными помехами вести наблюдения за небом.

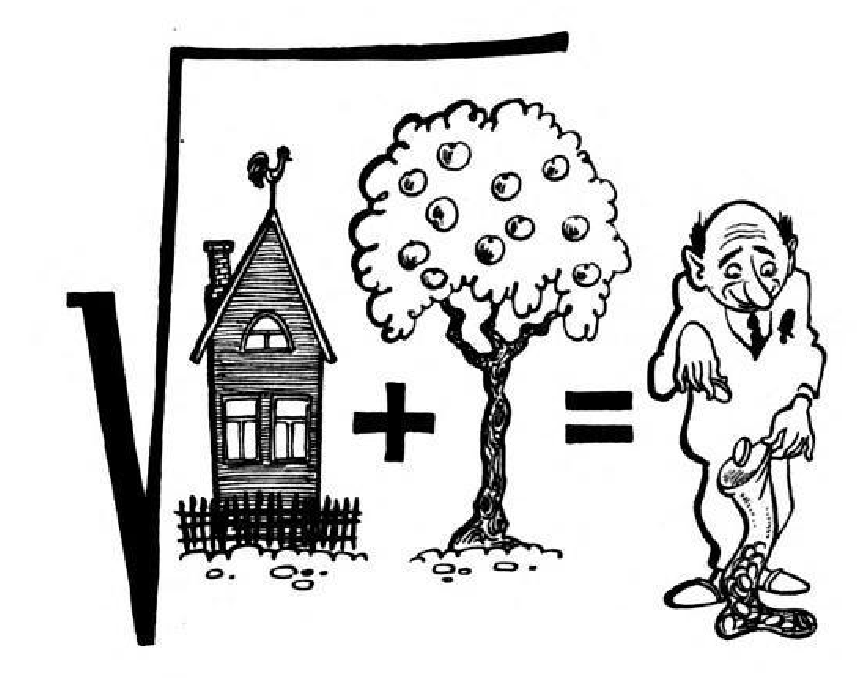
Н. ХРАБРОВА

ЖАДНОСТЬ

Фельетон

Г. КРЫТОВ

Рисунок Гр. ОГАНОВА.

В уютно обставленной двухкомнатной отдельной квартире по Алексеевской улице в Москве было тихо. Мерно тикали часы. Все располагало к умственному труду. Хозяин квартиры сидел за столом и подсчитывал, что сулит ему год грядущий...

— За сдачу дома в аренду нуждающимся в жилье гражданам мы должны получить пятьсот семьдесят целковых. Это раз!

К ладони левой руки прижался мизинец.

— За продажу травы на усадьбе под покос набежит двадцатка. Это два!

К мизинцу прильнул безымянный.

— Вишенки и яблоньки должны принести не менее восьмисот рублей.

К безымянному прижался средний палец.

— А если вкусную и румяную вишню да сочные, наливные яблочки продать по повышенной цене, то можно увеличить предполагаемую сумму еще на одну треть...

Почтительно согнулся указательный перст. Образовался кулак с гордо торчащим большим пальцем.

— Здорово получилось, черт возьми! На большой! — улыбаясь, проговорил он.

Но улыбка внезапно сползла с его лица, уступив место неприятной гримасе.

— А налоги двести два рубля? Забыл! То-то!

Указательный палец разогнулся и пистолетом уставился на жену.

— Мда-а! — протянул хозяин квартиры и с сожалением посмотрел на указующий перст.— Из семейного кармана такая приличная сумма вылетает...

— Убери руку, счетовод! Пора уж знать, что цыплят по осени считают,— съехидничала жена.— Лучше бы обдумал, как распорядиться дачами!

— А зачем о них голову ломать? — ответил муж.— Дачи — наша личная собственность, и ничего с ними не случится... Плохо ли иметь в Москве отдельную квартирку со всеми удобствами, а потом уютную комнатку с кухней в Зеленоградской, приличные комнаты в Кунцеве да еще усадьбу в Малоярославце? Куда душа пожелает, туда и поехать можешь! А при нужде можно и продать, деньги верные...

Кто это такой? Откуда взялся сей новоявленный помещик? Уж не со страниц ли книги Салтыкова-Щедрина он выпорхнул, чтобы рассказать советской молодежи, как жили в былое время жадные до наживы частные собственники?

Нет, что вы! Это Игорь Владимирович Харизаменов занят подсчетом годового дохода с семейной усадьбы. В помещиках он, конечно, не значится, но... старается им подражать.

Откуда же у него усадьба?

Подарок бабушки, преподнесенный в 1928 году сыну и двум внукам на равных долях. И состоит эта усадьба из земельного участка больше гектара, на котором расположен дом в сто двенадцать квадратных метров полезной площади и фруктовый сад в несколько сот корней...

Харизаменовым взять да и передать бы эту усадьбу исполкому Малоярославецкого горсовета для использования под детское учреждение, как это делают многие граждане. Тем более, что материально они хорошо обеспечены. Игорь Владимирович, например, за государственный счет дотянулся до звания профессора и доктора технических наук, пишет учебники, создает ученые труды и в дополнение к приличной зарплате имеет солидные приработки. Не отстает от старшего брата и младший — Олег Владимирович. Правда, он не доктор наук, а всего только доцент и кандидат технических наук. Да и их отец, Владимир Васильевич, ни в чем не нуждался. Государство его, как офицера, ушедшего в отставку по выслуге лет, обеспечило солидной пенсией. Не было у Харизаменовых нужды и в жилой площади. Кроме государственной — в Москве, имелась и своя, личная, под Москвой...

Все как будто говорит о том, что Харизаменовы должны передать бабушкин подарок городскому детскому саду. На что им эта обуза!..

«Отдать дом и сад? — завопили алчные Харизаменовы.— Да вы в уме?..»

И не отдали. На пути встала непреодолимым препятствием жадность...

Харизаменовы не жили в бабушкином доме после получения наследства тридцать два года. В Малоярославец они наезжали только затем, чтобы сдать в аренду дом, а потом убирались восвояси читать лекции, писать диссертации... Поспевали фрукты в собственном саду. Снова вояж — и снова деньги...

И вот Игорь Владимирович стоит на партийном собрании перед коммунистами Московского станкоинструментального института, оправдывается. Ему совестно, и он пытается доказать, что всю жизнь мечтал избавиться от всех дач и тем более от малоярославецкой усадьбы, но не мог этого сделать: ему не разрешал покойный отец...

Коммунисты уточняют некоторые детали в жизни Игоря Владимировича. При получении в государственном доме отдельной квартиры он скрыл от жилищных организаций, что имеет в разных местах на правах личной собственности восемьдесят семь квадратных метров жилой площади. Дачу в Зеленоградской, оказывается, он начал строить с компаньоном в 1943 году. Советские люди в это время, не щадя сил и жизни, изгоняли врага с родной земли, а Игорь Владимирович закладывал фундамент собственной дачи...

На собрании Игорь Владимирович кается, признает свои ошибки, заявляет, что свою часть дома в Малоярославце он подарил безвозмездно городскому детскому саду... А ведь совсем недавно этот человек вместе с братом городил пристройку к дому, чтобы расширить домовладение, увеличил сад на двадцать семь яблонь. И только с одной целью — повысить доход от усадьбы...

— Я тоже дарю свою и отцовскую часть дома детскому саду,— заявил с апломбом Олег Владимирович.— Но не бесплатно! Тысчонки четыре мы должны получить. Для государства эта сумма ничего не составляет, а для нас это деньги. И тогда владейте нашей собственностью...

Пришлось руководителям городского детского сада положить в загребущую лапу частного собственника требуемое. Ничего не поделаешь, для детей нужно помещение...

Коммунисты станкоинструментального института приняли решение исключить И. В. Харизаменова из рядов партии. Но в тени остается его брат Олег Владимирович — доцент и кандидат технических наук Всесоюзного заочного энергетического института. Надо полагать, что общественность и преподавательский состав этого института воздадут должное и ему.

После выступления «Огонька»

«Квартира № 5»

Секретарь Саранского горкома КПСС тов. Вовк сообщил, что факты размещения вытрезвителя в жилом доме (фельетон «Квартира № 5», «Огонек» № 20) «в основном имели место». «В настоящее время горисполкомом принимаются меры по переводу горвытрезвителя в помещение, более приспособленное для этой цели»,— пишет тов. Вовк.

Напоминаем читателям, что последним прибежищем саранских пьянчуг стал городской парк: вытрезвитель перевели сюда на летние квартиры, поближе к природе. Судя по письму, там он и продолжает пребывать, пока «принимаются меры».

Хотелось бы узнать о мерах что-нибудь конкретное, а еще лучше—об их конкретном результате еще до закрытия летнего сезона.

Кирина

Наша геологическая партия стояла на реке Кирее, в предгорьях Саян. За время дождей вода в реке поднялась и несла много всякой всячины. Так появился у нас детеныш кабарги — его принесла вода; мы его вытащили и в честь реки назвали Кириной. Любимым лакомством для Кирины был лишайник с деревьев, так называемые «бороды». Не отказывалась Кирина и от сладкого чая и молока.

С. БОРИСОВ

Иркутск.

Г. ГУРКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

БУДЕТ СОЛ

На экране уходил на войну мальчишка. Уходил, чтобы не вернуться. А в зале сидели его сверстники. Сидели, молчали, думали. Делегаты Всемирного форума молодежи смотрели «Балладу о солдате».

Какая-то особенная, взволнованная тишина. Блеск глаз. Подался вперед молодой бородач в форме повстанческой армии Кубы. Смахнула со щеки слезинку высокая темноножая девушка — ее зовут Кармен, она из Венесуэлы. Нервно мнет в руках «Юманите» широкоплечий парень из Алжира. Замерли в напряженной позе двое ребят в пестрых рубашках — на груди у них значки британских сторонников ядерного разоружения. Разные люди. Разные, вероятно, взгляды на жизнь. Но всех по-настоящему взволновала рассказанная языком большого искусства история простого и хорошего человека по имени Алеша Скворцов. Сколько таких вот молодых и добрых сложили головы, чтобы солнце мира и свободы засияло во всех уголках земного шара!

Что же, все это было напрасно?

— Нет! — отвечает молодежь планеты. Отвечает полетом Гагарина и разгромом контрреволюционных банд в горах Эскамбрай, отвечает новостройками Китая и талантливыми работами молодых итальянских архитекторов, отвечает дружбой, солидарностью в борьбе за мир, за прогресс.

Сто две страны направили своих посланцев на Форум. Сто две страны! В Дом союзов пришло знойное дыхание африканской пустыни, сюда пришли радости и надежды далекой Индонезии, заботы Америки, думы и искания Франции.

Неодинаковы пути и судьбы тех, кто приехал на Форум. Неодинаковы пути и судьбы их народов. С гордостью рассказывал о достижениях социалистического государства в работе с детьми представитель Союза польских харцеров Францишек Млечко. С улыбкой поднимался на трибуну Форума кубинец Хорхе Рискет Вальдес. «Куба — да, янки — нет!» — гремел зал. Гнев и скорбь звучали в речи двадцатисемилетнего африканца Кониба Плеа, посла Республики Мали в Китае, когда он говорил, сколько горя принес народам Черного континента проклятый людьми и историей колониализм. И радость светилась в глазах оратора, когда он делился первыми, пусть еще небольшими успехами, которых добилось его древнее и юное государство, сбросившее со своих плеч ярмо чужеземного господства.

...Рядом со мной, в соседнем кресле, сидел юноша в яркой, цветной накидке. Он что-то быстро записывал в блокнот.

— Я расскажу, расскажу обо всем этом дома! — почти выкрикнул он, когда зал взорвался аплодисментами.

— О чем?

— О том, чего можно добиться, когда родина свободна! О том, какое это счастье работать для своего народа! Я приехал сюда из Гамбии. Вы слышали что-нибудь о моей стране? Скажем, о писателях из Гамбии? Или об ученых из Гамбии? Вы не могли о них слышать! И знаете, почему? Потому что их просто нет. Нет! Зато есть рабство, есть колониализм, есть нищета и неграмотность, есть болезни и есть горе. Но поверьте, так будет не вечно. Придет время, и мы тоже добьемся свободы. И тоже будем рассказывать об успехах в экономике, в культуре. Это будет, будет обязательно!

Я знаю, что ты прав, друг из Гамбии! Трещит и рушится старый мир. И твоя родина узнает, непременно узнает, что такое свобода.

Люди, страны, континенты... Мы слышим их слова, мы чувствуем их силу, их правду.

Будет солнце для всех!
Будет!

Здравствуй, молодежь мира!

О чем молчал Аденауэр

Генерал де Голль и бундесвер.

Объектив фотоаппарата запечатлел трогательную картину: генерал де Голль обходит ряды почетного караула бундесвера. Застыли солдаты в серо-зеленой форме. Начальник караула, здоровенный детина, перехлестнутый ремнями и аксельбантами, горделиво вышагивает рядом с французским гостем...

Снимок сделан в Бонне. Но, когда смотришь на него, невольно думаешь о Мюнхене. Тогда тоже был почетный караул вермахта, тоже были вытянувшиеся в струнку солдаты. Прошло немного времени, и стук их кованых сапог услышали Елисейские поля.

Как произошло, что французские государственные деятели с такой необыкновенной легкостью забыли уроки недавнего прошлого? Как могло случиться, что сегодня они лобызаются с германским милитаризмом?

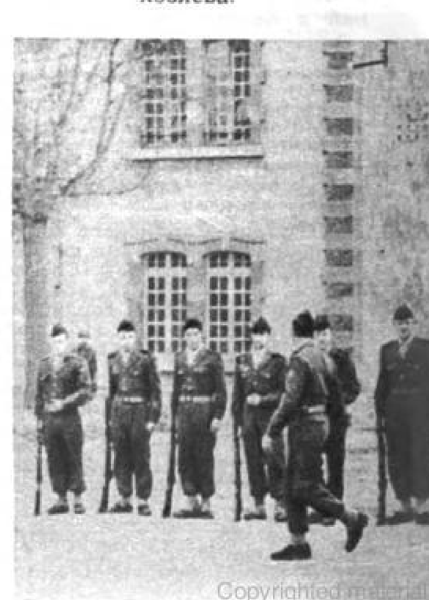
Чувство недоумения вызывают строки франко-боннских коммюнике. «Солидарность Запада», «коммунистическая угроза»... И лексикон-то весь мюнхенский!

Аденауэр и де Голль совершили недавно поездку по Рейну. Беседы, свидетельствуют западные агентства, проходили в атмосфере полной идиллии.

Мы не знаем, что говорил старый канцлер де Голлю, когда они любовались рейнскими красотами. Но мы твердо знаем, о чем Аденауэр молчал...

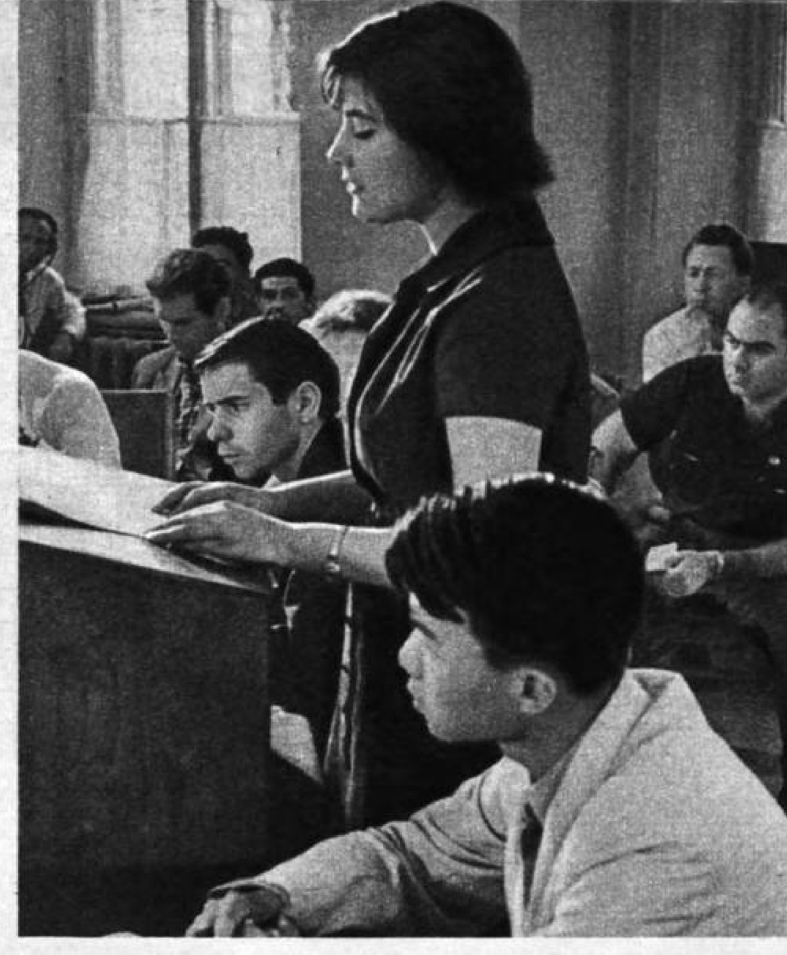
«Надо, чтобы Франция привыкла к немецкому мундиру». Это слова не из приказа нацистского фюрера. О, нет! Они содержатся в наставлениях, полученных западногерманскими солдатами, проходящими военную подготовку на французской земле. Слышите, французы? Вас пытались приучить к мундиру германских завоевателей с помощью огня и штыка, но вы не склонили головы ни перед кайзеровским орлом, ни перед нацистской свастикой. А сегодня? В отношениях между официальным Парижем и офи-

Мурмелон. Пришли новые хозяева.

В клубе «Форум».

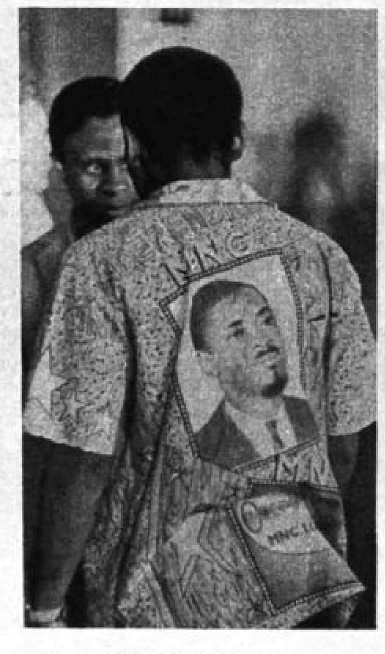

НЦЕ ДЛЯ ВСЕХ!

Комиссия «Молодежь и культура». Выступает Татьяна Самойлова.

Заседание закончилось.

Жив Лумумба!

Она приехала из ГДР.

Юность Африки.

циальным Бонном — пора дипломатии. Пора улыбок, тостов, елейной болтовни о дружеской привязанности. Генералы бундесвера, которых канцлер представил де Голлю, вежливо щелкали каблуками и произносили несколько фраз на тему о своих нежных чувствах к Франции. Они говорили на французском языке с отчетливым акцентом — акцентом оккупантов.

Вряд ли боннскому руководителю пришло в голову услаждать слух президента Франции рассказами о биографиях бундесверовских начальников. А между тем биографии многих из них весьма поучительны...

В годы войны нынешний бригадный генерал бундесвера Вернер Паницки не нашел лучшего способа проявить расположение к Франции, как превратить в развалины многие ее города. Бомбардировщики его эскадрильи прославились «кинжальными ударами», жертвой которых становилось главным образом мирное население.

Самые нежные воспоминания связаны с Францией у генерала Оскара Мунцеля, инспектора танковых частей западногерманской армии. Еще бы, за разгром французских дивизий фюрер лично вручил ему Рыцарский крест!

Бригадный генерал бундесвера Иоганн-Адольф фон Кильмансегг — тоже старый поклонник Франции. Ей посвящено немало литературных упражнений, которыми не прочь побаловаться герр генерал. С упоением описывает фон Кильмансегг, как солдаты вермахта сдирали с флагштоков государственные флаги Французской республики, как горели села Лотарингии и Шампани и как танки «подавляли всякую попытку оказать сопротивление». Фон Кильмансегг, когда пишет о поражении Франции, с недюжинным постоянством употребляет одну и ту же формулировку: «Разнесли в клочья». Пользуется ли он ею в разговорах с французскими коллегами по НАТО?

Боннский канцлер вряд ли рассказывал своему гостю о реваншистских сборищах, на которых тысячи глоток ревут песенку из гитлеровского репертуара «Мы победоносно разгромим Францию». Он, вероятнее всего, молчал и о том, что на таких сборищах нередко присутствует зловещий генерал СС Ламмердинг, тот самый, который командовал дивизией «Дас Рейх», превратившей в груду пепла Орадур. Вся Франция требовала выдать палача. Но Бонн сказал: «Нет!»

Очень содержательными могли бы быть беседы Аденауэра и де Голля. Но старый Конрад молчал. Молчал о том, что происходит сегодня в боннском государстве. Молчал о том милитаристском разгуле, который может привести к страшной катастрофе и Бонн и его друзей.

Канцлер молчит, но говорят факты! И чем скорее к ним прислушаются на Западе, тем лучше.

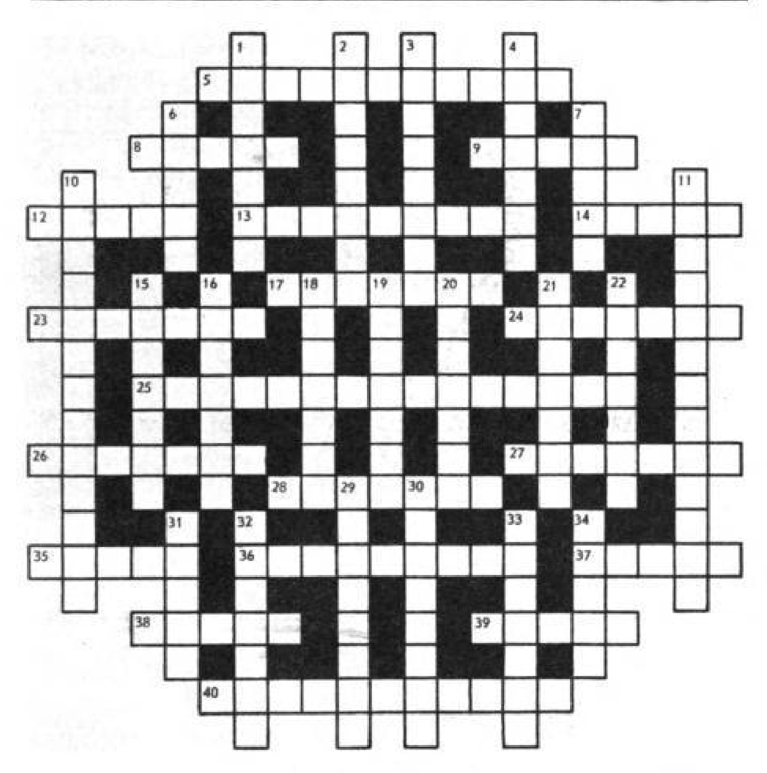
Г. АНДРЕЕВ

Гитлеровские войска возле Триумфальной арки в Париже. Неужели об этом забыто?

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский порт на Тихом океане. 8. Возвышенная равнина. 9. Руководитель факультета. 12. Китобойная флотилия. 13. Пьеса Л. М. Леонова. 14. Павильон для мелкой торговли. 17. Картина С. А. Григорьева. 23. Площадка, где строят суда. 24. Аппарат для получения копий. 25. Разведка местности. 26. Фотографическое изображение. 27. Производственная группа. 28. Ударный инструмент. 35. Автор «Путешествия Гулливера». 36. Игра в ответы на вопросы. 37. Химический элемент. 38. Изоляционный материал. 39. Стихотворный размер. 40. Специалист по выведению новых сортов растений.

По вертикали:

1. Водоподпорное сооружение. 2. Научное предположение. 3. Растение, цветущее ранней весной. 4. Стенной ковер. 6. Драгоценный камень. 7. Металлический или стеклянный сосуд. 10. Научно-технический журнал. 11. Русский математик XIX века. 15. Балет А. Хачатуряна. 16. Часть слова. 18. Несходство, различие. 19. Зыбкое, болотистое место. 20. Радиотехническое устройство. 21. Бумажный пакет. 22. Река в Красноярском крае. 29. Теория ораторского искусства. 30. Декоративный ягодный кустарник. 31. Периодическое понижение уровня океана или моря. 32. Музыкальный ансамбль. 33. Чехословацкий бегун. 34. Дорожка в парке, в саду.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

7. «Радуга». 8. Лиепая. 10. «Мальва». 11. Итуруп. 12. Кальман. 13. Кошара. 15. Глицин. 17. Дрозд. 19. Шляпка. 20. Комета. 24. Ртуть. 25. Байбак. 28. Мятлев. 30. Реформа. 31. Басоля. 32. Зуммер. 33. Ханаев. 34. Прадед.

По вертикали:

1. Парадокс. 2. Пульпа. 3. Салака. 4. Эллинг. 5. Церули. 6. «Капуцины». 9. Эльтон. 14. Росянка. 16. Лотерея. 17. Докер. 18. Дробь. 21. Кракатау. 22. Сухона. 23. Кременец. 26. Баобаб. 27. Кряква. 28. «Мазепа». 29. Томпак.

На первой странице обложки: Колхозные ребята. Чувашия.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Перетягивание каната — любимая спортивная игра моряков. Впереди — курсант Благовещенского речного училища Иван Федотов, один из отважной четверки молодых солдат, 49 дней боровшихся с океанской стихией.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

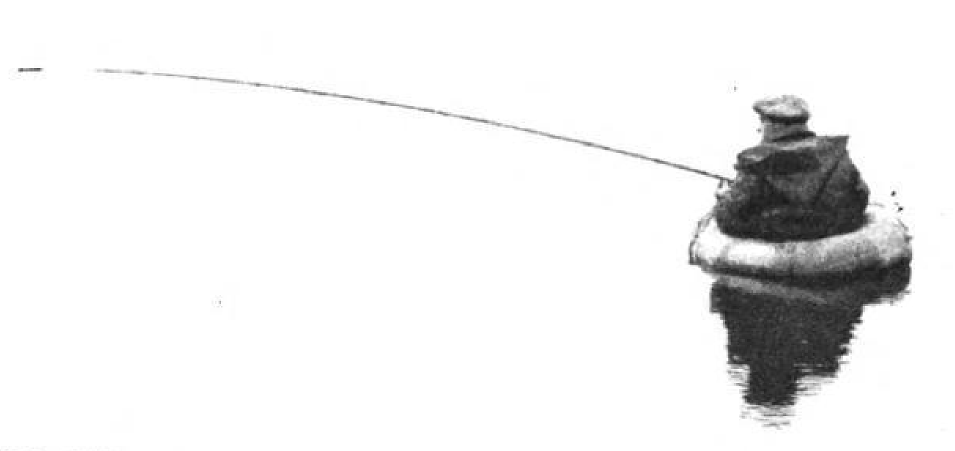
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05266. Подписано к печати 2/VIII 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1425. Заказ № 1921

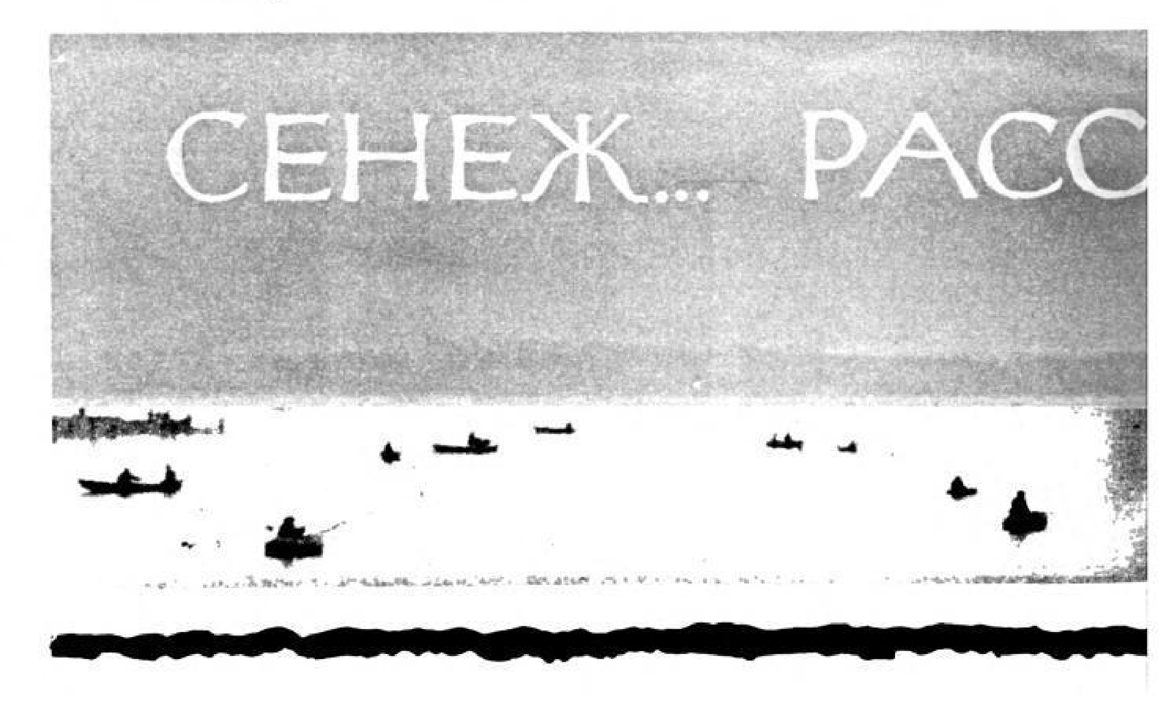
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

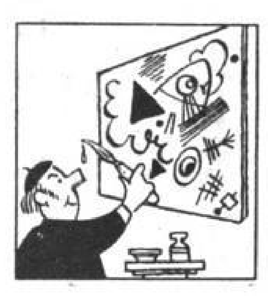

Хорошо!..

Сейчас клюнет...

Ни рыба ни мясо

«СОМОобслуживание».

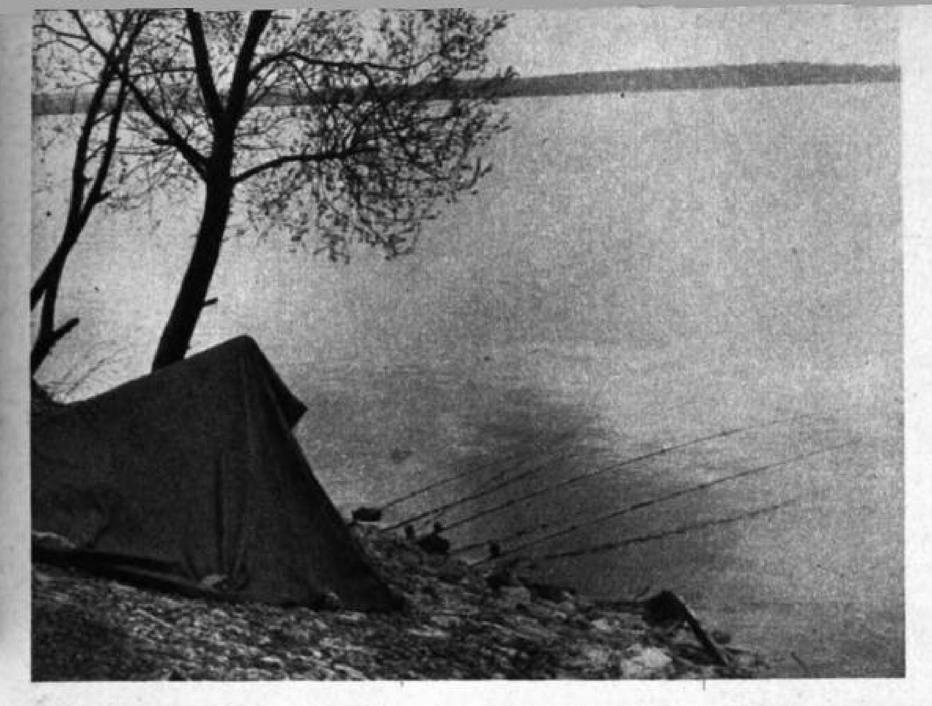
Червь сомнения.

— А твой опять клюнул!

Рисунки М. Вайсборда.

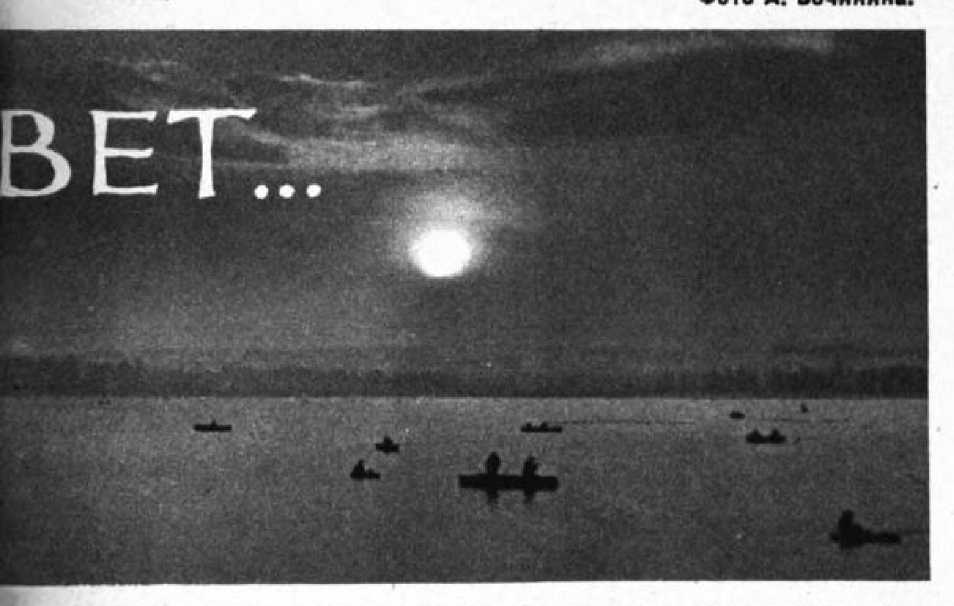

Авось...

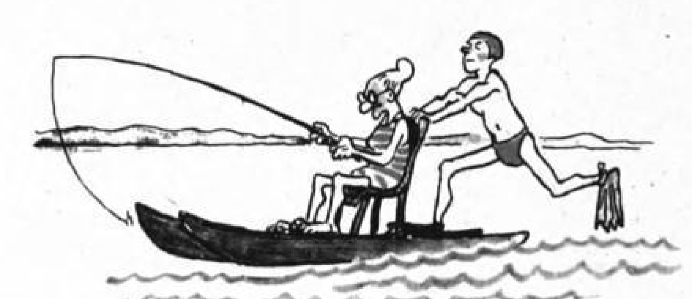
Клюет...

Фото А. Бочинина.

В походе, как дома.
Рисунок Е. Ведерникова.

Заботливый внук.
Рисунок Е. Ведерникова.

← Без слов.
Рисунок Б. Чупрыгина.

Первый предсказатель погоды.
Рисунок М. Захарова.

Цена номера 30 коп.

